

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

**Воинская служба
и общественная жизнь**

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации
Челябинский государственный университет

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО
Воинская служба и общественная жизнь
Сборник научных трудов

Челябинск 1997

ББК ТЗ (2Р36)
0-653

0-653 Оренбургское казачье войско: Военная служба и общественная жизнь. Сб. науч. тр. / Под ред. А.П.Абрамовского. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1997. 205 с.

ISBN 5-230-19993-8

В настоящем сборнике рассматриваются малоизученные проблемы истории оренбургского казачества: исполнение воинской повинности, осуществление торгово-предпринимательской деятельности, совершенствование системы управления станичными школами; раскрывается общественная деятельность казачества в эмиграции, страницы жизни ряда офицеров и генералов.

Сборник подготовлен на основе изучения новых архивных материалов.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук А.П.Абрамовский (отв. редактор)
кандидат исторических наук А.В.Апрелков
доктор исторических наук В.С.Кобзов

Рецензенты: кафедра истории Челябинского государственного института искусств и культуры;
П.Г.Агарышев, доктор исторических наук, профессор Челябинского агроинженерного университета

0505040000 - 007
4К8(03) - 97

Без объявл. ББК ТЗ(2Р36) - 294 +Т2(236) - 514

ISBN 5-230-19993-8

© Челябинский государственный университет, 1997

А.А.Абрамовский, А.П.Абрамовский

УПРАВЛЕНИЕ СТАНИЧНЫМИ И ПОСЕЛКОВЫМИ ШКОЛАМИ В ОРЕНБУРГСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ В XIX ВЕКЕ

С 1823 г., с начала функционирования первых школ — Нижнеозерной, Самарской и Оренбургской (Форштадтской) — в Оренбургском казачьем войске, в течение 15 лет их деятельность никакими циркулярами не регламентировалась, права и обязанности учителей четко не определялись, контрольные функции станичных атаманов в широком смысле слова не предусматривались. Только в 1838 г. командующий Оренбургским казачьим войском генерал-майор Н.В.Щуцкий одобрил "Правила о порядке управления школами, в войске Оренбургском учрежденными". Войсковая канцелярия разослала этот документ командующим кантонами с разработанными формами для месячной и годовой отчетности и просила их высказать свои соображения по вопросу дальнейшего расширения школьного строительства.

"Правилами..." определялось, что учитель станичной школы обязан был получить под свою ответственность небольшое имущество, принять учеников по списку и обучать их "на общих правилах военно-учебных заведений, терпеливо, вежливо и настойчиво"¹. Каждая школа должна была иметь обязательный комплекс специальных таблиц для обучения чтению, чистописанию, арифметике, а также столы с песочной насыпью для "копирования" букв, аспидные и крашеные деревянные доски для арифметических и геометрических выкладок, а также крайне необходимые для занятий "учебные нравственные книги".

Мальчики принимались в школу с 6 до 12 лет и подразделялись на "десятки" и "отделения по наукам"; назначенные учителями старшие по классам следили за их учебной и поведенческой деятельностью, а также дежурили по школе. Следует подчеркнуть, что дети состоятельных казаков и офицерского состава обязаны были посещать школу в порядке приказа, а мальчики из "недостаточных семей" — только с согласия их родителей. "Во время обеда учеников, — подчеркивается в "Правилах...", — учитель рапортует станичному начальнику и подает записки о неявиившихся в школу". Ежедневно, перед окончанием занятий в школе, мальчики

обязательно становились во фронт и маршировали. Через каждый час учебы организовывались игры, "приноровленные к военным упражнениям": бег, прыжки, гимнастические упражнения, маршировка поодиночке, рядами и повзводно, с поворотами. В воскресные и праздничные дни учащиеся строем шли в церковь, на литургию, а после обеда с ними проводились занятия по фехтованию деревянными саблями, сбиванию легкими дротиками соломенных шаров, закрепленных на деревянных кольцах, и т.п.

Учащиеся станичных школ "за леность и неважные поступки" обязательно наказывались: объявление выговора перед своими "соклассниками"; оставление в школе без обеда; постановка на колени продолжительностью не более четверти часа; прикалывание на левый рукав рубахи или шинели бумажного знака, означающего "неуспешность ученика"; наказание розгами от 5 до 10 ударов "за грубые шалости и упорную леность".

"Правилами..." особо оговаривалось, что "родители должны давать ученикам шинель казачьей формы, шаровары темно-зеленого сукна или из черного холста, фуражку, сапоги и чистое белье. Волосы учеников должны быть опрятно острижены, а ногти обрезаны".

Выпускные экзамены в казачьих школах проводились в присутствии кантонального начальника и приглашенных им чиновников. "Ученики, достигшие 16 лет, увольняются из школы для приготовления себя к службе, но желающие могут оставаться в школе до 19 лет, т.е. до самого поступления на службу", — отмечается в этом документе. Следовательно, они могли оставаться в своей школе до призыва на действительную службу в первоочередные полки Оренбургского казачьего войска.

Таким образом, "Правилами о порядке управления школами, в войске Оренбургском учрежденными" была четко определена роль станичных школ — обучать детей не только грамоте (закону Божию, русскому языку и счетоводству), но и быть рассадником военного образования среди подрастающего поколения, воспитывать его в духе казачьих традиций и воинской дисциплины. А среди взрослого населения все больше укреплялось сознание необходимости обучения своих детей, чтобы они могли стать младшими командирами или чиновниками военных и гражданских учреждений.

Курс обязательного обучения в станичных школах был рассчитан на четыре года, и до полного его окончания ни один из воспитанников не имел права прервать учебу без уважительных причин. Войсковое правление 17 декабря 1846 г. распорядилось о том, что всех мальчиков можно было "держат в школе", по

разным на то причинам, не более 6 лет. Таким образом, "поступающие в школу на 8-м году возраста должны быть выпущены на 14-м году возраста... Впрочем, если некоторые из учеников по способностям и прилежанию окончат обучение положенным предметам ранее определенного времени и удовлетворительно выдержат экзамен, то разрешить предназначить к увольнению из школы 6-летнего срока", — особо подчеркивается в этом документе². Однако для учащихся, особенно для детей офицерского состава, которые по собственному желанию, а также по настоянию родителей и родственников настаивали на продолжении учебы по истечении 6 лет, предусматривалось наиболее серьезное преподавание грамматики и российской истории, и то только в тех школах, где для этого имелись "способные учителя". Если в период 4-годичного цикла обучения в станичных школах основное внимание уделялось чтению церковных и гражданских текстов, чистописанию и "нумерации", то уже после 1846 г. казачата должны были: читать правильно и довольно скоро; писать без граф чисто и мелко, по возможности правильно "с диктовки", т.е. со слов, произносимых учителем; из арифметики необходимо было знать не менее четырех правил основательно, с практическими задачами; из Закона Божьего — краткий катехизис, а также краткую священную историю.

Положением о станичных школах предусматривалось обязательное наличие в каждой из них двух, более подготовленных, чем в предыдущие годы, учителей: священника по Закону Божьему и "учителя всех прочих предметов". В отчете за 1846 г. Наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор Н.Е.Цукато отмечал, что учителя из войсковых урядников и казаков, которые, сами не получив правильного образования, обучают только чтению, письму и частично начальным правилам арифметики. Закон Божий преподавался только там, где местные священники приняли на себя эту обязанность добровольно, без всякого за это вознаграждения³.

Все дети под руководством более подготовленных учителей, как указывалось в новом положении о станичных школах, должны были обучаться: а) чтению по книгам церковной и гражданской печати и по рукописям а также навыкам чистописания; б) Закону Божьему по краткому катехизису и священной истории сочинения Московского Митрополита Филарета; в) первой части арифметики с приложением ее к решению практических задач по руководству Бельмака; г) первой части грамматики по руководству для военно-учебных заведений. В первый год обучения основное внимание уделялось чтению детьми церковной и гражд-

данской печати и рукописей, чистописание и “нумерации”, во второй — шло ознакомление с нравоучительными повестями, баснями, овладение навыками письма под диктовку, усвоение четырех действий арифметики и практика в чистописании; в третий — изучались краткая священная история, русская грамматика до глагола “с приложением к практике”, окончание первой части арифметики, продолжалось письмо под диктовку и чистописание для твердости руки; в четвертый год знакомились с кратким катехизисом, заканчивали первую часть грамматики с приложением к практике и продолжали письменные работы под диктовку с объяснением правил правописания. Дальнейшее преподавание арифметики осуществлялось с “приложением теории к решению практических задач, заимствованных из общежития”⁴.

Наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор Г.В.Жуковский 26 июля 1850 г. утвердил новое, более полное положение о станичных школах, в котором определялась их главная задача: образовывать казачье юношество “в познании Закона Божия, русского языка, счетоводства, дабы все казачьи управления могли быть укомплектованы способными писарями, урядниками и чиновниками”. Станичные школы открывались только с разрешения Наказного атамана и относились к разряду приходских училищ ведомства Министерства народного просвещения. “Обучение начинается ежегодно по окончании полевых работ и продолжается до начала оных, а именно с 15 сентября до 15 мая, ежедневно пять часов, исключая среды и субботы, в которые бывает учение только до обеда, а послеобеденное время посвящается военной экзерциции”, — говорится в этом положении⁵. Общее руководство и “ближайший надзор” за школами поручались полковым командирам и особенно станичным начальникам (впоследствии атаманам), “по непрерывному их нахождению при станицах”⁶.

Вот, к примеру, как выглядело недельное расписание занятий в станичных школах Оренбургского казачьего войска, утвержденное Наказным атаманом генерал-майором Г.В.Жуковским в 1850 г.⁷

День недели	Классы	Занятия учащихся
Ежедневно до обеда	1	Определенное для этого класса на весь год учение
Понедельник	2, 3	Словесность, т.е. повторение выученного, учение уроков и навык в чтении книг
	4, 5, 6	Упражнение в чтении книг, если кто не отстал от своих товарищей, в противном случае твердить то, чем отстал от товарищей
Вторник	2, 3	Словесность, т.е. повторение выученного, учение уроков и навык в чтении книг
	4, 5, 6	Чтение арифметики
Среда	2, 3	Словесность, т.е. повторение выученного, учение уроков и навык в чтении книг
	4, 5, 6	Закон Божий
Четверг	2, 3	Словесность, т.е. повторение выученного, учение уроков и навык в чтении книг
	4, 5, 6	Чтение арифметики
Пятница	2, 3	Словесность, т.е. повторение выученного, учение уроков и навык в чтении книг
	4, 5, 6	Закон Божий
Суббота	2, 3	Словесность, т.е. повторение выученного, учение уроков и навык в чтении книг
	4, 5, 6	Упражнение в чтении книг, если кто не отстал от своих товарищей, в противном случае твердить то, чем отстал от товарищей

Учащиеся, без какого-либо исключения, обязаны были прослушать все предметы, предусмотренные 4-годичным сроком обучения, и без достаточных на то причин не должны были отвлекаться от учебы своими руководителями. Учителям вменялось в обязанность у “нарочно выбранных учеников старших возрастов и известных с отличной стороны по поведению” узнавать причины, по которым дети пропускали занятия, и в случае “крайности для побуждения родителей к отдаче их в школу” обращаться к станичным начальникам (атаманам).

Согласно этому положению знания учащихся оценивались, так же как и в школах Министерства народного просвещения, по пятибалльной системе, где каждый балл соответствовал определенным качествам: 1 — худым, 2 — средним, 3 — достаточным, 4 — хорошим, 5 — отличным. В конце учебного года проводились экзамены в присутствии полкового командира, станичного начальника, родителей учащихся, их родственников и посторонних посетителей. Учащиеся, заканчивавшие школы с отличными успехами, награждались похвальными листами за подписью учителя и законоучителя — местного священника. Через полковых командиров школьные учителя уведомляли Наказного атамана специальной ведомостью “для надлежащих распоряжений, касательно окончивших курс наук”. Окончившие казачьи школы с отличными успехами и “благонаравием” направлялись в войсковое или уездное училище для дальнейшего образования, “смотря по местной надобности”.

Регулярное инспектирование станичных и поселковых правлений атаманами военных отделов и Наказным атаманом Оренбургского казачьего войска убеждало их в том, что материальная база вновь созданных школ крайне скудна, казачьим обществом почти не пополняется из-за неимения на это средств, а стремление казачат к учебе, к овладению определенными знаниями порой сдерживается их родителями. Обобщая итоги очередного инспектирования станиц и поселков, Наказной атаман генерал-майор Г.В.Жуковский 7 декабря 1849 г. докладывал Оренбургскому военному губернатору, что “в существующих в войске станичных школах учебные потребности, как-то: бумага, перья, карандаши и т.п. — приобретаются родителями учащихся, отчего одни из родителей по бедному состоянию их, а другие по равнодушию к образованию не желают обучать детей своих грамоте или стараются отвлечь их от учения под разными предлогами, бумагою же снабжают детей своих столь низкого качества, что она вовсе не способна к правильному обучению их письму”⁸.

По настоятельной просьбе Оренбургского военного губернатора об улучшении материальной базы казачьих школ, хотя бы в минимальных размерах, император Николай I 12 августа 1850 г. повелел Наказному атаману генерал-майору Г.В.Жуковскому приобретать все, что крайне необходимо для обучения учащихся, за счет станичных общественных сумм, а в случае “недостатка или неимения их вовсе” — на общевойсковой капитал: для каждой школы, имевшей 25—30 учеников, — на сумму 6 р., а где свыше 30 учеников — на 10 р. серебром в год⁹.

Эти суммы, несмотря на кажущуюся мизерность, явились значительным подспорьем для всех школ Оренбургского казачества. Достаточно указать на следующий факт: в 1850 г. в Оренбургском казачьем войске функционировали 72 станичные школы с 2207 учениками и для них впервые были приобретены учебники на сумму 110 р. 75 к. из общественных средств, что составляло более двух третей израсходованных денег, и только на 40 р. 13 к., т.е. менее одной трети, — из средств Войскового правления, “на войсковой капитал”¹⁰.

На учителей станичных школ возлагалась обязанность “вразумлять учеников к скорейшему и прочному навыку всего ими преподаваемого основательным истолкованием каждого предмета”, при этом особенно подчеркивалась необходимость делать это “с терпением и кротостью, снисходя в особенности к малолеткам, потому что неуместной строгостью можно изгнать в ученике готовность к наукам, а скромность и вежливость при благоразумии и твердой воле поселят соревнование в учениках”¹¹.

Учителя станичных школ стремились к привитию ребятам любви к знаниям, стремления к их постоянному углублению, к соблюдению правил приличия в личном поведении как в помещениях, так и на улице. Они удерживали казачат от совершения различных проступков, учили справедливости, одобряли хорошие начинания, в первую очередь стремление к общественной деятельности. Особое внимание в казачьих школах уделялось воспитанию детей в духе уважения к родителям, всем старшим по возрасту и званию, особенно к офицерам и всему командному составу Оренбургского казачьего войска.

Учителя станичных школ ежемесячно представляли атаману подробные “письменные ведомости” о школьных успехах каждого из своих учеников и совершенных ими проступках. Кроме того, учителя обязаны были ежедневно в устной форме информировать станичное руководство об учениках-прогульщиках. “Во время обеда учеников, — подчеркивается в “Правилах...”, — учитель рапортует станичному начальнику и подает записки о неявившихся в школу”¹¹. Станичный атаман, в свою очередь, за крайне слабую успеваемость и плохое поведение ученика мог подвергнуть наказаниям его родителей. К концу XIX столетия родители учеников казачьих школ, допустивших какие-либо серьезные проступки, в том числе и нахождение на улице позже определенного времени, могли быть наказаны денежными штрафами в размере от 50 копеек до 5 рублей¹².

Контроль за деятельностью станичных школ во второй половине XIX века осуществлялся сначала полковыми команди-

рами, а после их упразднения — атаманами военных отделов, сосредоточившими в своих руках, по существу, всю “власть инспекторов народных училищ Министерства народного просвещения”. С 1886 г. при атаманах военных отделов назначались “наблюдающие за войсковыми низшими школами”, в обязанности которых входило: обеспечение учебных заведений учебниками, учебными пособиями и различными инструкциями и циркулярами; сохранение в исправности школьных помещений, оборудования и благоустройство территории; наблюдение за правильной постановкой обучения и за нравственностью педагогических коллективов. На эти инспекторские должности назначались, как правило, строевые офицеры, но иногда и чиновники военного ведомства, а круг их конкретных обязанностей определялся специальной инструкцией, утвержденной Военным советом 31 марта 1880 г.¹³

И атаманы военных отделов, и наблюдающие за учебными заведениями отчитывались перед Наказным атаманом Оренбургского казачьего войска о состоянии школьного дела в подведомственных им станицах и поселках. Наказные атаманы не только глубоко вникали в систему военной подготовки казаков, но и знакомились с состоянием школьного дела. Определенную известность получил приказ Наказного атамана генерал-майора И.В.Падурова № 2746 от 31 декабря 1858 г. В ходе инспекторской проверки Наказному атаману удалось побеседовать со всеми учителями и со многими учащимися и составить представление об их знаниях и умениях. Он внимательно осматривал школьные здания, имевшуюся в них мебель и различное оборудование, высказывал некоторые советы по их лучшему сохранению. Наказной атаман остался доволен работой только пяти станичных школ — Угольной (1-й военный отдел), Степной (2-й военный отдел), Еткульской, Кундравинской и Полетаевской (3-й военный отдел). В них, как отмечалось в приказе, “найден отличный порядок, науки преподаются весьма успешно, ученики на заданные вопросы отвечали вообще очень удовлетворительно”¹⁴. Учителям этих станичных школ урядникам Плотникову (Еткульская), Каспирову (Угольная), Соколову (Степная) и Прутову (Кундравинская) Наказной атаман объявил благодарность, а учителя Полетаевской школы казака Пашутина произвел в урядники, о чем объявил в приказе по Оренбургскому казачьему войску. Карагайскую станичную школу генерал-майор И.В.Падуров не инспектировал, но в приказе особо отмечалось: “... учитель этой школы урядник Перчаткин, представившийся мне в станице Верхнеуральской, способен и довольно сведущ, почему я ожидаю,

что Карагайская школа, в которую он определен учителем не очень давно, будет доведена им до хорошего состояния”¹⁴.

В Долгодеревенской, Константиновской, Красноярской, Миасской, Нижнеуельской, Павловской, Петропавловской, Филимоновской и Чебаркульской станичных школах “отвечали на экзамене большей частью удовлетворительно”, а в Варшавской, Верхнеуельской, Изобильной, Михайловской, Челябинской, Уйской и ряде других учились “с посредственными успехами”. Что касается остальных станичных школ, то там учащиеся “оказывали недостаточно, а в некоторых даже весьма недостаточно успеха в учении, часто от неспособности, а часто от нерадения учителей и необращения на школы должного внимания и заботливости полковым начальством”, — подчеркивалось Наказным атаманом¹⁴.

Отмечалось также, что Оренбургская станичная школа, находившаяся “при штабе атамана”, обеспечивалась лучше, чем другие школы казачьего войска, а по найденному в ней порядку и успеху в обучении детей была отнесена к разряду худших. По этой причине население казачьей станицы охотнее отдавало своих детей на учебу в Оренбургское приходское училище, чем в свою школу. Генерал-майор И.В.Падуров приказал полковым командирам “озаботиться избранием” в станичные школы, находившиеся в неудовлетворительном состоянии, и в первую очередь в Оренбургскую школу, более способных и прилежных учителей.

После известного приказа Наказного атамана генерал-майора И.В.Падурова все полковые командиры и начальники (атаманы) военных округов Оренбургского казачьего войска серьезно занялись приведением станичных школ “в надлежащий порядок”. Каждый из них по-своему решал вопросы строительства школьных помещений, оснащения их необходимой мебелью, подбора учительских кадров и, конечно, совершенствования учебного процесса и создания условий для организации “единообразного образования” казачат.

Начальник (позднее атаман) первого военного округа полковник М.В.Глухов ставил задачу, чтобы после окончания станичных школ “казачьи мальчики” могли быть в полной мере полезны как для войска, так и для гражданской службы. Он настаивал на том, чтобы они приступали к учебе не ранее 11-летнего возраста и заканчивали ее к 16 годам. “Тогда более или менее можно надеяться на успех, потому что в эти лета понятия их уже давно развиты и при учителе, не получившем классического образования, они будут в состоянии приготовить себя в том, что им будет определено пройти во время курса”, — указывается в ра-

порте полковника М.В.Глухова на имя Наказного атамана от 22 сентября 1858 г.¹⁵ Кроме того, предлагалось разослать в каждую станичную школу учебные планы и программы, в которых определялись обязательные дисциплины: чтение, чистописание, вся арифметика и "выкладка на счетах", необходимые понятия по географии и истории Российского государства, все четыре части грамматики Греча с приложением к практике, Закон Божий, правила военной экзерциции¹⁶.

Высказывалась мысль о необходимости учреждения должности окружного инспектора, основной обязанностью которого определялся тщательный надзор за организацией начального образования в казачьих станицах. Окружные инспекторы должны были подбираться "из лиц, вполне соответствующих назначению и непременно окончивших курс в кадетском корпусе". Обязанности их "очень сложны и довольно трудны", подчеркивал полковник М.В.Глухов, в первую очередь — наблюдение за учителями, их теоретической подготовкой и моральным состоянием, за усвоением учебного материала казачатами в каждой станичной школе, определяя при этом их успешность или "слабость работы" и рапортуя об этом начальнику (атаману) военного округа. Окружные инспекторы должны были решать вопросы увеличения или уменьшения количества школ, установления в них определенного числа учащихся и обеспечения учебниками и наглядными пособиями.

Инспекторам предусматривалось годовое "жалованье по чину" в сумме 427 р. 57 к., в целом, как известно, приравненное к жалованью чиновников по особым поручениям при Наказном атамане Оренбургского казачьего войска¹⁶.

И только через 30 лет согласно положению Военного совета от 6 июля 1886 г. в Оренбургском казачьем войске учреждены три должности "наблюдающих за низшими войсковыми школами", по одному на каждый военный отдел, с отпуском содержания им 2050 р. в год¹⁷.

К 70-м годам XIX века в Оренбургском казачьем войске было открыто 153 станичных и поселковых школ, в которых обучалось 4415 детей. Учитывая стремление родителей обучать своих детей и желание открыть школы на общественные средства, Наказной атаман генерал-майор К.Н.Боборыкин приказом N 6047 от 19 августа 1871 г. ввел обязательное обучение детей 8 — 9-летнего возраста. Современное требование и взгляд на обязанности казачьей службы требуют некоторого умственного и физического развития, указывал Наказной атаман, твердого и отчетливого знания тех постановлений и правил, которые прямо

относятся к строевому образованию казаков. "В станичных и поселковых школах мальчики, кроме элементарных понятий по тем предметам, которые ныне существуют в школах, — подчеркивается в этом приказе, — должны быть обучаемы: 1) стойке, поворотам, маршировке и некоторым построениям, кавалерийским сигналам и сотенному учению (пеший по конному). Все это ученики должны знать совершенно отчетливо, в движениях же, построениях и выправке достигать возможного совершенства. Для физического развития, гибкости членов и вообще ловкости мальчиков следует занимать гимнастикой, для чего устроить хозяйственным способом в каждой станице и поселке гимнастические машины. При гимнастических упражнениях ученики не должны стесняться никакими правилами, лишь бы только ловко прыгали на деревянного коня, проворно лазили по веревкам, косвенной и вертикальной лестницам; 2) чтобы мальчики, владея присвоенным им оружием (деревянная пашка и пика), знали, как и когда употребить его в дело, т.е. удары пашкою и уколы пикою наносились бы целесообразно и осмысленно и отнюдь не сопровождалась бы бестолковым верчением пики и маханием пашки в воздухе, для чего они должны изучать и усваивать основные правила фланкировки пикою и рубки пашкою. Сборка и разборка ружья обязательны также для каждого учащегося. Вместе с тем необходимо, чтобы будущие воины от рождения были приучены к военной дисциплине, ибо без дисциплины немыслима никакая часть благоустроенной армии"¹⁸.

В станичных и поселковых школах для достижения этой цели в распоряжении специально выделенных инструкторов находились форменные пашки, изготовленные на Златоустовском заводе, кроме того, имелись деревянные ружья, пашки и пики, различные "гимнастические машины" (снаряды).

В дальнейшем, в конце XIX — начале XX в., система подготовки казачьей молодежи не только совершенствовалась, но и всегда находилась под пристальным вниманием и жестким контролем Наказных атаманов, ежегодно производивших проверки состояния школ, уровня военной выучки учащихся, умения учителей и инструкторов передавать им свои знания и навыки. Наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор К.Н.Боборыкин, подводя итоги инспекторского смотра станичных и поселковых школ, проведенного им в 1873 г., писал в приказе: "Не могу не заметить значительного успеха по всем частям как строевого образования, материального снабжения, так и учебного дела во всех станицах войска. Радуюсь этому тем более, что, осматривая ежегодно большую часть станиц и сравни-

вая их успехи за несколько лет, я убеждаюсь, что улучшение идет настойчиво и постоянно, из года в год, так что настоящий год, очевидно, превосходит предыдущий, который, в свою очередь, был лучше предшествовавшего"¹⁹.

К началу XX века в станицах и поселках Оренбургского казачьего войска успешно работало 520 школ, из них 359 — мужских и смешанных, 161 — женская. Обучением 34590 казачат занимались 758 учителей.

В 1902 г. Оренбургское казачье войско инспектировал начальник Главного управления казачьих войск России генерал-лейтенант Щербов-Нефедович, который высоко оценил развитие грамотности подрастающего поколения. "Во всех школах мною было проверено чтение, письмо, знание арифметики и других преподаваемых в школах предметов, — говорится в его отчете, — а также осмотрена обстановка школ. Доказательством правильной постановки дела школьного образования в войске может служить тот факт, что взрослое казачье население, побывавшее в школах, не забывает грамоты: я имел возможность убедиться в этом, вызывая нередко прямо из окружающей нас толпы несколько казаков и казачек, окончивших курс 5, 10, 15 лет тому назад, для проверки степени их грамотности, причем в большинстве случаев обнаруживалось, что они не забыли грамоту, а многие из них сохранили хорошо и другие сведения, вынесенные из школьного обучения. Вообще, школа приобрела себе доверие среди казачьего населения, которое охотно посылает своих детей учиться, так как в нем все более укореняется сознание необходимости и пользы грамотности"²⁰.

Благодаря заинтересованности Войскового правления и станичных атаманов в совершенствовании школьного дела казачья молодежь под пристальным вниманием своих школьных наставников получала знания и навыки, необходимые как для воинской службы на благо Российского Отечества, так и для успешного ведения собственного хозяйства и осознанного участия в общественной жизни войскового сословия.

Примечания

¹ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 9—10. Оренбург, 1910. С.602. Далее "Правила..." цитируются по данному источнику.

² ГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.38-а. Л.46.

³ ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.12427/5. Л.20.

⁴ ГАОО. Ф.37. Оп.1. Д.38-а. Л.34.

⁵ Там же. Л.31.

⁶ Там же. Л.30.

⁷ Там же. Л.133.

⁸ Материалы по историко-статическому описанию... Вып.11. Оренбург, 1913. С.211.

⁹ См.: Там же. С.210.

¹⁰ См.: Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Во славу государства Российского: Начальное образование и военная подготовка в Оренбургском казачьем войске. Челябинск, 1994. С.36.

¹¹ ГАОО. Ф.92. Оп.1. Д.133. Л.103.

¹² См.: Абрамовский А.П. Становление и развитие народного образования в Оренбургском казачьем войске // Оренбургское казачье войско: Исторические очерки. Челябинск, 1994. С.39.

¹³ См.: Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819 — 1895 гг.: (Краткий исторический очерк). Составил подьесаул С.Н.Севастьянов. Оренбург, 1896. С.16.

¹⁴ ГАЧО. Ф.30. Оп.1. Д.6. Л.23.

¹⁵ ГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.38-а. Л.143.

¹⁶ Там же. Л.146.

¹⁷ См.: Школьное образование в Оренбургском казачьем войске... С.28.

¹⁸ Там же. С.12 — 13.

¹⁹ ГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.81. Л.78.

²⁰ Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербова-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. Спб., 1902. С.25.

А.В.Апрелков, Л.А.Попов

СУДЬБА КАЗАЧЬЕГО ПОЛКОВНИКА Г.В.ЕНБОРИСОВА

В 90-х годах прошлого столетия среди приверженцев конно-спортивных состязаний в России широкой популярностью пользовался сотник Оренбургского казачьего войска Енборисов. Это был смелый наездник — неоднократно победитель Всероссийского стипль-чеза, царских, великокняжеских, международных и общих пробегов. Он стал обладателем призов, оцениваемых целым состоянием. Так, например, приз с монограммой

“Каменское скаковое общество”, подаренный княгиней А.М.Хилковой, представлял собой массивный серебряный кубок, опоясанный платиновым украшением. Приз от почетных дам города Киева — в виде высокохудожественно выполненной кружки с крышкой, емкостью в четверть ведра, из чистого серебра. Приз за военную скачку в Ярмолицах состоял из комплекта серебряных ведра, ковши и шести бокалов. Золотой жетон за международный пробег на дистанцию 60 км, серебряный портсигар от генерала Орлова, приз от графини М.Е.Браницкой, приз от почетных дам города Екатеринбурга и города Троицка и другие, высокой стоимости, трофеи венчали успехи наездника. Самыми же почетными наградами Енборисов считал призы, полученные из рук Государыни. Один из них, завоеванный в 1899 году, был в виде золотого кубка весом в три с половиной килограмма, с гравировкой: “Победителю красносельской офицерской с препятствиями скачки лично из рук Ея величества Государыни Императрицы Александры Федоровны — сотнику Енборисову”. Этот кубок был украшен золотым гербом России, который снимался, и в дни парадов Енборисов носил герб на груди.

Гром аплодисментов, приветствия, почести обрушивались каждый раз на победителя скачек. Доблестные гвардейские офицеры считали за честь в такие моменты быть рядом с ним. Знатные дамы посылали ему улыбки и воздушные поцелуи. Казалось, что весь жизненный путь наездника будет “усыпан розами”. Но финал владельца этих призов оказался грустным. В то время, когда Енборисов в эмиграции пребывал в положении полуголодного и без крыши над головой, золотой приз — его гордость, оставленный им на хранение в Юзовке, в семье С.С.Сухаревских, был продан, а на вырученные деньги Сухаревские купили себе дачу в Крыму, купались, загорали на Черном море и не вспоминали о доверчивом наезднике.

Спортивная жизнь наездников скоротечна. Оставив скачки, Гавриил Васильевич Енборисов возвратился в один из лучших поселков, как он считал, Арси, что недалеко от Верхнеуральска, и включился в работу своего родного Оренбургского казачьего войска. Он принадлежал к плеяде тех казачьих офицеров, которые честь и достоинство Родины-матери считали превыше всего, а свою жизненную цель видели в безупречном служении Отечеству. Строго следуя канонам воинской службы, они того же требовали от своих подчиненных.

В 1907 году Енборисову поручили сформировать в Верхнеуральске 15-й казачий полк для несения внутренней службы. Он приступил к работе, поселившись в гостинице Куликова.

Однажды к нему в комнату ввалился здоровенный толстяк хорунжий Шмотин, он настолько был пьян, что не выговаривал слова. Енборисов не принял его, попросил в таком виде не беспокоить и не забывать, что он находится на военной службе. В дальнейшем, при формировании сотни, Енборисов избавился от Шмотина и его собутыльника подхорунжего Алексева. С первых встреч он безошибочно определял качества человека, не умеющего собой руководить. Судьба распорядилась так, что в эмиграции оказался вместе с Енборисовым и Шмотин, дослужившийся к тому времени до полковника. Даже в такой экстремальной ситуации Енборисов продолжал относиться к нему критически и всегда его сторонился.

Являясь образцовым воином, Енборисов зарекомендовал себя в войске прекрасным хозяйственником. Он длительное время возглавлял коммерческий Союз маслодельных артелей, который обладал значительными капиталами, был связан с крупными городами Европы. В 1912 году редактировал и издавал газету “Верхнеуральский вестник”, был частным поверенным в судах.

Февральскую революцию в 1917 году он расценил как трагедию России. Сожалел об отречении царя от престола. Решение апрельского Войскового круга об обязательном ношении красных повязок открыто игнорировал и никогда повязку не носил. В работе же Войскового круга принимал активное участие. Избранный председателем ревизионной комиссии, он до основания перебрал документы с грифом “секретно”, сосредоточив внимание на порочности назначения в прошлом наказных атаманов не из казаков, не болевших за нужды казачества. В результате чего в докладе ревизионной комиссии Кругу отмечалось: “Войсковое хозяйственное правление, Войсковой штаб и управления отделов в таком составе не должны быть принимаемы на службу в войске”. Круг с такой формулировкой согласился, т.е. положил начало всеобщему обновлению руководящих кадров в войске.

На очередном съезде казаки 2-го Верхнеуральского округа избрали Енборисова председателем окружного земельного комитета, почетным мировым судьей и представителем от 2-го округа в уездный продовольственный комитет, который вскоре избрал его своим председателем. А в сентябре Гавриил Васильевич выехал в Петроград для решения уездных проблем у министра продовольствия Пешехонова. В Петрограде, в приемной Пешехонова, он встретил представителей продкомов 19 уездов, которые уже целую неделю не могли попасть к министру. По инициативе Енборисова все они собрались в Аничковом дворце, провели собрание, выработали единый документ и в качестве своего представителя

направили Енборисова к министру. С большим трудом удалось прорваться ему к Пешехонову. Министр поднялся с кресла и недоброжелательно спросил: "Чему обязан такой поспешности, господин офицер?" Енборисов зачитал коллективно выработанный документ и добавил: "Если мое ходатайство не будет удовлетворено — казаки хлеба не дадут"¹. Помолчав, Пешехонов предложил продолжить разговор вечером. К 11 часам вечера в его кабинет прибыли Родзянко, Керенский и еще семь человек. Доложив им о своем деле, Енборисов еще раз заявил, что если ходатайство не будет принятым, казаки хлеба не дадут. Столкнувшись со столь категоричным и законно-справедливым требованием, совещание у министра документ, представленный Енборисовым, утвердило. А требования в этом документе были до боли знакомы — правительству предлагалось одно из двух: или снизить цены на предметы первой необходимости, или повысить цены на хлеб. И правительство согласилось повысить цены на хлеб. Но пока Енборисов из Петрограда добирался до Верхнеуральска, торговцы, узнав об этом, подняли цены на ширпотреб в пять раз. И земледелец опять оказался "на бобах". "Нет, с этими народопродавцами мы пропадем, их режим с первых дней показал себя несостоятельным", — сделал вывод тогда Гавриил Васильевич.

Получив известие об Октябрьской революции в Петрограде, Енборисов, атаман 2-го округа Захаров и комиссар Временного правительства Воронин, посоветовавшись, решили созвать окружной съезд в Верхнеуральске. Съезд принял решение: "Советскую власть не признавать". А на полученную телеграмму из Казани от нового командующего войсками прапорщика Ершова Енборисов ответил: "Никаких комвойск, кроме Войскового правительства, не признаем"².

С этого момента Енборисов вступает в открытую борьбу против Советской власти. Помогает А.И.Дутову в организации антисоветских выступлений, вошедших в историю под названием "Дутовского мятежа". Весной 1918 года руководит боями под Верхнеуральском, преследует красных от Сухтеленской станицы до Троицка. Но гражданская война отличается от других войн тем, что не имеет четкого разграничения фронта и тыла. В станице Подгорной его, с группой офицеров, схватили переодетые красноармейцы и дважды в упор разрядили револьвер ему в грудь. Потом, после схватки, Енборисов нашел у себя в кармане жилета две пули, оказалось, что спасла его хранящаяся в кармане медная иконка-складень, подаренная ему отцом еще в гимназические годы. Отступая, Енборисов участвовал в Тургайском походе Дутова. А возвращаясь из Тургая, по пути делал "интенсивные

выемки" из бывших поселковых и станичных Советов, т.е. выявлял, арестовывал и расстреливал наиболее активных поборников Советской власти.

В Верхнеуральск он прибыл, когда под городом шли бои с наступающими со стороны Белорецка каширинскими войсками. Не дав отдохнуть с дороги, Енборисова назначают комендантом штаба обороны города и округа. Посоветовавшись с командованием и атаманом Анненковым, приведшим сибирских казаков на помощь верхнеуральцам, он готовит к эвакуации город, организует строительство новой оборонительной линии. И в это время, словно обухом по голове, получает известие о том, что любимый сын его, Николай, сражается на стороне Каширинных, возглавляет штаб красно-казачьего отряда. А через несколько дней, неизвестно какими путями, Николай с отрядом казаков появился в тылу белых войск, близ родной станицы Арсийской, где и встретились после долгой разлуки отец с сыном, белый и красный командиры. О чем говорили они тогда, мы уже никогда не узнаем. При выходе из дома, после разговора с отцом, Енборисов-младший был убит белоказаками Спасской станицы. А отец его, после случившегося, еще больше возненавидел большевиков. Гнал от себя Гавриил Васильевич мысль о том, что, взяв курс в 1917 году на конфронтацию между белыми и красными, он готовил гибель своему сыну, гибель многих и многих казаков.

Будучи хорошо известным в войске и пользуясь авторитетом среди части казаков, он многое делает по сплочению их на борьбу с большевиками, оказывая неоценимую помощь руководителям белого движения. Однажды, в 1918 году, на Илецком фронте один из пластунских полков дивизии генерала М.Серова предъявил командованию требования о выборности командиров, об очередных месячных отпусках казаков, о предоставлении возможности всему личному составу еженедельно мыться в бане и другие, а в последнем, 12-м пункте, предупредили активисты полка: "Если начдив не выполнит этого требования, они отказываются подчиняться, если захотят провести над ними репрессии, то они перережут всех офицеров и уйдут с фронта по домам"³. Пластунский полк формировался из станиц 2-го, Верхнеуральского, округа, где в это время проходил окружной съезд. А.И.Дутов немедленно телеграфировал в президиум съезда и просил казаков-отцов повлиять на своих сынов, проявивших акт неповиновения. Такое известие с фронта вызвало растерянность и уныние многих делегатов съезда, ведь в полку служили их сыновья и родственники. В зале установилась гробовая тишина, когда слово взял председательствующий на съезде Г.В.Енборисов.

Он говорил долго и убедительно и склонил казаков принять строгое решение в отношении своих сыновей в случае, если они в 3-х дневный срок не раскаются, не извинятся перед своими начальниками и не выдадут агитаторов и подстрекателей. В этом решении говорилось: "У нас детей непослушников нет и быть не должно, и мы от них отказываемся и принять их в отчий дом не желаем, семейства их — жен и детей, сию же минуту из домишек выбрасываем на улицу, поддержки не даем, все конфискуем в пользу фонда спасения войска, проклянем, как предателей, идущих против своих отцов"⁴.

Через два дня от атамана Дутова пришла вторая телеграмма, в которой он выражал благодарность казакам за воздействие на сынов своих и сообщал, что "сыны горько раскаялись и коленопреклонно умоляют простить им это заблуждение". Криками "Ура!" встретили казаки-отцы сообщение атамана. Отлегло от сердца. Засияли лица стариков. Енборисова подняли на руки и понесли по залу. По этому случаю на два дня прервалась работа съезда.

Аналогичный случай произошел в Оренбурге. Поздно вечером, когда в городском театре чествовали депутатов Войскового круга, к помощнику атамана Акулинину прибыл посыльный от командира полка полковника Булгакова с тревожным сообщением о том, что полк, укомплектованный казаками 1-го, Оренбургского, округа, при переброске на другой фронт должен был проследовать через Оренбург. Казаки полка в ультимативной форме потребовали разрешить им на несколько дней задержаться в Оренбурге для встречи со своими семьями, а обстановка этого не позволяла. Срочно в 12 часов ночи в здании биржи, на Мучной площади, собрался Войсковой круг. Слово взял товарищ председателя Войскового круга Г.В.Енборисов. Он знал, что его слушают также и делегаты полка Булгакова и поэтому подчеркнул строго предложил помощнику войскового атамана Акулинину немедленно поехать на вокзал, построить полк и каждого десятого казака предать военно-полевому суду. Увидев, что это предложение поддерживает Войсковой круг, делегаты полка удалились, рассказали в полку о выступлении Енборисова и реакции Круга на это выступление. Казаки долго не дебатировали, а попросили командование побыстрее их отправить на фронт, так как время не ждет, и далее несли службу без замечаний.

Г.В.Енборисов был одним из самых богатых казаков в войске. Он владел маслодельными заводами. О его состоянии можно судить по такому факту: до революции семья Енборисова имела свой собственный автомобиль и наемного шофера, что в те

годы могли позволить себе лишь немногие. Революция лишила его всех этих благ, и это наложило отпечаток на его поступки. Кроме того, его успехи на ипподромах, лавры победителя укрепили его самосознание до уровня, который много лет спустя в спортивном мире стал именоваться "звездной болезнью". А его строгость, принципиальность не всем нравились даже в лагере белого движения и нередко служили причиной неприязни к нему отдельных должностных лиц. Его действия подвергались критике на 1-м Войсковом круге, но особенно серьезный конфликт возник после того, как Г.В.Енборисов обнаружил, арестовал и передал в следственную комиссию киргиза Сайдык Телегенова, бывшего колонновожатого отряда Н.Каширина и В.Блюхера, указавшего им путь отступления Дутова в Тургайские степи. Но через несколько дней Телегенов вновь оказался на свободе. Посчитав, что он дал взятку председателю следственной комиссии Боярову, Енборисов арестовал и поместил в Верхнеуральскую тюрьму и Белоярова. Но за Белоярова вступились все его сослуживцы: член Государственной думы Гродзицкий, юрист Суриков и Цветков, больше же всех усердствовал помощник прокурора Тельтовт. Эта группа повела скрытую борьбу против Енборисова и 18 февраля 1919 года в Троицке добилась его ареста. Несколько месяцев провел Енборисов под стражей. Освободиться ему удалось только после решительного наступления красных на Троицк со стороны Верхнеуральска.

Г.В.Енборисов родился в 1858 году⁵. В 1919-м ему уже шел 61-й год. В это время он принял решение уходить от наседаящих красных с белой армией на восток. В начале августа, после того как белоказаки не сумели отстоять Троицк, он с небольшим семейным скарбом двинулся в путь. Через станицу Усть-Уйскую и город Петропавловск прибыл в Омск, где вступил в дружину Святого креста. Архиепископ Сильвестр лично прикрепил ему на грудь знак крестоносца: на зеленом щите белый восьмиконечный крест. Г.В.Енборисов вновь оказался в строю. Отряд крестоносцев состоял исключительно из добровольцев, убежденных монархистов, считавших революционные события, произошедшие в России, проделками дьявола, а бороться с дьяволом можно лишь оружием, осененным молитвой, и под крестом. Крестоносцы отличались высокой дисциплинированностью и жестким отношением к противнику. Они были опорой командования и пропагандистами добровольческого движения в Сибири. Один из отдельных отрядов дружины Святого креста возглавил вскоре Г.В.Енборисов. Его деятельность по достоинству была оценена командованием. В начале ноября 1919 года Енборисова вызвал к

себе Верховный главнокомандующий Колчак и, после краткой беседы, войсковой старшина Енборисов уходил от Колчака уже в звании полковника.

Вместе с белой армией крестоносцы делили радость побед и горечь поражений, в том числе и во время тяжелейшего отступления на восток. Отступая, в районе Канска группа войск в составе Добровольческой дружины Святого креста, остатков добровольцев 13-го полка и 25-го, имени адмирала Колчака, полка, штаба и остатка морской дивизии под командованием адмирала Старка, юнкеров, остатков 1-й кавалерийской дивизии, отряда Особого назначения, артиллерии полковника Берена с орудиями, но без снарядов и других мелких отрядов оказалась в окружении. Встал вопрос, кому доверить в этот критический момент общее руководство всеми перечисленными отрядами. Выбор пал на полковника Енборисова. Не успел он по-настоящему вступить в должность, как его срочно вызвали на совещание к генералу Миловичу. Генерал настаивал на том, чтобы организованно идти сдаваться большевикам. Совещание проходило в большой крестьянской избе, переполненной офицерами. Милович сидел за столом. На столе разложена карта. В тусклом свете единственной в комнате свечи в углу поблескивал самовар. Генерал явно нервничал: "Узнайте, господа, где Енборисов, скажите, что я его требую". "А я здесь!" — встал с задних рядов Енборисов. Заросшего седой бородой, в полушубке, его не узнали, когда он входил. "Только ведь вы, ваше превосходительство, — продолжал он, — решили идти сдаваться большевикам. Следовательно, наши пути разошлись. Я живым к ним не пойду. А вас прошу оружие с собой не уносить, оно русское". Говорил он это под одобрительный ропот офицеров.

Ночью на квартиру Енборисова неожиданно явились бывший главком армиями Колчака генерал Сахаров и его начальник штаба генерал Лебедев. Этой же ночью они втроем направились на квартиру Миловича. Милович спросонок страшно испугался, когда в комнату входил Енборисов, но увидев Сахарова оправился, пожаловавшись генералу: "Этот тип хочет меня разоружить", "Не тип, — оборвал его Сахаров, — а начальник объединенных отрядов. А если ты действительно решил сдаваться, то он прав". Утром Милович с кавалерийским дивизионом ушел в Канск, где сел в поезд к чехам, а дивизион вернулся обратно. Енборисов же повел свой отряд, обходя занятые красными селения, через тайгу. И за Канском без потерь вышел из опасной зоны. А по следам отряда Енборисова наступали его земляки — 30-я стрелковая дивизия Красной Армии, сформиро-

ванная из каширинских отрядов, ушедших в августе 1918 года из-под Верхнеуральска и Белорецка на север.

13 февраля 1920 года части 30-й стрелковой дивизии ворвались в Иркутск, поставив белую армию в катастрофическое положение, из которого оставался только один выход — по льду через озеро Байкал. И белая армия совершила этот "ледяной поход", от селения Лиственничная до станции Мысовая, на другой стороне Байкала, где соединилась с войсками Российской восточной окраины атамана Семенова.

Г.В.Енборисов продолжил борьбу в Забайкальских лесах во главе своего отряда. За мужество и храбрость, проявленные в боях, он был награжден орденом Св.Анны с мечами и орденом Св.Владимира IV степени с мечами и бантом. В конце марта 1920 года его назначают Дежурным генералом 3-го Отдельного стрелкового корпуса вместо переведенного на другую должность полковника Купленникова, бывшего воспитателя Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Состав управления Дежурного генерала в этот период почти весь состоял из оренбуржцев; строевую часть возглавлял полковник Баранов, хозяйственную — П.С.Архипов и т.д. Представительство оренбуржцев в корпусе на этом не заканчивалось. В составе Ижевской дивизии сражалась Оренбургская казачья бригада полковника Соколова. Конвойная сотня полковника Русина также была укомплектована оренбургскими казаками. Последнюю должность в белой армии Г.В.Енборисов занимал в качестве заместителя начальника охраны генерал-лейтенанта атамана Семенова, ставка которого размещалась в Чите. Сюда, к атаману Семенову, со всех сторон стекались сторонники белого движения. Появились в Чите генералы Зайцев и Вагин, в разное время занимавшие должность начальника штаба в армии А.И.Дутова, В.С.Новокрещенюк — личный адъютант А.И.Дутова и др. Генерал Анисимов, бывший представитель Оренбургского казачьего войска в ставке Колчака, получив от атамана Семенова 100 тысяч рублей для оказания помощи оренбургским казачьим отрядам Дутова и Бакича, отступившим в районы Западного Китая, выехал в Харбин. Вместе с ним уехали полковники Шмотин и Нестеренко. Как выяснилось позднее, 43 тысячи из этой суммы действительно были перечислены оренбургским казакам, а остальные 57 тысяч бесследно исчезли. В своих воспоминаниях Г.В.Енборисов отмечал такой факт: "...генерал Анисимов перечислил значительную сумму в адрес генерала Бакича, но затем эти деньги умудрился забрать, а по документам они значились перечисленными". И это произошло в то время, когда в отряде Бакича казаки умирали голод-

ной смертью. Генерал Карнаухов об этом свидетельствовал: "Дорога от Гучена до Кобдо была усеяна трупами умерших от голода станичников". Среди умерших значились подьесаул Кочуров, Василий Сысуев-Краснинский, отец и сын Волковы и др. Прибыв в Читу "круглым сиротой", полковник, затем генерал Кручинин командовал оренбургской казачьей бригадой, но в пути свою бригаду потерял или бригада его потеряла. Он тоже получил 100 тысяч рублей и выехал в Харбин.

Летом 1920 года стало известно, что в Харбине существует американская организация под названием "Лига свободы и прав человека", которая проводит идеи разделения России на штаты, подобные американским. Атаман Семенов командировал Енборисова для изучения намерений этой организации. В Харбине Енборисова и сопровождавших его оренбуржцев, подьесаула Смородина и хорунжего Нестерова, встречали их земляки-станичники, подпоручик Дисковский, Широкоштанов, затем генерал Серов и др. Все они уже были при деле. Дисковский успешно торговал квасом, а Широкоштанов удачно выступал на эстраде, "свистел в кулак". С их помощью Енборисов легко выполнил поручение Главкома, а вот доложить ему о проделанной работе он уже не смог, т.к. Чита была окружена красными. Атаману Семенову едва удалось эвакуироваться на аэроплане. А по другую сторону линии фронта нарастало давление красных, они стремительно двигались на восток, на их полководческом небосклоне зажигались все новые яркие звезды — талантливые, ранее никому не известные военачальники. Среди них рядовой казак Оренбургского казачьего войска из станицы Кочердыжской Н.Д.Томин, став командующим Забайкальской группой войск Красной Армии, отличился при разработке и осуществления Волочаевской операции.

Осенью 1922 года пал последний оплот белой армии — Приморье. Для Енборисова началась новая жизнь, в эмиграции. Несмотря на разбросанность оренбуржцев по разным сторонам и районам Китая и тяжелое их беженское существование, Г.В.Енборисову совместно с генералом Печенкиным, надворным советником Архиповым, полковниками Воротовым, Кишинским, Кузнецовым и другими удалось в 1923 году в Харбине создать артель под названием "Оренбургская колония". Став председателем правления этой колонии, Енборисов пытался осуществить идею переселения 2500 семей казаков за океан и обустройства их на новом месте. С этой целью он вел активную переписку с правлением Тихоокеанской железной дороги (Сипиаро). С этой же целью к нему приезжал представитель Тихоокеанского судоход-

ства господин Кастелло, с которым был разработан проект и заключен предварительный договор о переселении казаков, предусматривающий первоначальное переселение показательной группы казаков в 150 семей. И здесь случилось досадное недоразумение. Несколько ранее в Америку выехала "группа интеллигентов, не имеющих представления о земледелии, которая и была принята за казаков полковника Енборисова. Когда предложили этим "земледельцам" плуги, бороны и другие сельскохозяйственные орудия, то сразу же обнаружилось их незнакомство с сельским хозяйством... И поэтому от переселения оренбургской колонии воздержались"⁶. Енборисов же настойчиво продолжал искать пути переселения. Он обратился к министру колонии Франции через французского консула в Харбине с просьбой получить разрешение на обустройство казаков в Алжире. Вскоре консул ему ответил, что этот вопрос принят на рассмотрение французским правительством и что если оренбуржцы согласятся переселиться на остров Мадагаскар, то можно считать этот вопрос на 80% решенным. Но когда Енборисов высказал свои намерения на новом месте над штабом Оренбургской колонии водрузить флаг России, переговоры немедленно прекратились. Была еще попытка переселить казаков в Мексику, но затем этот вопрос переправили в Лигу Наций, где он и утонул в бумажных делах.

В этот период, видя перед собой главную цель — сплочение казаков за рубежом, Г.В.Енборисов участвует в создании и возглавляет Восточный казачий союз, Президиум организационных собраний оренбургских казаков, Восточный казачий комитет по борьбе с Третьим Интернационалом. Одновременно работает в администрации КВЖД, зарабатывая себе на жизнь. Но когда КВЖД перешла окончательно в ведение СССР, Енборисову предложили немедленно уволиться. "Ну, что ж, — заметил своему непосредственному начальнику Г.В.Енборисов, — я бы вас в подобном случае уволил гораздо раньше". Без работы он оставался недолго. Ему удалось устроиться на строительство новой железной дороги. И он до конца жизни гордился тем, что 10 июля 1926 года принимал участие в укладке первой шпалы и первого рельса Хукайской железной дороги.

С годами русским эмигрантам в Китае найти работу становилось все труднее. В 1928 году женился и ушел от него сын Владимир. На прощание отец взял с сына письменное обещание следующего содержания: "Я, нижеподписавшийся В.Г.Енборисов, дал эту подписку своему отцу Г.В.Енборисову в том, что я, уходя от него, даю клятвенное обещание, что никогда не нарушу его заветов — быть верным идее освобождения Св. Руси от 3-го ин-

тернационала и что я никогда не признаю этой красной, ненавистной русскому народу, власти и должен стремиться к свержению ее...”⁷

Г.В.Енборисов тяжело переживал уход сына, тем более, что сын женился против его воли на “коммунистке” — дочери советского подданного, служащего одного из советских учреждений в Харбине. Но впоследствии он убедился в том, что его невестка, Клавдия Васильевна, оказалась доброй, отзывчивой женщиной, с уважением относившейся к отцу своего мужа. И Гавриил Васильевич остатки своей жизни проведет среди самых близких ему людей. Но первое время после женитьбы сына, переполненный обидой, уединившись, он старался сам решать все свои проблемы, забыв, что годы берут свое, а “один в поле не воин”. Вскоре блистательный в прошлом казачий офицер, “первоклассный ездок в русской кавалерии, как было отмечено Вел. Кн. Ник. Ник. в приказе по кавалерии”⁸, оказался на чужбине полуголодным и без крыши над головой. Иногда ему удавалось пользоваться благотворительными обедами, выдаваемыми особо нуждающимся иностранцам организациями Красного Креста. В 1928 году Енборисов писал об этом: “Стали отпущать бесплатные обеды иностранцам. Стыдно, а есть то хочется, имущий класс белых ушли сами в себя, а красные за поддержку требуют от подданства СССР. И если меня веревкой не могли заставить признать этих каторжан, то и голод меня не сломит. Жизнь не бесконечна — умрем, но хотелось бы посмотреть, чем это все кончится, и тем более, я еще чувствую, что могу и подмогнуть”⁹.

Вероятно потому, что вдали от родины чаще вспоминается прошлое, многие русские эмигранты в Китае брались за перо и пытались запечатлеть свои переживания и размышления в статьях и книгах. Работал над своей книгой и Г.В.Енборисов, он назвал ее “От Урала до Харбина” и подробно описал в ней свое, а вместе с тем и всего Оренбургского казачьего войска участие в революции и гражданской войне на Южном Урале и в Сибири. Эта книга вышла в свет в 1932 году. Другую свою книгу он посвятил атаману Семенову и назвал ее “Правда о казаках”. Эта книга вышла небольшим тиражом в 1937 году в Харбине и рассказывала о краткой истории казачества. Отдельные фрагменты печатных работ Енборисова, как, например, о казачьем вопросе, о происхождении казаков, представляют неподдельный интерес для современных любителей старины. В одной из работ Г.В.Енборисов утверждает: “Высшие русские правительственные сферы никогда не имели твердой, определенной, отвечающей интересам России казачьей политики, и казачий вопрос возникал

обычно в периоды внутренних неудач и политических потрясений, или в военное время, и замирал в годы мирной спокойной жизни. Казаками пользовались как специальной военно-политической силой и забывали о них в моменты проведения полезных реформ, и правящая интеллигенция — западнически настроенная, даже старалась сторониться казаков, когда не было невзгод. Почему и не читалась в массе история казачества. Но во всяком случае, когда Москва была еще только одним из улусов Великого Хана, имеющего резиденцией своей Ханбалту (теперь Пекин), казачество уже существовало, к этому же времени нужно отнести и утверждение Московского Самодержавия, Цаган-Хана, т.е. Белого Хана Московского, наследника Великого Хана Востока с 1264 года. А позднее казаки упоминаются в составе вооруженных сил князей Литвы и Польши. В 16-м веке упоминаются на юге: Малороссийское и Запорожское войска, на юго-востоке: Донское, Гребенское, Терское, Волжское и Яицкое (Уральское) войска, земли которых, соприкасаясь друг с другом, охватывают кольцом границу Московского государства. Я говорю “упоминаются”, но казачество в этих местах появилось несомненно раньше, ибо в Терском войске были знамена с эмблемой Великого Новгорода — “Медведь с крестом” и Рязанского княжества, указывают в какую эпоху они осели на Тереке, а также и казаки на Дону, ибо при образе Гребневской Божией Матери на Лубянке, в Москве, на камне высечено, что князь Дмитрий Донской после Куликовской битвы принял этот образ в дар от казаков в верховьях Дона”¹⁰.

Говоря о гражданской войне, Енборисов делает принципиальные выводы: “Еще раз повторяю, что русский народ почти безоговорочно, почти без всякой борьбы пошел за большевиками и признал коммунистическую власть, но казачество восстало против коммунизма”¹¹. “Прежде всего, русские люди не должны забывать, что вооруженная борьба с большевиками началась в казачьих областях — ни в каких других местах России. Не будь казачьих земель — не было бы и белого движения... В Воронежской губернии могла возникнуть “Антоновщина”, на Украине “Махновщина”, по Черноморскому побережью “зеленое движение”, но для белого дела там не было почвы, оно было возможно только на казачьей земле”¹².

Еще более ясно Енборисов высказывается об идее самостоятельности казачьих войск: “России без казаков не было, нет и не будет, но и казаку без России тяжело, и эта мимолетная мысль, хотя и осуществима, казачеством восприниматься не должна, ибо казаки ведь дети Великой России, дети одной матери с Русским народом, который нас не понимает, и мы сиротами быть

не хотим... Мысли о самостоятельности я считаю явлением, родившимся на почве некоторого отчаяния у некоторых "вождей" казачества и отсутствия должной энергии в борьбе с большевиками"¹³.

А цели и задачи белоказачьей эмиграции в Китае он формулирует следующим образом: "Казак грустит по власти... Но он добьется желанного, и тихо, скромно ведет свою работу во главе с Атаманом Семеновым, и подготовляет уже не бунт, а настоящую — национальную революцию, и свергнет каторжан, засевших в древней столице — златоглавом Кремле"¹⁴.

То есть у Советского правительства были серьезные причины опасаться белой эмиграции в Китае.

В 72 года удалось Г.В.Енборисову поступить на работу сторожем к господину Лерман, на Конной улице, за 35 иен, но, прослужив всего один месяц, не выдержал, ушел. Вместе с женой Пелагеей Васильевной сняли комнату на "Зеленом базаре", без окон, свет проникал только через дверь. Однажды в поисках работы он обратился к французским подданным. В разговоре французы заметили ему, указывая на его офицерский китель, что здесь не любят такие костюмы. Этим до глубины души они обидели старика. Гавриил Васильевич встал и с достоинством русского воина заявил: "А почему вы этому костюму кричали ура, когда французское правительство бежало из Парижа в Бордо, почему вы этот костюм любили, когда Верден трещал по всем швам, почему вы умоляли русского царя послать этот ненавистный костюм к вам на помощь, а ваши прелестные дамы света и высшего салона встречали его с нескрываемой радостью? Ведь вас бы Вильгельм сбросил в море и со счетов истории".

С этими словами Г.В.Енборисов, простившись, ушел. Ушел с тяжелой думой на русское кладбище, где возле церкви, среди могил, его все чаще видели сидящим у надгробий с русскими надписями на крестах. Здесь, в тишине, он размышлял, пытался объяснить самому себе, что же произошло в России, за что же сражались и погибли казаки в гражданскую войну, какие силы послужили причиной, толкнувшей их к братоубийственной войне. При этом он и мысли не допускал признать, что ничто так сильно не разделяло и не разделяет людей, как частная собственность вообще и частная собственность на землю в частности, а глубокое расслоение людей по социальному признаку и невзгоды привели к революционному взрыву. Гавриил Васильевич во всех грехах винил только большевиков и евреев, но главными виновниками хаоса и развала в стране, приведшими царя к отречению от престола, а затем и к революции, он считал Государственную Думу, называя ее "змеиным гнездом". А ее лидеров, Гучкова,

Родзянко, Шульгина и др., именовал "предателями и преступной шайкой". Виновниками же неурядиц в казачьих войсках он считал наказных атаманов, "кои, не будучи казаками, казачьи интересы не соблюдали и смотрели на казаков, как на временных своих кормилицев". И все больше терзало его сомнение в правильности выбора им жизненного пути в 1917 году. Ведь рабочие и крестьяне не стремились тогда стать солдатами, а господ превратить в работников, они добивались лишь равенства. И, может быть, не стоило возражать против этого. Вероятно, в минуты таких тягостных раздумий и родились у него стихи, которые Г.В.Енборисов поместил в свою книгу "От Урала до Харбина". В этих стихах не скрывалась обида уже не только на большевиков, но и на весь народ России:

На родину нашу нам нет уж дороги,
Народ наш на нас же восстал,
Он нам приготовил могильные дроги
И грязью нас всех закидал.
Врагу преградили мы путь не плакатом,
Не треском и громом речей,
Мы залили землю в бою с супостатом
Потоками крови своей.
Но что до безмерных страданий народу,
Коль злобу он хочет излить,
И, нашею кровью купивший свободу,
Он нас же принялся казнить.

А заканчивается это стихотворение надеждой на то, что когда-нибудь, через несколько поколений, народ по-другому будет оценивать произошедшие в России события и, может быть, в чем-то оправдает сторонников белого движения:

Промчатся столетья, пройдут поколенья,
Увидятся новые сны,
И станут народы читать без волненья
Историю страшной войны.

В годы Великой Отечественной войны из Китая в СССР были вывезены документы правления Союза казаков на Дальнем Востоке. Среди них посемейный список казаков Оренбургской Дальневосточной имени атамана Дутова станицы в Маньчжурии, составленный 1 марта 1937 года. В нем значились: "Полковник Енборисов Гавриил Васильевич, 77 лет. Его гр. жена Анна Алек-

сеевна, 42 лет, и дочь Евгения, 15 лет". В аналогичном списке за 1939 год полковник Г.В.Енборисов уже отсутствовал. Но оставался его сын, "казак Енборисов Владимир Гаврилович, 30 лет. Его жена Клавдия Васильевна, 29 лет, и дочь Ольга, 9 лет".

Казачий род Енборисовых продолжался.

Примечания

- 1 Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. Шанхай, 1932. С.22.
- 2 Там же. С.23.
- 3 Енборисов Г.В. Правда о казаках. Харбин, 1937. С.35.
- 4 Там же. С.36.
- 5 Хабаровский краевой государственный архив. Ф.829. Оп.1. Д.5. Л.4.
- 6 Енборисов Г.В. Правда о казаках. С.24.
- 7 Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. С.174.
- 8 Там же. С.145.
- 9 Там же. С.174.
- 10 Енборисов Г.В. Правда о казаках. С.4.
- 11 Там же. С.49.
- 12 Там же. С.31.
- 13 Там же. С.51.
- 14 Там же. С.9.

В.П.Баканов

ЕСАУЛ АФАНАСИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ НАГАЕВ

Давно замечено, что катаклизмы, особенно такие как революции, пробуждают в обществе и в его отдельных личностях такие силы, которые в обычных условиях жизни находятся в дремотном состоянии. Так, февральская революция пробудила к активной деятельности двух оренбургских казаков-офицеров: А.И.Дутова и А.Г.Нагаева. Первый — войсковой старшина, второй — есаул заняли передовые позиции двух противоположных лагерей, представляя два антагонистических слоя казачества, две идеологии. Первый защищал класс имущих, был не против монархии, а "на безрыбьи" и за Временное правительство; второй —

отстаивал интересы трудового (среднего и бедного) слоя казачества, трудового крестьянства, рабочих и власть Советов, то есть простого народа.

Не все позиции двух офицеров вырисовывались четко и ясно, были сомнения и колебания, но волна второй революции — Октябрьской, окончательно поставила их по разные стороны баррикад. Идеинная борьба переросла в гражданскую войну, оставившую незаживающие физические и душевные раны в казачьей среде.

Оба оренбуржца вышли на вершину политической деятельности сразу же после февраля. Один возглавил совет Союза казачьих войск на основе консолидации всех слоев, другой объединил в Центральный совет трудовых казаков.

Лозунги февральской революции: "Свобода, равенство, братство!", "Земля — крестьянам!", "Фабрики — рабочим!", "Долой войну империалистов-капиталистов!" — стали набатными для простого народа. Одетые в солдатские шинели рабочие и крестьяне на фронте, их отцы и братья в тылу обрели чувство свободы и право голоса. Громче других звучали голоса о Мире и о Земле. Их поддержала и основная масса казачества. Никто не хотел воевать ни за царя, ни за министров-капиталистов.

Казачьи верхи, обеспокоенные революционным брожением в казачьей среде, решили отвлечь внимание казаков идеей объединения всех войск и объявили о созыве Общероссийского казачьего съезда. Инициаторами созыва стали член Государственной Думы Ефремов и заместитель атамана Донского войска Богаевский.

Съезд открылся 23 марта 1917 г. в Петрограде. На него съехались преимущественно делегаты из областей: атаманы, чиновники, казаки старшего поколения. Фронтные части представляли незначительные делегации. В их числе оказались Александр Ильич Дутов — делегат 1-го Оренбургского Наследника Цесаревича казачьего полка, 10-й кавалерийской дивизии, Юго-Западного фронта и Афанасий Григорьевич Нагаев — делегат 7-го Оренбургского казачьего полка 7-й Кавказской армии, воевавших на Кавказском (Турецком) фронте.

Право на участие Нагаева в работе Всероссийского съезда не раз оспаривалось. Его обвиняли в присвоении себе полномочий делегата. Но сомневаться в его полномочиях стали после того, как он с группой фронтовиков покинул съезд, не приняв программы, высказанной Дутовым о "самобытности казачества" и "в единении всех казачьих войск сила". Эта программа отрывала казаков от основной трудовой массы народа (рабочих и крестьян) и замы-

кала интересы казачества в сословных рамках с видимым единством всех его слоев. 25 марта трудовые казаки покинули съезд и образовали Центральный совет казаков ("Центроказак"). Председателем его избрали казака-кубанца, студента В.Ф.Костенецкого.

Центральный совет призывал казаков "к объединению для совместной со всем трудовым народом работы и борьбы с буржуазией"¹.

В совете разобрались с полномочиями Нагаева. Делегированный своим полком на областной Кавказский съезд, еще до объявления о созыве Общеказачьего съезда, он вошел в состав казачьей секции областного (фронтового) комитета, которая и направила его на Всероссийский форум.

Рабочим органом, избранным 1-м съездом казачьих войск, стал Временный совет Союза казачьих войск. Войсковой старшина Дутов занял в нем кресло товарища председателя.

Оба совета стали местами притяжения многочисленных делегаций казачьих войск, пытающихся разобраться в целях и задачах каждого и определить свою позицию.

Временное правительство и лично министр Керенский поддерживали Казачий союз. На втором Всероссийском съезде, открывшемся 7 июня 1917 г. под председательством Дутова, присутствовали видные деятели правительства во главе с военным министром, члены Государственной Думы и представители стран Антанты. Родзянко, Милоков, Керенский, военный агент Франции Лавернье, посланцы других союзных армий в своих речах, буквально, пели казачеству дифирамбы и зывали к нему о помощи. Коротко и четко выразил общую мысль выступающих председатель Центрального военно-промышленного комитета А.И.Гучков: "Помогите нам спасти нашу Россию, которая находится не только на краю гибели, но уже лежит в этой пропасти!..."²

На съезд не допустили не только представителей "Центроказака", но и многих делегатов, приехавших с фронта, чтобы не демонстрировать разлада. Тогда-то и появился любопытный документ — Протокол Центрального совета казаков: "22 июня 1917 г. в Центральный совет казаков явились казаки-делегаты с Всероссийского Учредительного казачьего съезда Союза всех казачьих войск... и заявили:

— Во-первых, что по их мнению, на происходившем с 7 июня с.г. упомянутом выше казачьем съезде явилось много депутатов, избранных на местах под давлением или просто по указаниям стоящих во главе инициаторов съезда лиц, благодаря чему широкие круги рядового казачества лишены были возможности участвовать в этом съезде, тем более, что выборы депутатов на

некоторых местах происходили не прямым и тайным голосованием, а открыто по указанию лиц, очевидно, руководствующихся сообщениями на этот предмет из Петрограда, почему и следует признать, что широкие круги рядового казачества не имели ни какой возможности выявить на съезде свою волю в должной мере, особенно если принять во внимание, что многие полки действующей армии не прислали своих депутатов, за несообщением этим полкам о съезде, или, если прислали, то в большинстве случаев не по выбору, а по назначению, некоторым же депутатам, прибывшим с фронта, не дали право решающего голоса;

— Во-вторых, что ввиду вышеозначенного на упомянутый съезд явилось много офицеров и других элементов казачества (присяжных поверенных, чиновников, служащих в разных учреждениях, учителей и прочих), стоящих вне интересов широких кругов рядового казачества, почему нельзя и признать, что все казачьи вопросы, выдвинутые современным положением и предъявленные на обсуждение съезда, решены были съездом под сильным влиянием вышеупомянутых депутатов, а потому и решения эти не всегда отвечали интересам широких кругов рядового казачества..."³

Дальше идет изложение вопросов, решения по которым не отвечают "интересам государства и казачества". Земля, например, объявлена собственностью войска, а не государства; обмундирование опять отнесено на счет казаков; заявлено о полном доверии Временному правительству при игнорировании Советов; декларирован роспуск Государственной Думы, с сохранением ее уполномоченных на местах...

И далее: "Не желая вносить в среду казачества никакого разъединения и тем более возбуждать какое-либо недоверие нашему казачьему доблестному офицерству и иным интеллигентным силам казачества (отчего, да избавит нас Бог!), но, напротив, выражая им свою искреннюю благодарность в их посильных трудах на пользу Матушки-России и славному казачеству, просим Центральный совет казаков лишь только о том, чтобы он, войдя по возбужденному нами вопросу в сношение с Советом рабочих и солдатских депутатов принял на себя труд возбудить у надлежащих властей ходатайство о созыве съезда исключительно только, ввиду технических трудностей вызова депутатов из станиц, из рядового казачества фронта, по два депутата от полка, чтобы мы, рядовые казаки, обсудили между собою свои казачьи нужды без хитрости, попросту, по-казацки, как делали то наши деды и прадеды и могли бы представить эти наши решения на заключение и обсуждение Учредительного собрания..."³

Подписали это "прошение" тридцать казаков-фронтовиков.

Информация, поступающая со съезда, говорила, что налицо собрание контрреволюционеров, игнорирующих Советы. А что может быть контрреволюционнее выпадов против народной власти. Рабочие и гарнизон столицы заволновались. В этих условиях "Центроказак" приложил немало усилий, чтобы доказать — казачий съезд и трудовое казачество не одно и то же. Сложившиеся обстоятельства побудили Военный отдел ВЦИКа установить более тесный контакт с органом, представляющим трудовое казачество, и в своей структуре создать Казачий подотдел. Двенадцатого июля ВЦИК принимает соответствующее решение, а 14 июля председателем подотдела единогласно избирается есаул Нагаев.

Если раньше два казачьих совета, хотя и разделялись по трудовому принципу, но сходились на поддержке Временного правительства и продолжении войны с Германией до победного конца, то последний съезд окончательно их размежевал.

Вот как выразили в тот момент свое отношение к народу и Временному правительству казаки 4-го Донского полка, расположенного в Петрограде: "За последнее время в городе, на местах, в России и на Дону и даже в печати появляются в связи с ходом русской революции слухи и толки о поведении казаков, вообще, и 4-го полка в особенности. Чтобы раз и навсегда пресечь всякие толки и слухи, мы, донцы 4-го полка, собравшись в полковой Круг, постановили объявить всем нашу линию поведения: "Став на сторону народа и приняв непосредственное участие в революции, мы служим народу по заветам нашего Вольного Дона — прямо и беззаветно. С первого момента революции мы вместе и со всем русским народом предоставили себя в распоряжение Временного правительства и поддерживали его постольку, поскольку оно выполняло волю народа"⁴.

Казачество вообще, в том числе трудовое и даже члены Центрального совета казаков, выделившего из своего состава подотдел, в основной массе было беспартийным. Дутов, видевший казачество монолитным, патетически провозглашал: "Нас спрашивают с демократией ли казаки? Нет, мы не с демократией, не с аристократией, не с тою или иною партией — мы, казаки, сами — единая партия. И мы с теми, кто любит Родину!..."⁵

Но среди трудового казачества, объединенного подотделом ВЦИК, появилось стремление к созданию своей, казачьей партии. Эта идея была высказана 22 июля в докладе члена подотдела Коробова на расширенном собрании с представите-

лями от частей. "В интересах единения элементов казачества" собрание постановило: "Центральный совет казаков переименовать в "Партию трудового казачества", а сообразно с этим изменить и дополнить устав и программу Центрального совета казаков в направлении исключительно служащим защите интересов и прав трудового казачества". (Центральный совет ставил себе цель вести широкую пропаганду за объединение трудящихся, призывая всех трудовых казаков "к совместной работе и борьбе с рабочими и крестьянами против буржуазии". В этом ключе разработаны устав и программа новой партии).

Издаваемая советом газета "Листок Центрального совета казаков" переименована в "Голос трудового казачества"⁶.

Сколько казаков активно поддерживали совет Союза и Подотдел, никто определенно не знал и не учитывал, да и вряд ли их число поддавалось учету. Вполне определенно известно лишь одно — подавляющее большинство казаков в 1917 и начале 1918 г. занимали выжидательную позицию невмешательства, склонного к поддержке власти Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, позднее вписавших в свои вывески и слово "казачьих". Поведи правильную, лояльную политику Советы и большевики сверху и на местах, казаки безоговорочно признали бы их авторитет и не метались бы в годы гражданской войны из огня да в полымя.

Вот как об этом высказался А.Г.Шкуро в своих "Записках белого партизана": "Вначале Советской власти поверили и считали, что она знаменует собой начало казацко-мужицкого царства. Однако, когда в станичных советах, вместо уважаемых хозяев, засела и стала верховодить местная гольтьба, пропившие разум пьяницы, хулиганы, высланные сходом конокрады и, вообще, лишь подонки казачества и иногородних, Советы перестали пользоваться каким-либо уважением; наоборот, их стремление вмешиваться и регламентировать жизнь в станице стало вызывать всеобщее негодование... Насильственное отнятие земель, открытый грабеж под видом реквизиций — все это страшно возмущало казаков. Вообще повторилась история — все очень охотно готовы были делить чужое имущество, но никто не хотел делиться своим"⁷.

Тут дело даже не в земле, которой казаки не отказывались поделиться с иногородними, живущими с ними бок о бок много лет, а в недоверии казакам, в оскорблении чувства достоинства.

Вся промышленная, экономическая и политическая верушка страны и армейский генералитет не то, чтобы жаждали возврата старого, а хотели сильной власти в обстановке, когда

Временное правительство теряло почву из-под ног. Сильная рука, диктатор, определился в лице главнокомандующего генерала Корнилова.

Еще за неделю до Государственного совещания в Москве проходил Всероссийский торгово-промышленный съезд, который открыто заявил о необходимости "обуздания рабочих, крестьян и солдат". Видный промышленник страны Рябушинский взывал с трибуны съезда: "Когда же восстанет не вчерашний раб, а свободный русский гражданин? Пусть он спешит скорее -- ждет его Россия... Пусть развернется во всю ширь стойкая натура купеческая. Люди торговые! Надо спасти землю русскую"⁸.

Выделенное торговым съездом "совещание общественных деятелей" 9 августа направило Корнилову телеграмму, подписанную Родзянко: "В грозный час тяжелых испытаний вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верою. Да поможет Вам Бог в вашем великом подвиге воссоединения могучей армии на спасение России"⁹.

Генерал и его окружение давно готовились встать во главе диктатуры -- этого "единственного средства, которое... могло еще спасти страну". Ставка, при участии социал-революционера Савинкова и комиссара Временного правительства при Ставке поручика Филоненко разработала два варианта программы диктатуры: суженный и расширенный. Первый вариант подготовлен 3-го, а дополненный 10 августа. Оба рассматривались Керенским. Не без колебаний и давлений извне, как ни говори, а вопрос стоял о замене Временного правительства и Советов, он остановился на первом варианте.

Назавтра открывалось Государственное совещание. На него съехалось около 2500 человек, в том числе: около 500 членов Государственной Думы всех четырех созывов, представители земств, городских дум, армии и флота, казачества, торговых и промышленных кругов, духовенства, кооперации и других организаций, союзов и объединений. Советы представляли только эсеры и меньшевики ВЦИКа. Большевиков на совещание "не допустили". Они и не стремились участвовать в нем, ввиду его явной контрреволюционной направленности. Вместо совещания и вопреки решению Московского Совета они пошли на фабрики и заводы Москвы и ее окрестностей, призывая рабочих к однодневной забастовке.

В день открытия совещания, 12 августа, поднялось около 400 тысяч человек трудового люда "тихой" Москвы, как ее представляли устроители, покидая бурлящий страстями Петроград.

От Оренбургского казачьего войска, вместо трех приглашенных, на совещание поехали: атаман генерал Мальцев, член Войсковой Управы Половников, по одному представителю от ревизионной комиссии, от Совета казачьих депутатов и от каждого окружного правления. С делегацией выехал и Т.И.Седельников, как член 1-й Государственной Думы, для "оказания помощи в работе представителям войска"¹⁰.

— Великолепный зал Большого театра сверкал всеми своими огнями, -- писал в трехтомнике "Записки о революции" Н.Н.Суханов. -- Снизу доверху он был переполнен торжественной и даже блестящей толпой. О, тут был поистине весь цвет русского общества! Из политических малых и больших "имен" не было только случайных несчастливцев... Вокруг театра густой цепью стояли, держа охрану, юнкера -- единственная надежная для Керенского сила. Тщательный придирчивый контроль оставлял на каждом шагу и внутри театра...

На огромной сцене театра, расширенной за счет оркестра, было негде упасть яблоку. Там помещался целый полк журналистов, русских и иностранных, затем почетные гости, особо приглашенные ветераны русской революции, затем не знаю, кто еще. А на авансцене, с левой стороны, стоял длинный торжественный стол, за которым сидели министры. Позади Керенского обращали на себя внимание два адъютанта, стоявшие как истуканы, все 22 часа. С правой стороны авансцены возвышалась ораторская трибуна, задрапированная красным... Блестящий зрительный зал довольно резко разделялся на две половины: направо (от председателя) располагалась буржуазия, а налево демократия. Направо, в партере и в ложах, видно было немало генеральских мундиров, а налево -- прапорщиков и нижних чинов. Против сцены в бывшей царской ложе разместились высшие дипломатические представители союзных и дружественных держав...¹¹

На утреннем заседании 14 августа выступал главнокомандующий генерал Корнилов, прибывший на совещание прямо с поезда. Он "в ярких красках, с фактами в руках нарисовал печальную картину развала, царящего в армии, и всенародно требовал немедленного проведения тех мер, которые он наметил"¹².

Выступивший в тот же день генерал Каледин -- атаман Донского войска, подробно остановился на корниловской программе, о которой главнокомандующий только упомянул.

— Для спасения Родины, -- заявил Каледин, -- мы намерены следующие главнейшие меры:

"1). Армия должна быть вне политики. Полное запрещение митингов и собраний с их партийной борьбой и распрями.

2). Все советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батареинных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распоряжений.

3). Декларация прав солдат должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей.

4). Дисциплина в армии должна быть укреплена самыми решительными мерами.

5). Тыл и фронт — единое целое, обеспечивающее боеспособность армии и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применимы в тылу.

6). Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены.

7). Вождям армии должна восстановлена полная мощь.

8). В грозный час тяжких испытаний на фронте и полного развала от внутренней политики и экономики разрушающих страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных умелых руках лиц, не связанных узко-партийными групповыми программами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и советы, и отдающие себе ясный отчет в том, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп.

9). Власть должна быть единой в центре и на местах. Расхищению государственной власти, центральными и местными комитетами и советами должен быть немедленно и резко поставлен предел.

10). Россия должна быть единой. Всяким сепаратистским стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше.

11). В области государственного хозяйства необходимо: а) строжайшая экономия во всех областях государственной жизни, планомерно, строго и неумолимо проведенная до конца; безотлагательно привести в соответствие на предметы сельскохозяйственной и фабрично-заводской промышленности; б) безотлагательно ввести нормировку заработной платы и прибыли предпринимателей; в) немедленно приступить к разработке и проведению в жизнь закона о трудовой повинности; г) принять самые строгие и действенные меры к прекращению подрыва сельскохозяйственной промышленности, чрезвычайно страдающей от самочинных действий отдельных лиц и всевозможных комитетов,

нарушающих твердый порядок в землепользовании и арендных отношениях"¹³.

Подробный план действий, изложенный Калединым, опустившим из него только смертную казнь и военно-полевые суды на фронте и в тылу, был встречен восторгом одних и негодованием других. Преобладало "правое" большинство. Некоторые делегаты уже благодушно расслабились. Председатель совещания "социалист" Керенский — глава Временного правительства оставался удивительно спокойным. Генералы, засучив рукава тянулись к власти, а министр-председатель, казалось, ничего не замечал. Все это очень походило на сговор, на долгожданное "примирение страстей на почве единения".

Но, вот, на трибуну поднялся невысокий, поджаристый, ладно скроенный казачий офицер и, пройдясь рукой по волосам, произнес:

— Есаул Нагаев — казак Оренбургского войска...

Зал притих. Все поняли: на трибуне председатель казачьего подотдела ВЦИКа Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (бывший "Центроказак"). Кто-то из офицеров, возмущенно, крикнул: "Какой ты казак?.. Ты позор казачий!". На крикуна зашикали.

Нагаев нервно сдвинул руками край трибуны и повернул голову в сторону ложи, где сидел генерал Каледин.

" — Генерал Каледин вчера в своей речи взял на себя смелость говорить от имени 12-ти казачьих войск. (Раздался протест из офицерской ложи). Я буду значительно скромнее. Сам участник войны и строевой казачий офицер из действующей армии, я послан сюда съездом Кавказского фронта. Буду говорить и как председатель казачьей секции ВЦИКа. (Слышатся смех и иронические замечания из ложи офицеров). В дни, когда наша Отчизна переживает страшные испытания, когда Родине грозит величайшая опасность, мы все, по мере сил своих должны быть готовы на жертвы; все мы должны разделить несчастье народа и, объединившись в последнем страшном усилии, должны спасти нашу Родину от военного разгрома, спасти революцию, которая должна сделать Россию великой страной свободы. И вот, во имя единения, я хочу сказать генералу Каледину: "Не отрывайте казаков от народа, не воскрешайте дни позора казачества, когда, прежде вольные общины были приспособлены самодержавием для целей угнетения. Слишком тяжелы воспоминания об этом. (Бурные аплодисменты слева. Недовольное движение в ложе офицеров).

Керенский:

— Прошу вас не обращаться к отдельным лицам, а к собранию!..

Нагаев продолжает прерванную речь.

— В то время, когда многие из нас, казаков, были в 1905 году в рядах революции, когда у нас были свои безвестные мученики за свободу, вы, желающие вновь натравить казаков на родной народ в лице его полномочных органов — Советов, вы были тогда верными слугами самодержавия. (Бурные аплодисменты слева. Возгласы: “Да здравствует революционное казачество!” Возгласы протеста справа.) В первые дни Великой революции казачество на улицах Петрограда выдержало экзамены. Выдержало экзамен оно и в дни кризиса 3 — 5 июля, когда оно во имя верности Временному правительству и полномочным органам народа пролило свою кровь на тех же улицах Петрограда, отнесясь с великой бережностью к крови народной, не пролив ее ни единой капли, не поддавшись провокации. (Бурные аплодисменты слева. Возгласы: “Слава революционному трудовому казачеству!” Сильные протесты с офицерской стороны. Слышатся отдельные фразы и слова: “Вы ответите за это!.. Германские марки!”).

Последние слова заглушил взрыв негодования. Председателю долго не удавалось восстановить спокойствие. Наконец, в наступившей паузе послышался голос Керенского:

— Я предлагаю лицу, произнесшему оскорбительные слова по адресу оратора быть смелым и назвать себя!..

Взоры всех обратились к офицерской ложе. Со скамей крайне левых слышатся крики: “Трус!.. Трус!”.. В офицерской ложе поднимается рука, слышны какие-то заявления, но слов разобрать нельзя. Керенский, удовлетворенно, произносит:

— Есаул Нагаев и все присутствующие люди совершенно удовлетворены молчанием труса. (Бурные аплодисменты со стороны крайне левых). Из офицерской ложи выходит к барьеру капитан Скаржинский и заявляет:

Хотя я и не произносил этих слов, но я солидарен с ними. (Сильный шум. Возгласы: “Долой его, вон — это не казак, а трус!”).

Председатель считает, очевидно, инцидент исчерпанным и предлагает есаулу Нагаеву продолжать свою речь. К барьеру ложи подходит второй офицер генерального штаба полковник Захаров и становится рядом с капитаном Скаржинским. Оба офицеры — Георгиевские кавалеры. Скаржинский с рукой на привязи, украшен тремя Георгиями. Нагаев продолжает:

— Верно ли то, что оно — это рядовое казачество требует разгона Советов? Верно ли то, что все 12 войск постановили

упразднить комитеты и Советы? Насколько мне известно, совет Союза казачьих войск участвовал в составлении прочитанной генералом Калединым декларации, но —

1). Не все войска представлены в совете Союза казачьих войск.

2). Фронтное казачество, то есть лучшие силы его, представлены чрезвычайно слабо.

3). Рядовое казачество частей на фронте определенно не доверяет совету Союза казачьих войск — поступили протесты целых дивизий.

4). Совет Союза казачьих войск, являясь сословно-кастовой организацией, не выражает интересов трудового казачества.

5). Такой ответственный рискованный шаг, как ультимативное требование роспуска всех Советов, не имел права делать генерал Каледин, но и совет Союза казачьих войск не имел права заявлять так без Всероссийского съезда, тем более, что Всероссийский казачий съезд принял две резолюции: “О Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов”, и “О Совете крестьянских депутатов”, в которых он признает их важное государственное и политическое значение. Не вводят ли инициаторы прочитанной генералом Калединым декларации в заблуждение, не действует ли за их спиной какая-то посторонняя сила, чтобы натравливая казаков на народ, в крови варфоломеевской ночи потопить и революцию, и свободу? Почему же казачество должно идти разными путями с русским народом, почему вы его натравливаете против Советов? Если вы требуете распустить Советы, то прежде всего распустите собственный совет Союза казачьих войск...”

Председатель тщетно гремел колокольчиком, пытаясь утихомирить зал. Исчерпав терпение, он объявил перерыв¹⁴.

Нагаев не случайно обратил внимание совещания на совет Союза казачьих войск, который согласовал и одобрил генеральскую программу действий. И не только одобрил, а еще 6 августа на экстренном заседании вынес резолюцию “о несменяемости” Корнилова. В резолюции говорилось: “...Довести до сведения Временного правительства и опубликовать в газетах, что... генерал Корнилов не может быть сменен, как истинный народный вождь, и, по мнению большинства населения, единственный, могущий возродить былую мощь армии и вывести страну из крайне тяжелого положения”. “Совет Союза казачьих войск считает нравственным долгом заявить Временному правительству и народу, что он снимет с себя ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу при смене генерала Корни-

лова" и "заявляет громко и твердо" о полном и всемерном подчинении своему вождю-герою, генералу Лавру Георгиевичу Корнилову..."¹⁵

Выступление Нагаева на Государственном совещании не только умножило число сторонников, но и обозлило его противников. Если раньше совет Союза казачьих войск спорил с ним, возмущался теми или иными действиями, то теперь остервенело оттолкнул от себя и "крикнул": "Лишить казачества!". Одновременно, председатель совета Союза Дутов, стремясь успокоить общественное мнение и несколько пригасить эффект выступления есаула, писал в ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов: "...Каждый из бывших на Московском совещании подтвердит, что никакого конфликта между генералом Калединым и есаулом Нагаевым не было, а тем более острого; имели лишь место две резкие по содержанию речи и то не в один день... В четверг на Московском совещании было пять представителей от оренбургского казачества и все они подписали декларацию, совершенно исключив возможность присоединиться к платформе товарища Чхеидзе"¹⁶.

Свое истинное отношение к Нагаеву и его выступлению Дутов выразит на сентябрьском Круге Оренбургского казачьего войска. Политика — дело тонкое, изворотливое, а будущий атаман и генерал, в отличие от есаула, становился политиком.

Фамилия Нагаевых была очень распространенной в войске, поэтому на войсковом Круге в сентябре 1917 г. у делегатов возник вполне естественный вопрос: "А кто он и откуда есть есаул Нагаев?". На него дал краткий ответ Арзамасцев, делегат от 2-го отдела: "Нагаев сын учителя-урядника из поселка Кулевчи, Николаевской станицы".

Поселок и станица входили во 2-й, Верхнеуральский, отдел.

Род Нагаевых поселился в Кулевчах в середине XIX века. Основатель его Нагаев Андрей имел четырех сыновей, среди которых самый младший Григорий всю жизнь учительствовал, обучал грамоте казачат родного поселка. За многолетнюю службу на ниве просвещения произведен в урядники.

Об авторитете учителя среди казаков станицы можно судить по оказанному ему доверию быть уполномоченным на губернском съезде по выборам депутатов 1-й Государственной Думы в 1906 г. Выборы проводились по многоступенчатой системе, поэтому Григорий Андреевич сначала избирался представителем на окружной съезд выборщиков в городе Верхнеуральске, а затем от окружного съезда едет в Оренбург в числе пяти

уполномоченных, одним из которых был отец известных братьев Кашириных — атаман Верхнеуральской станицы Дмитрий Иванович Каширин.

В протоколах съездов сохранились краткие биографические данные на Г.А.Нагаева: "Учитель Кулевчинской мужской школы с 1882 года по настоящее время, ...49 лет, казак, православный, образование получил в учительской семинарии, живет в Кулевчинском поселке"¹⁷.

Следовательно, родился Григорий Андреевич в 1857 г. У него было пятеро детей: три сына и две дочери. Первенец родился в 1884 г., его назвали Афанасием.

Здравствующая ныне двоюродная племянница Афанасия — Аграфена Яковлевна Шулигина, проживающая в селе Кулевчи, рассказывает: "У Григория Андреевича, дяди моей матери, были сыновья: Афанасий, Иван и Анатолий, а также дочери Маруся и Галя. Все они где-то учились. Нередко приезжали навещать родителей. Иван стал офицером, дочери уехали в Москву, там и жили. Где-то в 1915 году появился в селе Афанасий. Побыл он недолго и тоже уехал. Был он среднего роста, серьезного характера. Больше я его не видела. В селе скоро остался только их отец и третий сын Анатолий. Отец продолжал помогать детям учиться. Мать тоже уехала в Москву к дочерям. Потом уехал и Анатолий. Григорий Андреевич остался один, ему было уже за семьдесят лет. Умер он где-то в 1922 году в Кулевчах.

Никто из детей на похоронах не был. Об их судьбе ничего не известно до сегодняшнего дня"¹⁸.

Об Афанасии Григорьевиче Нагаеве тоже сохранились весьма скудные сведения. Кроме года рождения известно: "Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище (1901 г.), последний чин в старой армии — есаул, участник первой мировой войны; в РККА с 1919 г., с 1 октября 1922 года штатный преподаватель 1-й Советской объединенной школы ВЦИК... Командир 4-й сотни 7-го Оренбургского казачьего полка с 27 сентября 1915 года, подесаул с 5 октября 1912 года. Образование: Троицкое трехклассное городское училище"¹⁹.

В списках сотрудников Казачьего отдела на январь 1919 года, хранящихся в архивных делах ЦГАОР, заполнены графы: возраст — 35 лет, семейное положение — холост, занимаемая должность — член казачьего отдела, партийность — сочувствующий коммунистам.

В конце 1991 г. до автора очерка дошел слух, якобы кто-то видел А.Г.Нагаева в Москве после Отечественной войны в чине генерала. Однако архив Министерства обороны СССР сообщил,

что "в картотеке учета офицерского состава Нагаев Афанасий Григорьевич не значится".

Интересное впечатление об общении с Нагаевым в Петрограде в 1917 г. оставил один из посланцев оренбургских казаков на Демократическое совещание войсковой старшина А.Протоdjяконов, в "Письмах" газете "Оренбургский казачий вестник": "...Тут же на дороге нагнали есаула Нагаева. Маленький, худенький, явно нервный, с тоненькой шеей, — он быстро направлялся туда же, в Смольный, в развевающемся плаще, с портфелем и с фуражкой далеко сдвинутой на затылок.

Видно было, что человек страшно занят, считает каждую минуту и весь пропитан бесчисленным количеством неотложных дел. Очень любезно познакомились. Он сейчас же выразил сожаление, что до сих пор не смог встретиться со мной. Разговор зашел тотчас же о необходимости казачьего единства и мы, в мечтах об общности казачьих воззрений, быстро добежали до огромного здания института...

Казачий отдел рядом с военным отделом. Маленькая комната. Три, кажется, ряда скамеек. Одно большое окно. У окна стол. При входе уголок загорожен досчатой перегородкой. Там, видно, брошюры. Внутренности никакой. Да ведь не в видимости, конечно, дело...

Нагаев имеет характерную черту говорить быстро... я чувствовал, что никогда раньше не видал Нагаева, не могу спокойно работать в его присутствии. Вероятно, это моя личная нервозность...

Бегучий, юркий, уже приобретший обычай чувствовать себя в руководящей роли, он не может не двигаться, не говорить, не вести за собой других. Думает он и говорит — все это быстро, как после второго звонка...

Говорят, Нагаев талантлив. Говорят, что он художник и чуть ли не всю жизнь провел в Париже, как художник, и это чувствуется. Идеи, мысли, образы заваливают его. Он, видимо, боится их пропустить. И потому я при нем, при неповоротливости своей чувствую всегда себя скверно... При всей огромной разнице своей человека действовали на меня одинаково: Т.И.Седелников и есаул Нагаев... Оба они всегда выбывали меня из колеи, заставляя впадать в бездействие²⁰.

С уважаемым Тимофеем Ивановичем я, при всей уравновешенности своей, почти не могу говорить. Мы почему-то тотчас начинаем спорить, хотя бы я этого совершенно не желал. И я за ним так же не поспеваю, как за Нагаевым. И должен либо ничего

не делать, либо делать как он укажет. Это — неотвратимая сила энергии..."²¹.

Несмотря на некоторую предвзятость, автор рисует портрет целеустремленного, энергичного и, несомненно, авторитетного в казачьей среде организатора. Таким Нагаев и был.

Пасмурным, холодным днем 20 сентября 1917 г. в Оренбурге открылся Чрезвычайный Войсковой круг. В зале звучали "Марсельеза" и войсковой гимн. На сцене стояли два красных знамени с русской и татарской надписями. При входе казаки с пашками и придиричвые офицеры, проверяющие пригласительные билеты. В зале "все свои".

Атаман, генерал Мальцев, докладывает о последних событиях в центре. Его выступление дополняет гость Круга — А.И.Дутов, председатель совета Союза казачьих войск. Под восторженные аплодисменты и возгласы Дутов избирается почетным председателем Круга. Все пристойно и торжественно. Как-то сам собою возник вопрос о законности избрания войскового правительства на I-м, апрельском, Круге. Порешили: "Поскольку правительство и делегаты первого Круга выбирались не посредством всеобщего, прямого, равного и тайного голосования — избрать новое правительство"²².

Новым атаманом войска становится войсковой старшина Дутов. Не случайно же он приехал домой! Представлять казачьи войска в центре почетно, но возглавлять реальную силу — требование времени.

Во время выступления члена нового правительства Копытина, который видел "выход из тупика", куда заведена Россия, "в создании власти, опирающейся на все силы населения", в зале почувствовалось присутствие делегатов — "представителей того течения казачьей мысли, выразителем которого стал есаул Нагаев и иже с ним". Среди них делегаты-фронтовики от полков I-й дивизии, видевшие спасение Родины только "в единении казаков с Советами и комитетами солдат". До этого "легкие" напоминания о Нагаеве лишь предвворяли разговор о нем на Круге.

На заседании 27 сентября Чрезвычайный Круг выносит резолюцию "Об отношении к выступлению есаула Нагаева и вообще к деятельности оренбургских казаков, выступающих самочинно в различных организациях от имени войска". "Считая законным представителем казачества только совет Всероссийского Союза казачьих войск, где представлены интересы всего тылового и фронтового казачества, Круг, отрицая какие-либо права на представительство как "Центроказака", так и казачьего подотдела военного отдела Центрального исполнительного коми-

тета Совета солдатских и рабочих депутатов, постановил: 1) Оренбургских казаков, участвующих в различного рода организациях и самочинно выступающих там от имени войска, немедленно отозвать на свои места; неподчинившихся же этому требованию исключить из войскового сословия. 2) Частям, делегаты которых имеются в незаконных организациях и ведут себя недостойно по отношению войска, приказать вызвать их к месту службы. 3) За самочинное выступление есаула Нагаева в различного рода организациях и на Московском Государственном совещании от имени войска, вызвать его на Войсковой круг для дачи объяснения"²³.

На телеграмму, обязывающую Нагаева явиться на Круг, казачий подотдел ответил, что в настоящее время Нагаев выехать не может в связи с решением казачьего вопроса в Предпарламенте, но готов дать исчерпывающий ответ телеграфом на все запросы Круга.

Формальность соблюдена, а тянуть с есаулом не в интересах Дутова и войскового правительства. Все тот же Арзамасцев — член управы 2-го округа от имени своих депутатов округа, объявляет наказ об исключении Нагаева из казачьего сословия. Несмотря на возражения многих депутатов, предложение ставится на голосование. За исключение подано 83 записки, за оставление в войске — 58 и 11 за рассмотрение вопроса на очередной сессии Круга. Чтобы не повадно было другим, резолюция по этому поводу гласила: "Учитывая наличие некоторых трений в отдельных частях между казаками и офицерами и опасность развития этого явления, Круг признает необходимым в предупреждение пропаганды и агитации в строевых частях, а равно и в учреждениях, вносящих разнь между командным составом и казаками, послать делегатов Круга произвести беседы и разъяснить как смотрит на это Круг. Кто еще и впредь будет вносить раздор и смуту в казачьих частях того исключать из казачьего сословия..."²⁴

Громко голос протеста прозвучал из уст Т.И.Седельникова. В своей речи он сказал, что когда его пытались исключить из сословия за выступление в Думе в 1906 году, то достаточно было возражения одной станицы, чтобы решение верхов не состоялось. Теперь этого нет. Нагаеву не предоставлено даже того, что предоставляется каждому убийцу — объяснение перед вынесением приговора. Я остаюсь казаком в душе, но чтобы вы запомнили этот день, я должен звание казака с себя сложить"²⁵.

Комментатор утверждает, что заявление Седельникова большинством депутатов осталось незамеченным. Трудно этому поверить, если учесть, что почти половина присутствующих высказалась голосованием против исключения. Но факт свершился, и атаман Дутов спешит уведомить ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов об исключении Нагаева из сословия и просит считать, что тем самым он "лишен права говорить от имени казачества".

Атаман проигнорировал протесты казаков 7-го Оренбургского полка и казачьего комитета 7-й армии Кавказского фронта. Их вопрос: "За что исключен есаул Нагаев?" — остался без ответа. В то же время в офицерско-атаманских кругах на него злорадно отвечали: "Дабы он не мог в своей вредной для казачества деятельности впредь пользоваться именем оренбургского казака!" В рядах нижних чинов уверенно заявляли: "За слова правды!", произнесенные на Государственном совещании, когда он прямо сказал, что казачьи верхи "натравливают казаков на народ, в крови варфоломеевской ночи готовы потопить и революцию, и свободу"²⁶.

Есаула Нагаева ободряли и окрыляли слова поддержки казаков с фронта, как, например, выраженные телеграммой в адрес газеты "Известия ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов" 7 ноября: "Мы, представители комитета Оренбургского казачьего полка, протестуем против речи генерала Каледина от имени всех казаков и выражаем свое полное уверение нашему представителю есаулу Нагаеву, смело сказавшему на всю Россию, что трудовое казачество против народа не пойдет и все попытки натравить казаков против родного народа, от кого бы они не исходили, падут на их головы... Возмущенные гнусной клеветой полковника Захарова и капитана Скаржинского, осмелившихся бросить тяжкое обвинение нашему представителю, честно исполнившему свой долг перед рядовым казачеством и Родиной, есаулу Нагаеву, и тем самым в лице его оскорбившим весь полк. Мы требуем предания суду офицеров-клеветников, которым не должно быть места в рядах Русской Армии"²⁷.

Теплые слова офицеров-сослуживцев и нижних чинов придавали силы и уверенность в правоте своего дела.

Нагаев не опустил руки с получением известия об исключении, а стал еще настойчивее бороться за массы рядового казачества. Главным оппонентом Казачьего отдела и самого Нагаева оставался совет Союза казачьих войск. Члены этого совета, где только могли, используя свое влияние на верхние эшелоны власти, старались очернить председателя подотдела, поддерживая и

подчеркивая его исключение из казачества. Так было у Керенского 22 сентября, когда заместитель председателя совета Союза войсковой старшина Греков и представитель казаков Юго-Западного фронта сотник Гаврилов согласовывали с министром-председателем дату проведения фронтового казачьего съезда в Киеве. В разговоре с Керенским Гаврилов заявил, что "совет Союза казачьих войск должен быть единственной главой казачества, чему в настоящее время мешает самочинная организация, возникшая в ЦИК Р и СД, в виде казачьего подотдела. Сотник заявил, что во главе этого подотдела стоит есаул Нагаев, не имеющий полномочий от казачества".

Так было и у генерала Юденича — начальника политического управления военного министра, 7 октября, при выяснении причин "недоразумений, происшедших в последнее время между казаками и правительственными органами". Прибывший на совещание Нагаев был поставлен представителями Совета Союза в униженное положение все тем же вопросом: "Кого представляешь и кем уполномочен?"²⁸.

Общеказачий съезд в Киеве намечался на 20 октября, но на 21 октября собралась только половина делегатов. Несмотря на это было решено открыть заседание.

Об есауле Нагаеве среди делегатов ходили различные кривоножки, но большинство сходилось на том, что он не придет, а если и появится, то его не пустят на съезд, как исключенного из казачьего сословия. Особенно уверенно заявляли об этом делегаты от Оренбургского войска, приехавшие на съезд в количестве 69 человек и составившие отдельную фракцию под председательством войскового старшины А.Кузнецова. Но Нагаев приехал и 21 октября пришел на фракционное совещание земляков. Позднее, в газете "Оренбургский казачий вестник" (№ 84, 1917 г.) Кузнецов так опишет свою встречу с есаулом: его поведение и роль на съезде: "...Есаул Нагаев просил у меня разрешения выступить с объяснениями и оправданиями его действия, в чем я отказал ему, посоветовав ехать в Оренбург на очередной Круг, где и реабилитировать себя, на заседание же фракции, как не казака, допустить отказал. Нагаев не удовлетворился моими советами и стал добиваться, чтоб его допустили на заседание съезда, П.М.Агеев закрыл пленарное заседание съезда и, открыв частное совещание, предоставил слово капитану Нагаеву. По переезде в Новочеркасск, капитан Нагаев совместно с бывшим войсковым старшиной Голубевым и хорунжим Автономовым (оба донца) повели новую тактику и старались расколоть съезд на правых и левых, опираясь на старые избитые лозунги: "Трудовое и нетрудовое

казачество, фронтовики и тыловики" и так далее, и старались внушить своим ученикам, что съезд совершает насилие над меньшинством, не дает меньшинству или "левым", как они себя называли, высказаться. Их несколько не смущало то, что председатель почти ежедневно напоминал о свободе слова с трибуны и неоднократно просил съезд спокойно выслушивать ораторов и те же "левые" обыкновенно нарушали порядок и мешали ораторам говорить. Вначале в составе "левых" насчитывалось порядочное число членов, но по мере уяснения себе программы, которой в сущности не было, и тактики "левого крыла", ряды его стали редеть. Это "левое крыло" хотя и попросило себе 100 мест, но насчитывало у себя только 84 делегата, да и те большую часть заседания проводили не в зале, а в кулуарах, ведя свою пропаганду, а не решая вопросы, с которыми были посланы своими частями...".

Из Петрограда было получено сообщение о большевистском перевороте в столице. Председатель съезда Агеев предложил делегатам высказаться об отношении к этому событию. Представители Донского, Кубанского, Терского, Сибирского, Амурского, Забайкальского и Уссурийского казачьих войск объявили о всемерной поддержке Временного правительства, заявив: "Оренбургское казачество обязуется и клянется поддерживать Временное правительство. От дегенеративного большевизма Советов и отдельных организаций не должна страдать Россия"²⁹.

Объяснив большевикам войну, съезд тотчас организовал "Командный комитет" из 25 человек для общего военного руководства "всеми казачьими частями России". Председателем Комитета с правами "Командующего всеми казачьими силами" избран есаул Рябов-Решетин.

Полным составом делегаты съезда собрались только 5 ноября, а девятого они возобновили работу уже в Новочеркасске, куда переехали в связи "с восстанием большевиков в Киеве". Причем, основная масса депутатов разъехалась по домам. Приветствуя съезд "в древней столице Дона" генерал Каледин сообщил делегатам, что на Дон съезжаются члены объединенного правительства Юго-Восточного союза и весь совет Союза казачьих войск.

Нагаев уехал в Петроград.

Чтобы определиться в новой политической обстановке, члены казачьего подотдела собрались всем составом 4 ноября, пригласив на совещание представителей от казачьих дивизий, полков и батарей, находящихся в Финляндии и окрестностях Петрограда. Совещание постановило: "Немедленно образовать

революционным порядком Казачий комитет при ВЦИКе рабочих, солдатских и крестьянских депутатов из числа собравшихся на заседание, пригласив наряду с тем в Комитет еще и делегатов избранных для этих целей по одному — из казачьей батареи и по два человека от всех казачьих полков, расположенных как в Петрограде, так и в других местах, а также и станичников, уполномоченных своими станичными сборами для защиты интересов трудового казачества”³⁰.

Нагаев не успел прибыть на совещание и, возможно, только поэтому председателем Комитета избрали казака 14-го Донского полка Ивана Латугина. Прирожденный агитатор Латугин, сам уверившийся в правоте большевиков, сумел склонить однополчан на их сторону. Полк поддержал большевиков в Октябрьские дни.

Комитет ставил перед собой задачу политической и агитационно-разъяснительной работы в частях и станицах. Посылаемые им на места агитаторы вели с собой газеты, политическую и публицистическую литературу. Комитет наказывал своим сотрудникам добиваться полного слияния трудового казачества со всеми трудящимися России на равных правах, с тем чтобы покончить с обособленным положением казаков. Нагаев тоже ездил по частям и казачьим областям с пропагандистскими и организационными вопросами. Положение в казачьих областях Комитет неоднократно рассматривал на своих заседаниях, в том числе и в Оренбуржье.

В апреле 1918 г. неожиданно для Комитета встал вопрос об упразднении Казачьего отдела штаба Главного командования Красной Армии. Комитет постановил: “1. Признать намеченное Главным штабом и народным Комиссариатом Внутренних дел решение вопроса о казачьем отделе Главного штаба не отвечающим в настоящее время ни желанию, ни положению казачества. 2. И, основываясь как на самих целях, послуживших образованию Комитета, так и личных уверениях товарища Троцкого, присутствующего на открытии казачьего Комитета и заявившего от лица Советской власти, что ни один вопрос, связанный с казачеством, не будет рассмотрен Советской властью без участия казачьего Комитета, заявить свой протест против упомянутого выше игнорирования казачьего Комитета, доведя о сем до сведения Председателя Всероссийского Исполнительного комитета товарища Свердлова, Главного штаба и Народного Комиссара Внутренних дел товарища Петровского, сообщив им копию своего постановления”³¹.

Не с этого ли “игнорирования” и “упразднения” началось то массовое преследование казачества, которое развернулось в конце 1918 и, особенно, в грозном 1919 г. В марте 1919 г. Казачий отдел (с сентября 1918 г. Казачий комитет стал называться Казачьим отделом ВЦИК) слушал доклады своих уполномоченных в казачьих областях. Вот о чем поведал член отдела В.Ф. Степанов: “В Астраханском войске бумажные коммунисты ездили по станицам и под угрозой расстрела заставляли записываться в коммунисты. Мобилизация проводилась не казаками, а какими-то бандитами, благодаря чему казаки расходились по лесам. В Оренбурге в свое время не были мобилизованы казаки, после чего опять под насилием остались у Дутова. На Дону, благодаря самозванцев же и троевластия стали тоже применять репрессии. За одну ночь закалывали ножами по 65 человек без суда и власти, за неимением тюрем. Переименовывали названия станиц в волости, лишали звания казака, упраздняли ношение лампас, назначали военнопленных австрийцев комиссарами по станицам, реквизировался скот, хлеб военными властями, за что не платили денег.

В коммунисты казаков не принимали, а если где и находились казаки-коммунисты, то к ним обращались с недоверием и решали дело конспиративно, без казаков.

К военным стратегам и пользующимся большой популярностью среди казачества, как-то Миронов на Дону, а Каширин в Оренбурге, тоже относятся с недоверием, благодаря чего и мешают нашим успехам.

Должен упомянуть, что все проводимые репрессии к казакам будто бы исходят из комитета партии ЦК, что нужно выяснить”³².

В такой обстановке “воздействие агитацией” на казаков выглядело как призывы “непротivления злу” и сводило на нет усилия отдела. Все же он многое успел, помогая местным Советам в формировании казачьих частей и организации власти на освобожденных территориях. Просуществовал Казачий отдел до января 1921 г.

Афанасий Нагаев, с момента образования Казачьего Комитета, отошел от руководящей работы и отдался газетному делу. В мае 1918 г. решением Комитета он введен в состав “новой редакционной комиссии” газеты “Трудовое казачество”, позднее “Клич трудовых казаков”; писал воззвания и обращения к казакам.

Вскоре над ним “разразился гром”. Пятнадцатого июня Комитет обсуждает вопрос “О товарище Нагаеве”. Есаул обви-

нялся в невыполнении предписания Комитета о выезде в Оренбург "для поддержания трудовых казаков". Это было в апреле, а вскоре он не выполнил и повторное указание выехать в Оренбург и "выяснить положение в Оренбурге". Комитет отметил, что "дорожа своей шкурой он способствовал разгару контрреволюции и свержению Советской власти... Беря во внимание резолюцию, вынесенную ВЦИК об исключении правых партий из всех советских организаций, что было предписано всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов — ПОСТАНОВИЛИ: Товарища Нагаева исключить из членов казачьего Комитета..."³³.

Так, вроде бы не очень славно, Афанасий Григорьевич закончил свою активную деятельность в Казачьем отделе, одним из организаторов которого он был. Но что-то удержало Нагаева членом отдела вплоть до самой его ликвидации на 8-м съезде Советов.

14 ноября 1920 г. остатки войск Врангеля покинули Крымский полуостров. Закончилась гражданская война. А 22 — 29 декабря 1920 г. в дни 8-го съезда Советов в Казачьем отделе состоялось совещание делегатов от казачьих областей. Стоял вопрос о целесообразности сохранения отдела на период мирного строительства. Большинство собравшихся высказалось за ликвидацию отдела. В резолюции по этому поводу отмечалось: "Казачий отдел ВЦИК возник как боевой политический орган... С самого начала Февральской революции он, во главе трудового казачества, резко порвал с казачьими верхами... и примкнул к рабочему классу и крестьянству.

Казачий отдел стремился вырвать из-под идейного влияния буржуазии широкие массы трудового казачества... и с этой целью развил широкую агитационную борьбу.

Созванный Казачьим отделом съезд трудовых казаков в феврале 1920 г. окончательно оформил и завершил поворот трудовой казачьей массы и зафиксировал его в ряде резолюций, которые и легли потом в основу советского строительства в казачьих областях.

Ныне, после почти годичной практической работы по строительству советской власти в казачьих областях, процесс братского объединения трудового казачества с рабочими и крестьянами подходит к концу. Тем самым исчезает необходимость в дальнейшем существовании специальных казачьих органов, в том числе и Казачьего отдела ВЦИК"³⁴.

В январе 1921 г. Президиум ВЦИК утвердил это постановление отдела. С 1 октября 1922 г. А.Г.Нагаев становится штат-

ным преподавателем 1-й Советской объединенной школы ВЦИК. До назначения преподавателем он, в течение почти 2 лет, очевидно, выполнял какие-то функции в самом ВЦИКе, поскольку часть задач Казачьего отдела решением Президиума возложили на другие отделы центрального аппарата Советов.

Дальнейшая судьба Афанасия Григорьевича Нагаева еще требует дополнительных исследований.

Примечания

¹ РСФСР. Казачий отдел ВЦИК: Краткий очерк и отчет Казачьего отдела ВЦИК. М., 1919. С.5.

² Оренбургский казачий вестник. 1917. 19 июня.

³ Листы Центрального Совета казаков. 1917. № 3.

⁴ Ульянов И.И. Казаки и Советская республика. М.: Госиздат, 1929. С.26 — 27.

⁵ Оренбургский казачий вестник. 1917. 1 окт.

⁶ Ульянов И.И. Указ.соч. С.28.

⁷ Шкуро А.Г. Записки белого партизана // Казачий круг: Альм. Ч.1. Вып.2. М., 1991. С.15.

⁸ История гражданской войны в СССР. М., 1937. Т.1. С.196.

⁹ Там же.

¹⁰ Оренбургский казачий вестник. 1917. № 19.

¹¹ Указанные в тексте "Записки". Т.3. С.61 — 62. Николай Николаевич Суханов (Гриммер) — эсер, меньшевик, член ВЦИК. В 1931 г. осужден как участник контрреволюционной меньшевистской организации.

¹² Там же. С.63.

¹³ Оренбургский казачий вестник. 1917. 18 авг.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Суханов И.Н. Записки о революции. Т.3. С.86.

¹⁶ Оренбургский казачий вестник. 1917. 19 сент.

¹⁷ ГАЧО. Ф.166. Оп.1. Д.1. Л.196; Ф.163. Оп.1. Д.4. Л.36.

¹⁸ Артемьев В.И. Есаул Нагаев — наш земляк // Советское село. 1991. № 15.

¹⁹ Эти сведения получены автором по запросу из ЦГАСА.

²⁰ Седельников Тимофей Иванович, казак Спасского поселка, депутат 1-й Государственной думы, трудовик, затем член ВКП(б), автор ряда книг по земельному вопросу, рационализации и изобретательству. (1876 — 1930).

²¹ Оренбургский казачий вестник. 1917. № 57,60.

²² Там же. №42.

- 23 Верхнеуралец. 1917. № 57.
 24 Оренбургский казачий вестник. 1917. № 45.
 25 Там же. № 44.
 26 Казачья правда. 1917. № 15.
 27 Верхнеуралец. 1917. № 56, 57.
 28 Вольность. 1917. № 16.
 29 Там же. № 16.
 30 Ульянов И.И. Указ.соч. С.36.
 31 ГАРФ. Ф.1235. Оп.81. Д.2. Л.75.
 32 Там же. Оп.83. Д.7-8. Л.15.
 33 Там же. Оп.81. Д.2/3. Л.18.
 34 Ульянов И.И. Указ.соч. С.146.

В.П.Баканов

КАЗАК СУДЬБЫ НЕОБЫКНОВЕННОЙ — ТИМОФЕЙ ИВАНОВИЧ СЕДЕЛЬНИКОВ

Оренбургское казачье войско выдвинуло из своей среды много незаурядных личностей. В первом ряду их стоит казак Спасского поселка Верхнеуральской станицы Тимофей Иванович Седельников.

Родился он 2 февраля 1876 года в семье небогатого казака. Окончил Уфимское землемерное училище. Семь лет служил по специальности (землемером и статистом) в Киргиз-кайсацких степях (так тогда называли Казахстан). С 1900 г. постоянно сотрудничает в газетах, пропагандируя культурное хозяйствование на земле. Депутат 1-й Государственной Думы от оренбургского казачества. В Думе примыкал к группе трудовиков, но в 1917 году считал себя социал-демократом. В конце 1918 года вступил в партию большевиков. Работал во ВЦИКе. Автор нескольких книг по земельным вопросам и изобретательству.

Тимофей Иванович с малых лет знал и любил киргизские степи. Поэтому, закончив землемерное училище, он, не задумываясь, пошел работать в экспедицию, которая подыскивала удобные места в степи для переселенцев из центральной России.

Семь лет проработал Седельников землемером и статистом в степях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Это дало ему возможность близко познако-

миться с жизнью вольных кочевников. Общение с ними было доверительным. Этому способствовало знание языка.

Пытливый, эмоциональный, с аналитическим складом ума, Седельников видел жизнь кочевников: одних — обогащающихся за счет “ничейных” земель, других — обедневших, попавших в кабалу сородичей.

Задачей землеустроительного ведомства, считал он, должно стать прежде всего “устройство безземельных и малоземельных киргизов и всех кочевников” и только потом, если останутся свободные земли, создавать переселенческие участки. В Государственной думе он видел ту “народную власть”, которая по справедливости устроит жизнь русского и других народов России.

Весь накопленный опыт Т.Седельников изложил в докладе “Борьба за землю в Киргизской степи и колонизационная политика правительства”. Доклад слушала оренбургская общественность и Ученая Архивная комиссия, действительным членом которой он стал еще в 1904 году. “Услышали” доклад и в Петербурге и нашли в нем призывы к общественному переустройству. По рекомендации министра внутренних дел П.Н.Дурново землемера уволили со службы.

В 1907 году, в Петрограде, Т.Седельников издает книгу, в которой более подробно разрабатывалась тема доклада¹.

Говорят, в библиотеке В.И.Ленина в Кремле хранится экземпляр этой книги с множеством пометок на полях. В.И.Ленин не раз обращался к ней, освещая в своих трудах колонизационную политику царского правительства, переселенческие дела и вопросы землеустройства.

Вторично к земельному вопросу, точнее, к хозяйствованию на земле, Тимофей Иванович обращается в двадцатые годы, когда в стране разворачивалась индустриализация промышленности и сельского хозяйства.

В 1928 году выходит его небольшая книжка в серии “Крестьянская финансовая библиотека”². Убеждая читателя, что индустриализация сельского хозяйства — единственный путь прогресса, автор говорит: “Деваться нам некуда. Перед нами гора, а за нами дыра. Гора американских успехов и американских норм. А яма — бездна, прорва “китайщины” (низкая производительность, нелепая организация народного хозяйства). Третьего пути нет: либо в гору лезть, либо в яму падать”³.

Восхваляя американский путь развития, он в то же время предупреждал: “Самим Соединенным Штатам на индустриализацию до теперешней ее нормы понадобилось менее 50 лет. Японцы из “китайских” порядков выбились на положение “Восточной

Англии" меньше чем за 60 лет. Поэтому можно смело ручаться, что через 30 лет нашу советскую деревню родная мать не узнает. Но это случится лишь при условии, что все трудовое население деревни будет, не покладая рук, "по-американски" умно и расчетливо работать ради успеха индустриализации советского народного хозяйства, как своего родного и кровного дела"⁴.

Как живо перекликаются тогдашние мысли Тимофея Ивановича с нашим сегодняшним днем и как много мы потеряли оттого, что светлые умы в свое время не оказались у руля власти и не смогли воплотить в жизнь нужные народу рациональные идеи.

Потрясенная и задыхающаяся в огне революции 1905 — 1907 годов монархия открыла "отдушину" — дала народу Манифест 17-го Октября и Государственную Думу.

Оренбургская губерния направила в Думу семь своих делегатов: два от мусульман, два от крестьян и три от казачьего сословия. В числе последних был Седельников Тимофей Иванович — "по убеждениям близок к программе "трудовой партии", но с самостоятельным пониманием ее задач".

С первых заседаний Думы Т.Седельников активно выступает за интересы и права казачества и крестьянства. Уже 29 апреля 1906 года (заседания начались 27 апреля) Тимофей Иванович произносит речь об амнистии крестьянам, участвующим в революционном движении: "Мы, представители народа, по поручению его, требуем амнистии во имя блага народа, иначе произойдет то, о чем и думать страшно..."⁵

Относительно казачества он убежденно сказал: "Казачи должны быть такими же гражданами и первым шагом... должно быть возвращение всех казаков, несущих внутреннюю службу, домой... Когда на улицу выходят мирные манифестанты, даже не демонстранты, а манифестанты, казаки являються, как по мановению руки, и разгоняют, избивают и даже расстреливают мирную толпу..."⁶

Речи депутата проникнуты стремлением добиться прочного союза казаков с трудовым народом, их братского единства. Письма с приговорами станиц и частей, телеграммы из казачьих областей вдохновляли Т.Седельникова в его думской работе. В одном их характерных писем из станиц говорится: "Мы уверены, что ваша трудная работа на пользу дорогой нам родины увенчается полным успехом, и что вы не покинете залы Таврического дворца до тех пор, пока не добудете народу "Землю и Волю".

Свою программу Тимофей Иванович огласил в газете "Степь" в 1906 году: "Я хочу: 1) чтобы у казаков было свое

управление на выборных началах, взамен нынешнего войскового правления, войскового штаба и управления; 2) чтобы казак был совершенно свободен, как до отбывания воинской повинности, так и после нее; 3) чтобы при желании казак мог служить в любом пехотном полку; 4) обмундирование и снаряжение для всех казаков за общегосударственный счет; 5) казачье звание и земельные наделы остаются за казаками, а из войсковых земель должны быть отведены для малоземельных казаков; 6) суд, школа, общественное устройство на общем для всех русских граждан основании; 7) чтобы казак, будучи полноправным гражданином, защищал и охранял свободу для всего русского народа, а не пачкал своего мундира в братской крови крестьян и рабочих..."⁷

Выступления Т.Седельникова с трибуны Думы слышит вся страна, но его тянет в гущу народную, на митинги и демонстрации. На одном из митингов в особняке Паниной он встречается с Карповым — В.И.Лениным. Речь его захватила казака своей логичностью и убежденностью. Одно не нравилось в словах лидера социал-демократов — это призыв к революционной борьбе. Считая себя представителем народа, Т.Седельников не хотел и даже боялся революции. В одном из выступлений в Думе он заявил по этому поводу: "Надо страшиться той минуты... Момент, в который мы собрались, страшный момент... Он может кончиться страшной войной, подобной которой не было еще на Руси..."⁸

Однажды Тимофей Иванович оказался свидетелем разгона городскими митинга, в котором участвовало не меньше двух тысяч человек. Досталась дубинка и Т.Седельникову, причем его обвинили "в вооруженном сопротивлении" и приволокли в полицейский участок, невзирая на мандат члена Государственной Думы.

Поступок полицейских властей вызвал бурю негодования не только депутатов Думы, но и казаков. 14-й Оренбургский казачий полк, обсудив случай с Т.Седельниковым, вынес резолюцию: "Требуем от Петербургского правительства немедленного предания суду виновников избиения нашего депутата и заявляем, что, в случае отказа, мы сумеем решительными мерами поддержать наше требование и защитить нашего депутата от правительственного надругательства..."⁹

В июле 1906 года царь распускает "разговорившуюся" Думу, которая не успокоила народ, а, наоборот, подогрела клокованные в нем страсти.

Получив отставку, депутаты "разбрелись" кто куда, а около 200 человек, преимущественно кадеты, собрались в Выборге

и выступили с так называемым "Выборгским воззванием", призвавшим народ к пассивному сопротивлению правительству. В числе "беженцев" и подписавших это "Воззвание" был и Т.Седельников.

В своих работах и статьях В.И.Ленин неоднократно обращал внимание читателей на казачьего депутата, характеризуя его как видного деятеля группы трудовиков в Думе. Как-то, говоря о поведении либерально-монархической буржуазии (статья "Подделка правительством Думы и задачи социал-демократии"), Ленин писал: "Либералы не могут проповедывать борьбы, ибо они боятся ее. На усиление реакции они отвечают развращающим сознание народа конституционным хныканьем и — усилением своего оппортунизма. Либералы поступают так, как это изобразил метко и картинно трудовик Седельников на митинге 9-го мая в доме Паниной. Когда либерала обругают, он говорит: слава богу, что меня не ударили. Когда его ударили, он благодарит бога, что его не убили. Когда его убьют, он возблагодарит бога за то, что его бессмертную душу избавили от тленной земной оболочки"¹⁰.

Сущность политической позиции Т.Седельникова В.И.Ленин обрисовал в статье: "Обывательщина в революционной среде": "...г. Седельников откровенно и прямо защищал свои идеи, не претендуя на название социалиста и выкидывая знамя "демократической монархии..."¹¹

Во время пребывания в Финляндии Тимофей Иванович посещает Ленина на даче "Ваза", в Куоккала. Беседы их касались вопросов избирательной кампании во II Думу. Бывал он здесь, очевидно, не один раз. Свидетель одной из встреч, латышский коммунист Ян Берзин, писал в своих воспоминаниях: «Он, если не ошибаюсь, приходил... для каких-то разговоров о создании "левого блока"..."¹²

В 1907 году, по поддельному паспорту, врученному Н.К.Крупской на Егора Петровича Сухова, Седельников вернулся в Россию. Здесь, по свидетельству авторов некролога на смерть Тимофея Ивановича, в "Известиях" от 29 мая 1930 года, он "участвовал в подготовке Лондонского съезда партии" (1907 г.), не состоя ее членом. В каких конкретно делах проявилось это участие, до нас не дошло.

Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска было недовольно думской деятельностью своего посланца. Кто-то из ярых сторонников искоренения "крамолы" в войске предложил исключить Т.Седельникова из казачьего сословия. Встретив возражение казаков Спасского поселка, атаманская верхушка

отказалась от своего намерения, но запретила Тимофею Ивановичу появляться в войске, приказав отправиться в полк, стоявший в Турции. В том же 1907 году "отверженный" казак приехал в полк и, уже под своим именем, десять лет скитался на чужбине: побывал в Персии, на Кавказе, а последние два года империалистической войны — на фронте. Только в мае 1917 года, усталый и больной, вернулся в родной казачий поселок.

Совершилась Февральская революция. Наступили угарно-хмельные дни народного ликования.

Оренбург, наравне с другими городами, расцвел кумачом. Идеи народовластия проникли и в казачью среду. 17 апреля 1917 года собрался 1-й Круг Оренбургского казачьего войска. Под несмолкающие овации делегатов принимались приветственные телеграммы: Временному правительству, военному министру А.И.Гучкову, оренбургским частям, находившимся на фронте, совету Союза казачьих войск, Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Во всех посланиях — призыв к укреплению завоеванных свобод и доведению войны до победного конца.

Обсуждая вопросы самоуправления, делегаты вспомнили о Тимофее Ивановиче Седельникове и постановили отозвать его в войско, избрав заочно членом Войсковой управы.

Почетная должность не обрадовала Т.Седельникова. По этому поводу он писал: "Она не дала мне возможности отдохнуть душою, работать дома для своих, своих родных и близких, для друзей детства и вообще для всех земляков..."¹³

Тем не менее он уезжает в Оренбург и с присущей ему энергией с головой окунается в водоворот событий. Первой его заботой было создание "независимой, внепартийной газеты свободного казачества". 18 июня 1917 года выходит первый номер "Оренбургского казачьего вестника" под его редакцией. Участвуя в разработке "Положения о самоуправлении в Оренбургском казачьем войске", он создает "Казачью демократическую партию" и организует Совет казачьих депутатов. Уже в третьем номере газеты читатели извещались о создании "Исполнительного комитета казачьей партии", которая имела цель: "... чтобы к голосу казаков не только прислушивались, но и считались с ним, как с реальной величиной, везде, где это необходимо: в обществе, в войсковой управе, учредительном собрании... Направления ее и жизненные интересы совершенно совпадают со взглядами Оренбургского Войскового Круга и Всероссийского общеказачьего съезда в г.Петрограде"¹⁴. В одном из первых пунктов программы партии говорилось: "Осуждая политику захватный войн, направленных на порабощение отдельных народов,

казацья демократическая партия напрягает все силы на окончание текущей войны в полном согласии с союзниками"¹⁵. В вопросе о земле партия стояла за сохранение казачьих земель в качестве собственности каждого войска.

Больших усилий требовала подготовка организации Совета казачьих депутатов. Седьмого июля открывается собрание представителей казачьих частей, подразделений и училищ Оренбургского гарнизона докладом Т.Седельникова. Идею создания Совета поддержал и оказавшийся в городе председатель совета Союза казачьих войск А.И.Дутов. Он только предостерег оренбуржцев от уклона в "левую сторону", которую в Петрограде олицетворяет "Центроказак" во главе с есаулом А.Нагаевым.

Первый пункт устава Совета гласил: "Совет казачьих депутатов в городе Оренбурге организуется как автономный отдел объединенного Совета рабочих и солдатских, казачьих и крестьянских депутатов..."¹⁶

Тимофей Иванович, словно вечевой колокол, "звонил и звонил", призывая казаков к новой жизни, к свершению новых дел. Отдавая политическую деятельность по 15 — 16 часов в сутки, он ухитрялся находить время для лекций на свою излюбленную тему о земле. Можно с уверенностью сказать, что Т.Седельников был, пожалуй, единственным пропагандистом земельного вопроса в Оренбургском крае, основанного на культурной обработке земли собственнического хозяйства кулацкого типа.

В августе Временное правительство проводит в Москве Государственное совещание. В числе делегатов от войска на совещание едет Т.И.Седельников, "как член 1-й Государственной Думы", с целью "оказать помощь в работе представителей войска". Об этой поездке Тимофей Иванович вспоминал: "Московское совещание и "корниловские дни" в Питере, когда я резко разошелся с руководителями всероссийского казачества, измучили меня и физически, и духовно..."¹⁷

Корниловское выступление и его ликвидация уже обрисовали контуры гражданской войны, которой Т.Седельников страстно не хотел и в меру сил пытался предотвратить, не дать разгореться хотя бы в своем крае. Во всяком случае, на начальном этапе борьбы двух противоположных союзов он не принял ни ту, ни другую сторону.

12 сентября 1917 года в Оренбурге собрался Чрезвычайный войсковой Круг.

Противоречия, возникшие между Т.Седельниковым и А.Дутовым в Петрограде, вновь проявились на войсковом Круге. Выступая с докладом "О положении страны и отношении казаче-

ства к этому положению", Дутов жаловался на поведение отдельных оренбургских казаков на общеказачьем съезде и в Совете Союза казачьих войск, которые мешали нормальной работе общероссийских органов казачьей власти. Среди них был и Седельников. Он не примыкал к группе Нагаева, но и без того вносил смуту в ряды делегатов..."¹⁸

Делегаты Круга обрушились на Седельникова с обидными и незаслуженными упреками. Он потребовал создать комиссию и разобраться в конфликтной ситуации. Принятая Кругом резолюция "О политической позиции казачества" разрядила обстановку между ними, она удовлетворяла обе стороны. Необходимость в комиссии отпала. В резолюции говорилось, что оренбургское казачество остается вольным и свободным братством, сохраняя свою самобытность, права на недра, землю и воды и свое самоопределение, в котором хозяином является войсковой Круг. Государственной формой правления признается федеративная республика. Касаясь отношения к войне, Круг признал, что "несмотря на потрясения, какие переживает Родина, война должна вестись в согласии с союзниками, с неослабным рвением победить врага"¹⁹.

Возражение Тимофея Ивановича вызвало предложение А.Дутова, поддержанное Кругом, об образовании общеказачьей федеративной единицы — Юго-Восточного союза, который был создан на конференции в Екатеринодаре. Он предложил во главе казачьего движения поставить идею К.Минина о спасении России: "Думать прежде всего о России, а потом о казачестве..."²⁰

Одним из острых вопросов на Круге явилось дело И.Д.Каширина — делегата от 1-й Оренбургской казачьей дивизии, председателя казачьего комитета дивизии. Еще до открытия Круга "Делом" занималась комиссия, созданная Войсковой управой, во главе с Седельниковым. Оно заключалось в обвинении Каширина большой группой офицеров дивизии в большевизме, в силу чего ему не доверяли как делегату и офицеру. В выводах комиссии, доложенных Т.Седельниковым Кругу, осуждались действия И.Каширина. Резолюция Круга гласила: "Поведение подьесаула Каширина... как типичное явление, заслуживает самого строгого осуждения и порицания", но комиссия, "имея в виду, что войсковые части до сих пор не имели в данном направлении никаких руководительных указаний, наложить на подьесаула Каширина другие взыскания, кроме нравственного воздействия и перевода его в распоряжение Войскового правительства, находит нерациональным"²¹.

Т.Седельников, внося предложение об умеренном наказании И.Каширина, не хотел и боялся разлада в казачьей среде. В то время он не устал повторять: "Кто нас разъединит, тот и победит!". Действия И.Каширина вносили разлад в казачество. Резко осудить его значит оттолкнуть от себя значительную часть рядовых казаков.

Тимофей Иванович стремился быть предельно объективным. Осудив И.Каширина за большевистские взгляды, он встал на защиту А.Нагаева, придерживавшегося тех же взглядов. А.Дутов и делегация от Верхнеуральского отдела предложили исключить есаула из казачьего сословия. Круг принял это предложение. Поднявшись на трибуну, Т.Седельников заявил: "Прежде инакомыслящим казакам представлялось больше гарантий... Нагаеву не представлено даже того, что представляется каждому убийце — объяснение перед вынесением приговора... Я остаюсь казаком в душе, но, чтобы вы запомнили этот день, я должен звание казака с себя сложить"²².

Несмотря на усилие верхов Круга, им не удалось решить главного вопроса: как оградить казачью массу от большевистского влияния. Революционный дух все больше захватывал казачьи части даже Оренбургского гарнизона. Не помогло и решение Круга о запрете употреблять в войске слово "товарищ".

Настроение казаков Тимофей Иванович скоро почувствовал на себе.

В начале октября Круг закрылся, Т.Седельников оказался не у дел: в состав нового правительства войска не вошел, газету возглавил другой редактор, Советом казачьих депутатов и Казачьей демократической партией руководили люди, которых он сам подбирал. Самое время было вернуться домой и отдохнуть от всех тревожений...

25 октября весь мир облетело сообщение: "В России социалистическая революция". На другой день телеграмма из Оренбурга оповестила край о взятии власти в городе атаманом А.Дутовым. Эти события опеломили Тимофея Ивановича. В отчаянии он скажет: "Душа моя скорбит смертельно. Все спят. Спят будущие палачи и будущие жертвы. Неизбежное приближается..."²³.

Деятельная натура Т.Седельникова не могла оставаться безучастной к событиям. В начале ноября он один из организаторов и руководителей культурно-просветительского общества в Верхнеуральске: опять лекции на аграрные, но больше на политические темы.

В то время в городе выходила кадетская газета "Верхнеуралец". Т.Седельников сначала сотрудничал с ней, а в первой половине ноября стал ее редактором. Газету назвал "Верхнеуральский край". Первый номер вышел 19 ноября 1917 года. Официально газета значилась органом культурно-просветительского общества, фактически проповедовала политические идеи трудовиков и Казачьей демократической партии.

В "Челябинском рабочем" за декабрь 1986 года, в статье "Землемер Т.И.Седельников", автор — доктор исторических наук Н.Попов писал: "С радостью встретил он (Седельников — В.Б.) установление Советской власти"²⁴. Уважаемый автор глубоко ошибается. Отношение Т.Седельникова к Советской власти и большевикам можно понять даже по названиям многочисленных статей и лекций того периода: "Где же Россия?", "Слепые вожди", "Куда ветер дует", "Перед Голгофой", "От Распутина к Ленину" и т.п. Отрекшись от кадетов в Верхнеуральске "социал-демократом", Тимофей Иванович на деле приблизился к кадетам и обвинял большевиков в узурпации власти "ради грабежей и насилий", в развязывании гражданской войны. Ленин у него "слепой вождь", прибывший из Германии "в особом устройстве герметически закупоренном вагоне". Это несмотря на личное с ним знакомство. В пылу заглазной полемики с Лениным он воскликнул: "Вы не социалист, а просто вечно бунтующий хам!"²⁵. Или еще резче на страницах той же газеты: "Я хорошо знал лично Ленина и много из его товарищей по 1905 — 1907 годам, а еще лучше знаю тех, кто сейчас идет за большевиками. Это те же черносотенцы, только под левым флагом..."²⁶

Такая вот "радость" охватила Т.Седельникова при встрече Октября. Впрочем, Февральскую революцию он тоже не жаловал, говоря о ее несвоевременности и выгоды только немцам. Тихий, бескровный переход от монархии к парламентской республике, а затем к всеобщему благоденствию виделся ему в мечтаниях. Он одергивал нетерпеливых рабочих, крестьян, казаков: "Одумайтесь и поймите, без крови это не обойдется, а кто прольет братскую кровь, тот сподобится Иуде!.."

Его часто не понимали, освистывали, грозили расправой. Так случилось при встрече с казаками 2-го Верхнеуральского запасного полка 3 декабря 1917 года. В статье "Накануне войскового Круга", которую можно назвать исповедью, Тимофей Иванович писал: "Наши казаки "большевики", вдруг, ни с того, ни с сего зашумели: "Убрать Седельникова! Арестовать Седельникова!"... И не бойтесь, это не просто угроза: придет время,

уберут и арестуют... Но за что? Что сделал я, партийный социал-демократ, казачеству, крестьянству и рабочему классу?..."²⁷

Было о чем задуматься казачьему трибуну в самые кипучие ноябрьские и декабрьские дни семнадцатого года. Как-то Тимофей Иванович признался самому себе: "Казню себя за ошибки. Вся жизнь полна ошибок и заблуждений... Я хотел, но не мог любить врагов, не умел подойти к ним ласково, понять их и простить им все, как мать прощает все своему сыну... Хотел и не мог. В том мой приговор, неотвратимый..."²⁸. Вспомнив встречу с казаками 2-го полка, он заключил: "Я теперь понимаю, почему они точат зубы на нашего атамана Дутова, но вот взяли меня. Я резко боролся с политикой Дутова и за это немало выслушал совершенно незаслуженных оскорблений на Чрезвычайном войсковом Круге. Казалось бы, по здравому смыслу, меня-то уж никак нельзя мешать в одну кучу и обвинять врагом народа? На деле выходит другое..."²⁹

С тяжелым чувством обиды покидал Т.Седельников Верхнеуральск, отправляясь в Оренбург на очередной войсковой Круг. Перед отъездом он обратился к станичникам с призывом: "Примите меры против надвигающегося на нас несчастья и позора, пока не поздно... чтобы только предотвратить братоубийственный раскол в казачестве и ужасы гражданской войны в Оренбургском крае, если бы только товарищи большевики на это согласились..."³⁰.

Вступительная речь атамана Дутова при открытии Круга, которую он начал словами: "Мы пережили корниловские дни... ныне мы переживаем большевистские дни..."³¹ — навяли на делегатов мрачные мысли. Перед каждым встал вопрос: "Кому нужна братоубийственная война, если большевики встали за трудовой народ, а казаки часть этого народа?..."

Т.Седельников видел, как Дутов и его правительство судорожно цепляются за ускользающую власть. Большевики все громче заявляют о себе: забастовкой парализуют город и железную дорогу, кучками и в одиночку, с оружием, пробираются на окраины и затаиваются до поры... А на днях, как в сказке, тридцать два большевика во главе с С.Цвиллингом бежали из городской тюрьмы. Говорят, им помогали красные гвардейцы, невесть откуда взявшиеся...

Между приветствиями Кругу от организаций и частей нет-нет да и проскользнет обескураживающее сообщение: "Солдаты враждуют с казаками"; "Казачьи полки города продувает большевистский сквозняк"; "Через Вятку идут в Челябинск 3000 вооруженных матросов... За ними следуют другие". Каждый

понимал — нацелены они на Оренбург. Доверие к Дутову было не единодушное. Только что Круг заслушал сообщение военной комиссии, посетившей все казачьи части города, которые высказали претензии к правительству, а 4-й полк выразил прямое недоверие Дутову и атаману 1-го округа Каргину.

Круг решил все полки расформировать, а казаков распустить по домам.

Седельников, по инерции, выполнял несложные поручения: передал приветствие Круга областному башкирскому съезду, участвовал в комиссии по расследованию обстоятельств погрома на винном складе, возглавляемой Дутовым. Кстати, уходя на склад, он заявил Кругу: "Я иду с атаманом и мы или вернемся оба, или оба будем мертвы". Обстановка там, действительно, была напряженной: гремели выстрелы, сверкали лезвия шашек, число жертв достигло 200 человек... Второй раз он прямо встал на защиту Дутова, когда, побывав в казачьей батарее, заявил Кругу: "Казаки не доверяют не только атаману, но и самим себе".

Вопрос "Что делать?" оставался неразрешенным. Ответом на него прозвучало выступление члена Войскового правительства, редактора газеты "Оренбургский казачий вестник", во многом единомышленника Т.Седельникова, М.Копытина. Он без обиняков, бросил в зал: "Бросьте играть в бутафорию! Хватит противиться власти народных комиссаров, мы фактически уже находимся от них в зависимости, хотя бы потому, что получаем от них деньги... Атаман проводит единоличную политику, не считаясь с членами войскового правительства, производит давление на газету. И вообще позиция Дутова такова, что если ему будет оказано доверие, то я из состава правительства ухожу..."³²

Не высказывая прямо своего отношения к атаману, Т.Седельников предложил Кругу "выяснить позицию казаков по отношению к переживаемому моменту, а также выяснить их нужды и изыскать меры к немедленному удовлетворению этих нужд"³³. По поручению Круга он собрал совещание выделенных в комиссию депутатов и представителей казачьих частей Оренбурга. Совещание приняло резолюцию, одним из девяти пунктов которой предлагалось: "Считать желательным переизбрание Войскового Правительства, дав ему определенную конституцию и наименовать его учреждением Совета Оренбургского казачьего войска или Малого Круга, к которому на определенных началах и в известных пределах должны перейти права и положение Войскового Круга"³⁴.

При обсуждении вопроса о доверии Войсковому правительству было два предложения: одно — оставить старый состав, другое, Седельникова, — переизбрать правительство. Большинством в два голоса прошло последнее предложение, но переизбрание правительства, как и депутатов Круга, откладывалось до возвращения строевых казаков домой. Это решение “отменила” разгоревшаяся гражданская война.

Окончание работы Круга совпало с началом первого наступления красногвардейских отрядов на Оренбург 22 декабря. После Круга оппозиция во главе с Тимофеем Ивановичем некоторое время продолжала осуждать действия Дутова, направленные на развязывание гражданской войны.

Огневые сполохи боев на дальних подступах к городу уже озаряли его окраины, а Т.Седельников еще пытался удержаться на “нейтральной” позиции, что было равносильно балансированию на лезвии ножа. В конце концов он не устоял и принял сторону атамана, полагая, что встает в ряды всего казачества.

Не такими уж слабыми были силы Дутова, как это казалось в дни декабрьского Круга. В первых числах января 1918 года П.А.Кобозев телеграфировал в Смольный: “Десятидневный период боев под Оренбургом закончился нашим тактическим отходом в Бузулук... Причина — крайний недостаток боевых сил, командного состава и материальных средств”³⁵. Вскоре к Оренбургу поспешила помощь из Троицка, Челябинска, Перми и других городов Урала.

Широко наступала и контрреволюция, создавая все новые и новые фронты. Своим центром она пыталась сделать Учредительное собрание, объявив популярный в широких массах трудящихся лозунг: “Вся власть Учредительному собранию”. Лозунг приняли и поддержали средние слои крестьянства.

Учредительное собрание открылось 5-го января 1918 г. и сразу же повело наступление на Советы: не признало декретов Советской власти, отказалось обсуждать предложенную ВЦИКом “Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа”. Большевики, а затем и депутаты левых партий покинули собрание, а в ночь на 7 января ВЦИК принял декрет о его роспуске.

На роспуск Учредительного собрания Т.Седельников и единомышленники ответили письмом к демократическому трудовому казачеству под броским заголовком “Жребий брошен”. В нем говорилось: “Над Родиной нашей стряслась новая беда, более ужасная и непоправимая, чем все ее предыдущие страдания, унижения и бедствия — большевики разогнали Всероссийское Всенародное Учредительное собрание!...”

Маска спала, теперь даже слепой может видеть, к чему ведут заманчивые лозунги “большевиков”, обещавших армии мир, трудящимся хлеб и работу, а всему народу — “свободу”...

Станичники! Товарищи строевые казаки!.. Довольно колебаний!.. Жребий брошен!.. Народ не на стороне большевиков и большевики не на стороне народа!.. На коней, свободолюбивое казачество! За народ, за свободную Россию, за устройство жизни на новых началах, за честь и права народа, за волю и власть Учредительного собрания!.. На борьбу с захватчиками власти!!!”³⁶

В этом же номере газеты Т.Седельников помещает статью “Левое самодержавие”, в которой с жестоким сарказмом обрушивается на Ленина и большевиков: “Ленин сделался единодержавным и буквально самодержавным владыкой России... Забрался к власти, как коза в заячий домик и чувствует себя “как дома”... Ничего социалистического, ни демократического в деятельности наших “большевиков” нет и временная “власть” их оставит и у нас, и у всего человечества скверную память какого-то массового помешательства... Это не социализм, а мещанский волчий анархизм...”³⁷

За этой статьей следуют другие и во всех большевики наделяются уничтожающими эпитетами, а казаки призываются к борьбе с ними.

18 января 1918 года, после ожесточенных боев, советские войска вошли в Оренбург. Накануне атаман Дутов бежал в Верхнеуральск, Т.Седельников с единомышленниками, после небольшого периода растерянности, молчания и привыкания к новой власти, взялся за устройство власти в войске. Уже на другой день в комитете “партии трудового демократического казачества” (так по-новому была названа казачья партия) он делает доклад “Об организации и задачах временной войсковой власти”. Это был рекем на “смерть” войскового правительства и казачества: “Мы побеждены. Мы разбиты. Мы больше не способны ни к какой активной борьбе с оружием в руках с кем бы то ни было... Наше войско не может больше воевать и не должно воевать... Всякий призыв или подготовку к вооруженному сопротивлению сейчас или в близком будущем можно смело и открыто признать новым предательством... Сейчас мы вынуждены самой силой вещей перейти к нейтралитету в гражданской войне...”³⁸

По предложению докладчика создается Временный Совет войска Оренбургского и экстренно собирается съезд делегатов станиц 1-го округа. 27 января съезд пересмотрел состав исполнительного органа Временного Совета и утвердил вместо шести 12 человек, введя шесть человек из числа делегатов съезда:

Т.Седельников возглавил отделы: статистический, продовольственный, горный, землеустроительный, лесной, строительный и оброчный. В качестве первоочередной задачи ему поручили "разработать вопрос о мероприятиях, необходимых для целесообразной постановки продовольствия в войске"³⁹.

В эти дни Тимофей Иванович много думает о судьбах казачества, всего народа, пытаясь разобраться и объяснить себе разворот событий и стремительный крах своих идей. Оставалось покориться большевикам. Казаки на призывы к борьбе оставались глухи, Дутов, собравший Круг в Верхнеуральске, раздражал "своей тупостью".

В начале февраля Т.Седельников вместе с бывшим секретарем А.Завалишиным шлет в Верхнеуральск телеграмму на имя окружного правления и в Совдеп Н.Каширину, пытаясь через них вразумить бывшее Войсковое правительство прекратить борьбу. В телеграмме говорилось: "Пора понять полную безнадежность дальнейшего сопротивления приговору жизни: дутовский Круг вместе с дутовским правительством обязаны, сложив полномочия, немедленно уступить место новым избранникам трудового населения, которые, собравшись открыто в Оренбурге, сами определяют свою судьбу совместно с другими трудящимися..."⁴⁰

Главная мысль все та же: "Долой гражданскую войну!"

Верхнеуральский Круг с негодованием встретил это послание "отщепенцев, предателей казачьих интересов", а Т.Седельникова и его соратников обвинили в пособничестве большевикам и исключили из войскового сословия.

Сложная позиция Тимофея Ивановича не была понята красными казаками и руководителями советской власти Оренбурга. Военно-революционный комитет упразднил Временный Совет войска и арестовал его инициаторов Т.Седельникова и М.Копытина.

Делегаты казачьего съезда 1-го округа обратились к присутствующему на одном из заседаний С.Цвиллингу с просьбой освободить арестованных, но получили отказ: "Седельников и Копытин арестованы по постановлению военного штаба за агитацию в станицах против большевиков, на что у штаба имеются доказательства; они будут судиться военно-революционным судом и освободить он не имеет права..."⁴¹

Съезд удовлетворился объяснением комиссара.

Судили Т.Седельникова "за контрреволюционную пропаганду" или нет, для автора остается пока тайной. В разгар боевых действий в крае и под Оренбургом, в апреле-мае 1918 года, в городе его не было. Надо полагать, после февральско-мартовских

передыг он принял окончательное решение о переходе на сторону советской власти. Однако прежние убеждения свои Тимофей Иванович не скрывал и позднее, хотя это доставляло ему немало переживаний.

По документам Центрального государственного архива Октябрьской революции 10 мая 1918 года Т.Седельников докладывал в Казачьем комитете военного отдела ВЦИКа о военной обстановке в городе Оренбурге и крае. К сожалению, небрежно составленный рукописный протокол не дает возможности уловить что-то связное из этого доклада. Ясно одно, комитет создал комиссию "по выработке мероприятий", в которую вошел и Т.Седельников⁴².

В упоминавшемся выше некрологе говорится, что в 1919 и начале 20-х годов Тимофей Иванович работал "в Цескомпродарме, затем уполномоченным ВЦИК по созыву 1-го съезда Советов Башкирии, членом ревкома Киргизии, в органах Наркомнаца, Наркомзема и, наконец, в НК РКИ СССР". Подтверждением служит мандат, выданный ему заместителем председателя ВЦИК А.Аванесовым, о командировании 8 октября 1919 года в Башкирию "для оказания помощи башкирам, пострадавшим от белых".

В биографии Т.И.Седельникова есть момент, вызывающий некоторое недоумение. Как противник Советов и лично В.И.Ленина сумел попасть сразу в верхние эшелоны власти? Как, уже в декабре 1918 года, его принимают в партию большевиков? В некрологе указывается, что в партию его рекомендовали Н.К.Крупская, Л.Б.Красин, М.Н.Покровский⁴³.

Сопоставление фактов приводит к мысли, что, покинув Оренбург, Седельников посетил не только Казачий комитет, но и встретился с В.И.Лениным и Н.К.Крупской на правах старого знакомого. Возможно, покался в своих полемических грехах, а скорее всего и не каялся. Ленину и Крупской тогда было не до провинциальных газет. О злопыхательстве и оскорблениях со стороны казака они просто не знали. Эта встреча и открыла ему дорогу в партию и во ВЦИК как знатоку национальных (киргизских и башкирских) и земельных вопросов.

Во ВЦИКе он проработал до марта 1922 года, то есть до осуждения по известному в то время делу инженера Ольденборгера.

Это случилось в 1921 году. По заведенному в то время порядку каждый коммунист — представитель центральной власти в Москве — курировал одну из партийных ячеек предприятий и организаций города. Тимофей Иванович как работник ВЦИКа

отвечал за партячейку Рублевской водонапорной станции, входящей в систему Московского водопровода. По каким-то признакам он заподозрил “в саботаже и вредительстве” главного инженера водопровода Ольденборгера и стал преследовать его, подключив к этому членов ячейки Елагина, Меркулова и других. Травля инженера усилилась весной 1921 года, когда рабочие водопровода избрали инженера депутатом Моссовета, провалив Седельникова — кандидата от партячейки. Обиду свою Тимофей Иванович решил выместить на Ольденборгере. На одном из собраний он назвал инженера “контрреволюционером”, обвинив в получении 4000 рублей для саботажников. Рабочие опротестовали это обвинение, назвали ложным и заявили, что Ольденборгер в дни Октября работал для Советской власти. Тогда, в гневе, Т.Седельников обозвал всех рабочих черносотенцами, а против инженера выдвинул новое обвинение: “Умышленное доведение московского водопровода до аварийного состояния”. Назначенная Моссоветом комиссия опровергла и это обвинение. Тогда Т.Седельников подключил печать к клевете на своего соперника...

Ольденборгер не выдержал незаслуженных гонений, хулы и покончил жизнь самоубийством.

Вскоре на стол В.И.Ленину легла коллективная жалоба инженеров и рабочих водопровода на недостойное поведение коммунистов Рублевской партячейки, виновных в самоубийстве главного инженера. Ленин поручил комиссии разобраться в обстоятельствах самоубийства Ольденборгера и “предать всю комячейку” партийному суду.

Следствие велось военным трибуналом ВЦИК, возглавляемым Н.В.Крыленко. Жалоба рабочих подтвердилась. Суд определил Тимофею Ивановичу два года лишения свободы, а остальным виновникам — членам ячейки вынес общественное порицание “с лишением права в течение трех лет занимать ответственные должности”⁴⁴.

После отбытия наказания Тимофей Иванович полностью отдается давно интересовавшему его изобретательскому делу. Сначала работал с изобретательским активом Осовиахима как член президиума Комитета по содействию изобретательству, а потом и при ВЦСПС.

В 1926 году, выполняя задание РКИ ЦККа, с группой общественников-изобретателей, он “разоблачил шайку шпионов, работающих в комитете по делам изобретений”. Газета “Известия” отмечает в некрологе, что после разоблачения шпионов Т.Седельников “стал душой инициативной группы московских изобретателей, участвовал в создании оргбюро изобретате-

лей и вместе с ними уже в 1927 году поставил все те крупные принципиальные вопросы организации и изобретательства (общество изобретателей, комитет при СТО, новый патентный закон и пр.), которые в настоящее время мобилизовали вокруг себя лучшую часть актива изобретателей”⁴⁵.

Итоги своей новой сферы деятельности он подвел в книге “Пути советского изобретательства”. Член ВЦИКа К.А.Механошин — видный военный деятель и ученый писал в предисловии к книге: “Выход книги Т.Седельникова, одного из лучших знатоков изобретательского дела, является крупнейшим фактом, она проливает свет на положение изобретательства... Работа Т.Седельникова является весьма ценным исследованием важнейшей области, непосредственно связанной с основными задачами социалистического строительства”⁴⁶.

Роль Тимофея Ивановича в становлении и развитии изобретательства в нашей стране отмечается и в более поздних исследованиях. Так, Г.М. Алексеев пишет: “В то время книга получила признание и популярность среди широких масс изобретателей и рационализаторов...”⁴⁷

Книге предшествовали многочисленные публикации Т.Седельникова на избранную тему в центральных газетах, особенно в “Труде”, где он был постоянным сотрудником и сумел собрать вокруг газеты рабочих-изобретателей.

26 мая 1930 года, по дороге на заседание комиссии СНК СССР, которая должна была рассматривать новый закон об изобретательстве, Тимофей Иванович скончался от разрыва сердца. Газеты “Известия”, “Правда”, “Труд”, “Комсомольская правда” поместили некрологи о его кончине, высоко оценивая пройденный им жизненный путь, особенно последний период. Газеты писали тогда: “Умер незаурядный и крупный общественный деятель, работавший в последние годы в области организации рабочего изобретательства, член ВКП(б)... Опыт первых трех лет работы по изобретательству изложен Тимофеем Ивановичем в книге, которую должны знать вся партия и вся советская общественность... Рабочие изобретатели потеряли лучшего и мужественного своего друга. Изобретательская общественность утратила выдающегося организатора, сумевшего от отдельных случаев волокиты и мытарств поднять изобретательский вопрос до принципиальной высоты крупной государственной проблемы”⁴⁸.

Незаурядный, энергичный и деятельный человек — Тимофей Иванович Седельников не смог стоять и никогда не стоял в стороне от масштабных событий. Его жизнь, как зеркало, отразила всю предреволюционную историю оренбургского казачества,

метание, поиски и обретение своего места в борьбе ценой крови и ломки судеб.

Примечания

- ¹ См.: Седельников Г.И. Борьба за землю в Киргизской степи. Спб., 1907.
- ² См.: Седельников Т.И. Что даст индустриализация страны крестьянству. М., 1928.
- ³ Там же. С.15.
- ⁴ Там же. С.28.
- ⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. СПб., 1906. Т.1. С.29.
- ⁶ Там же. Т.2. С.967.
- ⁷ Степь (Троицк). 1906. 30 мая.
- ⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. Т.1. С.29.
- ⁹ Степь. 1906. 28 июня.
- ¹⁰ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.14. С.197.
- ¹¹ Там же. С.44.
- ¹² Берзин Я.А. Первые встречи с Лениным // Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии. Рига., 1969.С.37.
- ¹³ Верхнеуральский край. 1917. 7 дек.
- ¹⁴ Оренбургский казачий вестник. 1917. 28 июня.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Оренбургский казачий вестник. 14 июля.
- ¹⁷ Верхнеуральский край. 1917. 7 дек.
- ¹⁸ Оренбургский казачий вестник. 1917. 5 окт.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Оренбургский казачий вестник. 1917. 7 окт.
- ²¹ Там же. 5 окт.
- ²² Там же.
- ²³ Верхнеуральский край. 1917. 3 дек.
- ²⁴ Челябинский рабочий. 1986. 20 дек.
- ²⁵ Верхнеуральский край. 1917. 7 дек.
- ²⁶ Там же. 23 нояб.
- ²⁷ Там же. 14 дек.
- ²⁸ Там же. 3 дек.
- ²⁹ Там же. 14 дек.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Оренбургский казачий вестник. 1917. 9 дек.
- ³² Там же. 20 дек.
- ³³ Там же. 13 дек.

³⁴ Там же. 20 дек.

³⁵ Постников Н. Борьба за Оренбург в 1917 — 1918 гг. // Гражданская война в Оренбургском крае. Воспоминания. Чкалов, 1939. С.71 — 102.

³⁶ Оренбургский казачий вестник. 1917. 11 янв.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. 25 янв.

³⁹ Там же. 31 янв.

⁴⁰ Казачья правда. 1918. 8 февр.

⁴¹ Там же. 28 февр.

⁴² ГАРФ. Ф.Р-1235. Оп.78. Д.70. Л.132.

⁴³ См.: Известия. 1930. 29 мая.

⁴⁴ Ленин в сердцах уральцев. Воспоминания старых коммунистов. Свердловск, 1969.С.128.

⁴⁵ Известия. 1930. 29 мая.

⁴⁶ Седельников Т. Пути советского изобретательства. М.;Л., 1929.

⁴⁷ Алексеев Г.М. Движение изобретателей и рационализаторов в СССР. 1917 — 1982 гг. М., 1983. С.10.

⁴⁸ Известия. 1930. 29 мая.

Е.В.Волков

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА М.В.ХАНЖИНА

Генерал Михаил Васильевич Ханжин. Жизнь этого человека тесно связана с историей российской армии, белого движения и русской эмиграции в Китае. Это имя встречается в книгах и учебниках по истории гражданской войны. Что мы знаем о нем? В советском обществе для людей, воевавших в рядах белых, были заготовлены многочисленные ярлыки: "махровый контрреволюционер", "наймит империализма", "враг революции" и т.д. Сейчас, с открытием ранее недоступных архивных и библиотечных фондов, мы начинаем не так односторонне смотреть на исторические события и их участников, в том числе и на события революции, гражданской войны, кардинально изменившие жизнь России.

Для нашего духовного возрождения и восстановления исторической правды после семидесяти лет ненависти и презрения

к соотечественникам, немслящим категориями мировой революции, жизнь настоятельно диктует создание объективных портретов не только непосредственных руководителей белого движения М.В.Алексеева, Л.Г.Корнилова, А.В.Колчака, А.И.Деникина, но и генералов “армии контрреволюции” А.П.Кутепова, В.О.Каппеля, А.Н.Пепеляева, М.В.Ханжина... Никто в истории не должен быть забыт¹.

Судьбой генерала Ханжина в настоящее время заинтересовались некоторые историки и краеведы Урала. Они ведут исследовательскую работу. Относительно недавно оренбургский историк В.Г.Семенов опубликовал несколько интересных материалов о М.В.Ханжине. Но, к сожалению, они содержат ряд ошибок фактологического характера².

Каким же человеком был Михаил Васильевич Ханжин? В чем его заслуги перед Отечеством? Благодаря архивным материалам, воспоминаниям ныне живущих потомков генерала и мемуарам, авторами которых являются сослуживцы М.В.Ханжина, удалось воссоздать его жизнь и военную биографию.

Семейная легенда гласит, что фамилия Ханжин произошла от татарского хана по имени Жин. Он, после взятия Казани воинской ратью Ивана Грозного, принял православие, женился на русской девице и стал родоначальником рода Ханжиных. Мужская его половина в дальнейшем стала служить в Оренбургском казачьем войске, основной задачей которого была охрана рубежей Российской империи от набегов кочевников и постепенная хозяйственная колонизация степного края. Поэтому вся жизнь Ханжиных, связанная со степью, протекала в трудах и борьбе с мятежными киргизами-кайсаками.

Будущий генерал Михаил Ханжин родился 17 октября 1871 года в Самарканде, где его отец есаул Василий Ханжин нес службу в одной из казачьих частей. Выйдя в отставку, Василий Ханжин вместе со своей супругой Агнией Петровной, урожденной Водошняновой, поселились в станице Степной Троицкого уезда Оренбургской губернии. Здесь проживали родственники матери Михаила Ханжина. Водошняновы относились к старинному русскому роду. По устному преданию они ведут свои корни от московских стрельцов. В конце XVII века борьба за престол между Петром и его сестрой Софьей привела к тому, что часть стрельцов была казнена, другая — бежала на Дон. Среди них оказались и Водошняновы. До наших дней в Ростовской области сохранилось казачье поселение — станица Водошняновская. По прошествии многих лет два брата Петр и Тит Водошняновы покинули пределы Войска Донского в поисках своего счастья в других

краях. Петр отправился на Байкал, а Тит вступил в Оренбургское казачье войско. Он явился отцом Петра Титовича Водошнянова, осевшего в станице Степной, где у последнего родилась дочь Агния, мать будущего генерала³.

Василий и Агния Ханжины имели четверых детей: Александра, Лидию, Михаила и Елену. Для Миши беззаботное детство кончилось рано. Когда ему исполнилось одиннадцать лет, отец отвез его в Оренбург и там, 14 августа 1883 года, Мишу зачислили в Неплюевский кадетский корпус как “пансионера Оренбургского казачьего войска”, т.е. на казенное содержание. Кадет М.Ханжин обучался в корпусе семь лет. За эти годы он изучил более двадцати учебных дисциплин, среди которых Закон Божий, русский язык, история, география, французский и немецкий языки, алгебра, тригонометрия, естественная история, физика, фронтовое учение, законоведение, танцы и др. В кадетском корпусе существовала двенадцатибалльная система оценок, в которой “12” являлся самым высоким баллом. Миша Ханжин закончил корпус в мае 1890 года с подавляющим большинством высших баллов по всем предметам. О характере и способностях кадета Ханжина в период учебы в Неплюевском корпусе дает представление его аттестационная тетрадь, хранящаяся в фондах Российского государственного военно-исторического архива. Миша рос способным и любознательным мальчиком. Все воспитатели без исключения отмечали его любовь к книгам. Но порой он мог и пошалить, и не приготовить урок, за что подвергался таким наказаниям как “хлеб и вода на обед”, “лишение ужина”, “стеснение свободы”, арест на ночь. Офицер-воспитатель капитан Грибель, характеризуя выпускника корпуса М.Ханжина, написал о нем следующее: “Серьезный и малообщительный молодой человек. К своим обязанностям относится аккуратно и добросовестно. Привычку улыбаться иногда без всякой причины не оставил, чем иногда портит то выгодное впечатление, которое производит вообще. Не прочь иногда порезонировать, не всегда в приличной форме. Сердце имеет доброе и податливое ко всему хорошему.

Умственно развит хорошо. Товарищам очень охотно помогает в их занятиях и вообще ими любим. Любит читать”⁴.

После окончания кадетского корпуса Михаил Ханжин сразу же поступает в Михайловское артиллерийское училище Петербурга. Почему Михаил выбирает карьеру именно офицера-артиллерииста, а не традиционные для военных из казачьего сословия кавалерийские части? Трудно сказать что повлияло на Ханжина. Однако он не ошибся в своем выборе, став юнкером одного из лучших военно-учебных заведений в России, которое

было учреждено в 1820 году по инициативе великого князя Михаила Павловича (отсюда и название "Михайловское", с 1849 года после его смерти). В августе 1855 года из офицерских классов училища создали Михайловскую артиллерийскую академию. С тех пор училище и академия размещались в одном большом здании классического стиля на набережной реки Мойки в Петербурге до их разделения к началу XX столетия⁵.

Библиотека академии и училища содержала около 35 тысяч томов литературы на русском и иностранных языках, в т.ч. 8 тысяч об артиллерии авторов XVII — XIX столетий. Со дня основания Михайловского училища здесь существовал музей, где можно было увидеть бронзовую маску, снятую с лица покойного императора Николая I, мундир и палаш великого князя Михаила Павловича, каменные ядра XVI — XVII веков, старые пищали, шуваловскую гаубицу на лафете и многое другое⁶.

Юнкер М.Ханжин изучал в военном училище механику, топографию, артиллерию, фортификацию, аналитическую геометрию, математику, тактику, химию, физику, военную историю, иностранные языки и ряд других учебных дисциплин. Преподавательский состав отличался высоким профессиональным уровнем. Ординарных профессоров, читающих как в училище, так и в академии, было четверо, а экстраординарных — двое. Наибольшей популярностью среди учащихся пользовались преподаватель математики действительный статский советник Н.С.Будаев, начальник училища и академии генерал-лейтенант Н.А.Демяненков, читавший курс по артиллерии, а также ряд других преподавателей, в зависимости от интересов и склонностей отдельных юнкеров.

Вместе с М.Ханжиным в одном юнкерском училище обучался Я.Д.Юзефович, впоследствии генерал, прославившийся в годы первой мировой и гражданской войн. Его считали одним из талантливых и способных людей в окружении барона П.Н.Врангеля. Близким другом Михаила по училищу был Владимир Нарбут, который в период революционной смуты окажется директором Сибирского кадетского корпуса в Омске. Ему придется заниматься спасением мальчиков-кадетов от красного террора и эвакуацией их в Китай. Среди эвакуированных кадетов Сибирского корпуса окажутся и двое сыновей Ханжина. На год старше Михаила обучался в училище юнкер Лавр Корнилов, будущий основатель белого движения⁷.

В первый год учебы Михаил Ханжин не блистал знаниями и имел средний балл по учебным предметам, поведению и строевой подготовке. Среди 36 учащихся из 50, которых после полуго-

дового обучения, в декабре 1890 года, произвели в юнкера унтер-офицерского звания, М.Ханжина не было. Это звание он получил только в конце учебного года⁸, когда в мае батарея, состоявшая из юнкеров Михайловского артиллерийского училища, выступала после "напутственного молебствия" походным порядком под Красное Село в летний лагерь. Здесь юнкера занимались стрельбой из легких орудий, "военно-лабораторным искусством в объеме сведений, необходимых полевому артиллеристу", верховой ездой и уходом за лошадьми, практической топографией, саперными работами, тактикой на местности⁹.

Затем, в последующие два года учебы, Михаил показал неплохие знания, достигнутые упорством и целеустремленностью, что позволило ему в августе 1893 года закончить Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду (т.е. на "хорошо" и "отлично"). Получив младший офицерский чин хорунжего, он направляется в конно-артиллерийскую бригаду Оренбургского казачьего войска в Самарканд.

Начало службы офицера-артиллериста складывалось традиционно, как для большинства кадровых военных того времени. Но у молодого человека появились свои честолюбивые планы. Сделать военную карьеру, в хорошем смысле этого слова. Поэтому он неустанно занимался самообразованием, штудировал труды военных теоретиков, готовил себя для поступления в академию.

Сдав 12 вступительных экзаменов в сентябре 1896 года, М.Ханжин, уже будучи сотником, поступает в Михайловскую артиллерийскую академию, которая давала офицеру высшее образование. Через три года, успешно окончив это учебное заведение, он в чине капитана отправляется для прохождения дальнейшей службы в 1-ю Туркестанскую артиллерийскую бригаду, в составе которой находился в Ташкенте, а затем в Ауле-Ате (ныне Джамбул).

К тому времени М.В.Ханжин был уже женат на Платониде Платоновне Шепатовской и имел двух сыновей Михаила и Владимира. Но дальнейшая жизнь показала, что этот брак оказался непрочным. Позднее, после его расторжения, Михаил Васильевич обвенчался с Еленой Павловной Корсак. От этого семейного союза появится шестеро детей. Однако и своих первых сыновей Ханжин не забывал. Постоянно помогал им материально и устроил на учебу в кадетские корпуса: Михаила — в Ташкентский Наследника Цесаревича, а Владимира — во 2-й Оренбургский¹⁰.

В феврале 1903 года капитан М.Ханжин командирует на семь месяцев в Царское Село в Офицерскую артиллерийскую школу стрельбы для повышения своей военной квалификации¹¹. Затем, получив звание подполковника, он назначается командиром 4-й батареи 36-й артиллерийской бригады¹².

На Дальнем Востоке в начале XX века сплелся сложный узел международных противоречий. Это привело к русско-японской войне, которая стала первым боевым испытанием для М.Ханжина. Война застала его в небольшом городке Карачеве Орловской губернии за тысячу верст от театра военных действий. Прибыв в Маньчжурию, подполковник М.Ханжин принимает в командование 4-ю батарею 3-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, которая входила в состав 3-го Сибирского армейского корпуса (командир — генерал Н.И.Иванов)¹³. Мог ли Михаил Васильевич предвидеть, что в эти края, где он будет сражаться с японцами, судьба забросит его вновь? Почти 25 лет своей жизни он отдаст этой земле.

Подполковник М.Ханжин неплохо зарекомендовал себя в качестве батареиногo командира на полях Маньчжурии и был награжден орденами святой Анны 2-й степени с мечами, за период Ляоямских боев, святого Станислава 2-ой степени с мечами, за бой у деревни Каотайдзы святого Георгия 4-й степени за отличие 17 — 18 августа 1904 года под Ляояном и 25 февраля 1905 года под Фушунем¹⁴, а позже (в 1906 году) был удостоен чина полковника¹⁵.

После войны, которая, как известно, закончилась для России плачевно, Михаила Васильевича назначают на должность штаб-офицера, заведующего обучением в полевом отделе Офицерской артиллерийской школы стрельбы, где еще недавно он учился сам. Кроме чисто административной, М.Ханжину приходилось заниматься и преподавательской работой. Он вел ряд разделов теоретического курса "Сведения о стрельбе полевой артиллерии". В 1908 году для переиздания учебника Михаил Васильевич переработал и дополнил этот курс¹⁶. Руководство и администрация Офицерской артиллерийской школы в начале и в конце периода учебы проводили добровольное анкетирование среди обучающихся с целью выявления знаний, организации учебного процесса, взаимоотношений с преподавателями, быта учащихся-офицеров. Что касается теоретического курса, который вел М.В.Ханжин и несколько других офицеров-преподавателей, то большинство обучающихся в 1907, 1909 годах считали преподавание его вполне удовлетворительным, материал содержательным, чтение лекций ясным и толковым¹⁷.

М.В.Ханжин в этот период также участвовал в работе комиссий по разработке инструкций для действия разведчиков в боях, норм артиллерийского довольствия воинских частей в Европейской России и на Кавказе, дополнений к статусу ордена святого Георгия, за что был удостоен в 1909 году "высочайшего благоволения"¹⁸.

Вскоре полковник М.Ханжин получает новое назначение в г.Нежин Черниговской губернии, где становится командиром 1-го дивизиона 42-й артиллерийской бригады. В 1913 году, будучи уже генерал-майором, он по приглашению французского правительства, в составе военной делегации, командирует на артиллерийские стрельбы в лагеря Мальи и Шалонский. Из Франции М.Ханжин вернулся с офицерским крестом Почетного легиона на груди¹⁹.

Тем временем над миром стали сгущаться тучи новой, невиданной по своим огромным масштабам и жертвам, мировой войны. Тревожный август 1914 года настиг нашего героя в г.Виннице Каменец-Подольской губернии в качестве командира 19-й артиллерийской бригады 8-й армии (командующий генерал А.А.Брусилев) Юго-Западного фронта. С началом военных действий его артиллерийская бригада принимает участие в Галицийской операции, результатом которой явилось отступление австрийских войск и овладение русскими большей частью Галиции. За бои в начале 1915 года Михаил Васильевич был награжден Георгиевским оружием, лично пожалованным ему Верховным Главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем. В приказе о награждении генерала-майора Ханжина говорилось, что, "состоя командиром 19-й артиллерийской бригады в течение операций наступления на местечко Мезолаборч с 11 по 23 января 1915 года руководя действиями вверенной ему бригады, много способствовал наступлению дивизии и занятию Мезолаборча"²⁰.

Затем генерала М.Ханжина командируют в Управление инспектора артиллерии 12-го армейского корпуса. Некоторое время он даже возглавлял его, занимаясь обеспечением материальной части артиллерии, стрелковым оружием и военным имуществом подразделений корпуса.

После летнего отступления русских армий из Карпат, однажды июльской ночью 1915 года австро-германские войска переправились через р.Буг, опрокинули передовые части 12-го армейского корпуса, которым тогда командовал генерал А.М.Каледин, и значительными силами продолжали наступление. Командующий 8-й армией генерал А.А.Брусилев потребовал от Каледина ввести в бой резерв, в частности, батальон 120-й пехот-

ной дивизии, и остановить противника. Но 12-я пехотная дивизия, прежде славившаяся своей храбростью и дисциплиной, оказалась в данный момент неустойчивой, а ее начальник "ослабел духом" и не мог совладать со своими частями, в беспорядке отступавшими под ударами врага. Тогда на место несправлявшегося командира дивизии командующий армией назначает генерала М.В.Ханжина, которого он "знал еще с мирного времени и был уверен, что этот человек не растеряется". Позднее А.А.Брусилов вспоминал: "Ханжин оправдал мои ожидания. Подъехал к полку, который топтался на месте, но вперед не шел, и, ободрив его несколькими прочувственными словами, он сам стал перед полком и пошел вперед. Полк двинулся за ним, опрокинул врага и восстановил утраченное положение. Не покажи Ханжин личного примера, не поставь на карту и свою собственную жизнь, ему, безусловно, не удалось бы овладеть полком и заставить атаковать австро-германцев. Такие личные примеры имеют еще то важное значение, что передаваясь из уст в уста, они раздуваются и такому начальнику солдат привыкает верить и любить его всем сердцем"²¹. За этот подвиг у местечка Соколь в Австро-Венгрии Михаила Васильевича наградили орденом святого Георгия 3-й степени²².

В мае 1916 года, накануне знаменитого Луцкого прорыва, генерала М.Ханжина назначают инспектором артиллерии 8-й армии. На этом посту он занимался снабжением артиллерийского парка армии боеприпасами, оборудованием и военным имуществом. Кроме того, на него было возложено руководство противозенитной обороной штаба армии, принадлежащих ему "учреждений", железнодорожных мостов, мест скопления воинских частей, интендантских складов и императорской резиденции в освобожденном от австрийцев Луцке. Для решения этой задачи в распоряжении генерала-лейтенанта Ханжина (им он стал в августе 1916 года) находились четыре противозенитные батареи²³.

Конец года принес Михаилу Васильевичу новое назначение. Он стал инспектором артиллерии армий Румынского фронта. Заведая всеми боеприпасами фронта, Управление генерала Ханжина вело учет их расхода и занималось распределением патронов и снарядов по армиям.

На этом посту М.Ханжин удостоился Большого Креста Румынской Короны.

После свержения самодержавия в революционном 1917 году репутация Романовых в обществе резко пошатнулась. Поэтому 12 марта великий князь Сергей Михайлович, "признав Временное правительство и подчиняясь его желанию", оставил должность

полевого генерал-инспектора артиллерии при штабе Верховного Главнокомандующего²⁴. На его место в Ставку назначают генерал-лейтенанта М.В.Ханжина. 10 апреля 1917 года он прибыл в Могилев, а через три дня приступил к своим обязанностям. Здесь, в разное время, ему пришлось работать под непосредственным руководством генералов М.В.Алексеева, А.И.Деникина, Л.Г.Корнилова, А.А.Брусилова, имена которых навсегда вошли в историю России.

Новая власть в лице Временного правительства попустительствовала расплыванию устоев русской армии. Началось массовое увольнение офицеров, "несоответствующих требованиям политического момента", и выдвижение на командные посты выборных лиц из солдатской массы, малограмотных в военном деле. Это явилось началом развала русской армии. Рушилась вся военная идеология, испокон веков заключавшаяся в известной формуле: "За веру, царя и отечество". Ставка пыталась бороться с подобной политикой в военной области и поэтому не пользовалась доверием в кругах революционной демократии, в большинстве своем считавших ее гнездом контрреволюции.

Генерал-лейтенант М.Ханжин несколько раз за этот период выезжал на Западный и Юго-Западный фронты, присутствовал на совещаниях при Верховном Главнокомандующем, а за несколько дней до Октябрьского переворота участвовал в работе съезда по технической обороне государства в Петрограде под председательством военного министра²⁵.

С приходом к власти большевиков, в течение нескольких месяцев их правления, русская армия фактически перестала существовать. 2 декабря 1917 года была упразднена должность полевого инспектора артиллерии, а М.Ханжина вывели "за штат" и предоставили отпуск²⁶. Сначала он отправился в Киев и Винницу за членами своей семьи, а затем вместе с ними в Троицк Оренбургской губернии, чтобы там пережить революционную смуту.

Однако грозные раскаты революции докатились и до глубинки. Оренбургский казачий атаман А.И.Дутов назвал новую власть преступной и стал собирать отряды для борьбы с ней. Но силы его оказались незначительными. Вскоре дружины Красной гвардии вступили на территорию Оренбургского казачьего войска. Красные вначале захватили Челябинск, крупный железнодорожный узел, а затем торговый Троицк. В доме, где жил генерал М.Ханжин с семьей, красногвардейцы произвели обыск. Бесцеремонные представители новой власти изъяли у Михаила Васильевича большинство боевых орденов (какие удалось найти) и

личное Георгиевское оружие²⁷. Ему предложили пойти на службу к большевикам. Он отказался.

Вскоре в Троицк из Челябинска прибыл командир всех местных красногвардейских отрядов В.К.Блюхер. По этому случаю был устроен смотр красных частей, находившихся в городе. Двоюродный брат генерала Михаил Радеев, будучи на этом смотре видел у краскома Блюхера на поясе, как он потом утверждал, личное Георгиевское оружие Михаила Васильевича — шашку с позолоченным эфесом, на которой вместо георгиевского темляка красовался красный бант²⁸.

Весной 1918 года вся семья Ханжиных переезжает в станицу Степную в надежде здесь переждать тревожные бури, бушующие над Россией. К этому времени уже началось организованное сопротивление большевикам от Кубани до Сибири.

В жизни каждого человека есть моменты, когда необходимо сделать выбор, от которого зависит его дальнейшая судьба. Так, 46-летний генерал М.В.Ханжин, решив бороться против большевизма в своей стране, летом 1918 года отправляется в Челябинск, еще в конце мая освобожденный от большевиков чехами, и вступает в ряды Сибирской Армии. Помыслы генерала вероятно оказались созвучны словам русского философа Ивана Ильина, который будучи уже в эмиграции писал: "Богу и судьбе было угодно так, чтобы жизнь наша была достигнута великой русской смутой, имя которой "революция", "гражданская война" и "коммунизм" Не мы вызвали эту смуту; не мы хотели революции, не мы начали гражданскую войну; не мы губили Россию коммунизмом. И, может быть, многие из нас мечтали бы родиться в другую эпоху и служить России иначе. Но жребий был брошен и притом не нами; предотвратить было не в наших силах. Мы могли только мужественно принять ее и честно изжить ее в борьбе"²⁹.

Михаил Васильевич в Челябинске возглавил 3-й Уральский корпус Сибирской Армии. Лето и осень 1918 года генерал был занят комплектованием новых воинских подразделений своего корпуса. Часто выезжал на фронт, где подчиненные ему части вели бои.

В день взятия белыми Перми, 24 декабря 1918 года, адмирал А.В.Колчак, возглавивший антибольшевистские силы на востоке России, назначил М.В.Ханжина командующим Западной Армией, созданной из Камской и Самарской войсковых групп, а также частей 3-го Уральского корпуса³⁰. На весну и лето 1919 года обе враждующие стороны готовили крупные стратегические операции.

Белые в составе двух армий (Сибирской генерала Р.Гайды и Западной генерала М.В.Ханжина), опередив красных, в марте переходят в наступление на Вятском и Самарском направлениях. В приказе, отданном М.Ханжиным, говорилось: "Доблестные войска Западной Армии! ... Я отдал приказ о наступлении, конечной задачей которого будет взятие Москвы. Продвигаясь вперед, не забывайте, что Вы вступаете не в завоеванную враждебную страну, а в занятые большевиками, ограбленные ими области нашей Родины, и Вы должны принести населению только облегчение, порядок, обеспечение жизни, чести и имущества. Так с Богом же вперед для счастья и возрождения дорогой Родины!"³¹

Наибольшего успеха колчаковцы достигли на участке армии М.Ханжина, где ими были взяты Уфа, Белебей, Бугульма, Бугуруслан. До Волги оставалось всего лишь три дневных перехода. Эти дни стали триумфом для Михаила Васильевича. Газета Западной Армии публиковала приветственные телеграммы в адрес генерала М.Ханжина от высокопоставленных военных и гражданских лиц³². Ему посвятил свое стихотворение армейский поэт подпоручик Н.Арнольд, где говорилось:

Испытанный в боях, с Георгием в петлице,
С святым Георгием на шее, генерал
К Москве истерзанной, к измученной столице
Родную Армию на подвиги послал.³³

На Пасху Верховный Правитель адмирал Колчак произвел Михаила Васильевича в чин генерала от артиллерии³⁴. Но вскоре военное счастье изменило М.В.Ханжину. По плану, разработанному в штабе командующего Южной группы Красной Армии М.В.Фрунзе (в котором, кстати, были в основном бывшие офицеры царской армии) красные в конце апреля 1919 года перешли в наступление в направлении БУГУРУСЛАН — БУГУЛЬМА, нанеся удар в стык между двумя корпусами Западной Армии. Белые откатились назад. После упорных боев в начале июня части генерала Ханжина оставили Уфу и отошли вглубь Уральских гор.

Чувствуя свою вину за поражение Западной Армии, Михаил Васильевич неоднократно просил Колчака о смещении его с поста командующего. 20 июня 1919 года Верховный Правитель в своем приказе, признавая военные заслуги и отдавая дань уважения генералу Ханжину, выполнил его просьбу³⁵.

Михаил Васильевич вместе с семьей уезжает в Омск, где располагалась Ставка Верховного Правителя. Лишь в октябре он получает новое назначение — должность военного министра в Омском правительстве³⁶. Круг вопросов, которые решал глава

военного ведомства, был определен специальным приказом только в июне 1919 года. Сюда входили: заготовка и снабжение армий различными видами довольствия (интендантским, инженерным, артиллерийским, санитарным, ветеринарным); кредиты по военному ведомству; вопросы военно-административного управления прифронтовыми районами и службы армейского духовенства; заведование интендантскими курсами и кадетскими корпусами; назначение жалования, пенсий, пособий чинам военного ведомства; руководство войсковыми казначействами; "полевой контроль"; дела Главного военно-судебного управления³⁷.

На посту военного министра генерал М.Ханжин занимался такими делами, как предоставление кредита в 500 тысяч рублей девяти казачьим войскам на противоэпидемические мероприятия³⁸, претворение в жизнь указа о призыве в колчаковские войска некоторых категорий мужского населения Сибири в возрасте от 18 до 43 лет³⁹, реквизиция в Омске и его пригородах теплых вещей для нужд армии⁴⁰, выдача вознаграждений казакам-добровольцам, поступившим на службу со своей лошадей, обмундированием и снаряжением⁴¹, и др.

Тем временем фронт все дальше откатывался на восток. Колчаковское правительство переезжает в Иркутск. 14 ноября белые оставили Омск. Одно за другим вспыхивают восстания в колчаковском тылу. В конце декабря в Черемхово, недалеко от Иркутска, выступили рабочие и солдаты местного гарнизона под руководством эсеров. 23 декабря адмирал А.Колчак в Нижнеудинске, где застряли его эшелоны, получает телеграмму военного министра генерала М.Ханжина: "Иркутский гарнизон... не в состоянии выделить достаточного отряда в Черемхово для восстановления порядка. Необходима немедленная присылка войск Забайкалья... Временное подчинение иркутского гарнизона атаману Семенову необходимо"⁴². Это ускорило назначение забайкальского атамана Главнокомандующим всеми вооруженными силами белых на Дальнем Востоке, которое А.Колчак подписал 4 января 1920 года.

Еще раньше, в 20-х числах декабря, Г.М.Семенов бросает часть своих войск на помощь Верховному Правителю. Под новый год семеновцы вместе с правительственными частями уже сражались с повстанцами на улицах Иркутска, где также вспыхнуло восстание, руководимое эсерами и большевиками. Бои за Иркутск затянулись на девять дней. 2 января 1920 года враждующие стороны при посредничестве представителей Антанты сели за стол переговоров. От колчаковского представительства их вели

А.А.Червен-Водалы, М.В.Ханжин, А.М.Ларионов. На следующий день, исходя из сложившейся обстановки, они, от имени Совета министров, посылают адмиралу обращение с предложением отказаться от власти в пользу генерала А.И.Деникина⁴³, фактически капитулировав перед требованиями восставших. 5 января А.Колчак подписал указ о сложении своих полномочий и передаче их А.Деникину. Власть в Иркутске перешла в руки эсеро-меньшевистского Политцентра. Многие колчаковские офицеры и чиновники начали спешно покидать город. Михаил Васильевич выехал к семье в Читу. Ему случайно удалось вырваться из Иркутска в эшелоне одной иностранной миссии.

По прибытии в Читу, "столицу забайкальского атамана", Семенов предложил генералу от артиллерии должность в своих войсках, но получил отказ. У Ханжина были другие планы.

Предвидя близкий и неотвратимый крах белого движения, Михаил Васильевич решает эмигрировать из страны. Семья Ханжиных в специальном штабном вагоне, прицепленном к железнодорожному составу, отправилась в Харбин. В пути произошла трагедия. Сын генерала, восьмилетний Витя заболел скарлатиной и, не доезжая Харбина, скончался. Так тяжело началась жизнь Ханжиных на чужбине.

Харбин, куда приехала семья Михаила Васильевича в конце января 1920 года, по своему внешнему облику напоминал русский губернский город. История его возникновения и развития тесно связана со строительством Китайско-Восточной железной дороги и появлением в Маньчжурии русских строительных отрядов в конце XIX столетия. Город имел более десятка православных храмов, русские гимназии и университеты, судебные учреждения; на русском языке выходили газеты и журналы. Здесь проживало более 200 тысяч выходцев из России, занесенных сюда судьбой в поисках лучшей доли. В период русской революционной смуты приток их в эти края многократно возрос. Большую часть новых эмигрантов в Маньчжурию с 1920 года составили военные и гражданские лица, которые в рядах отступающих колчаковских войск, под ударами Красной Армии оказались вытесненными в Китай.

Более месяца Ханжины прожили в вагоне на железнодорожных путях станции Харбин. Они не смогли здесь устроиться и весной перебрались всей семьей в город Дайрен (русское название — Дальний), где с небольшим перерывом и прожили до конца эмиграции.

Жизнь в Китае 20-х годов, в этой полукOLONиальной стране, была тревожной. Одни провинции находились под

властью военных клик во главе с китайскими генералами. Другие управлялись представителями партии Гоминьдан. На отдельных территориях хозяйничали иностранцы. Все это происходило на фоне междоусобных схваток в борьбе за власть.

Город Дайрен с 1904 года находился в руках японцев. Он представлял собой красивый и чистый портовый город в горах на живописном берегу Желтого моря. Семья Ханжиных сняла фазенду (с китайского — дом) в депевоом районе под названием Рокотан. Русских здесь проживало немного. Тем более, что японские власти выдавали сначала визу на въезд в этот город только на месяц, в течение которого эмигранты должны были найти себе работу. Лишь затем они получали разрешение на постоянное местожительство в Дайрене. После Ханжиных сюда приехали Яковлевы, Большаковы, Геворкянцы, Краконовские и др. Позднее прибыл и атаман Г.М.Семенов со своим окружением.

Михаил Васильевич, чтобы содержать семью, открыл совместно с одним китайским предпринимателем небольшой мыловаренный завод. Знания по химии, которой он увлекся еще в годы учебы, помогли ему в этом деле. Хотя, конечно, Ханжину, как сугубо военному человеку заниматься предпринимательством было нелегко, однако выбора у него не оставалось. Жизнь в эмиграции имела свои правила и законы, которые требовали от людей, оказавшихся на чужбине, безусловного подчинения, независимо от их желаний, чаяний и интересов.

Поначалу дела генерала складывались успешно. Но вскоре на предприятии появился молодой японский инженер. Изучив технологию производства дешевого мыла, он открывает свой большой завод и разоряет М.В.Ханжина⁴⁴.

В 1922 году Михаил Васильевич выехал с семьей в Чаньчунь, где нашел работу служащего на железнодорожной станции. Здесь, по прошествии двух лет, он получает предложение от китайского генерала Чжан Цзолина, сторонника прояпонской политики в Маньчжурии, стать военным советником артиллерийского арсенала в Мукдене. В этом не было ничего удивительного, так как многие русские эмигранты, бывшие военные, несли службу в китайских войсках, где неплохо, кстати, себя зарекомендовали. М.Ханжин ответил согласием, прослужил у китайцев около двух лет, но затем вновь вернулся с семьей в Дайрен. А попытки маньчжурского правителя Чжан Цзолина проявить самостоятельность в отношениях с Японией обошлись ему слишком дорого. Диверсионная группа японской разведки взорвала вагон, в котором ехал Чжан Цзолин.

1928 год. В Китае создается Дальневосточный отдел Российского Общевоинского Союза и его организации появляются в Дайрене, Мукдене, Харбине, Тяньцзине, Шанхае. Это объединение являлось своего рода новой формой существования Белой армии в эмиграции, провозгласившее своей целью свержение Советской власти в России. Штаб-квартира этой наиболее крупной эмигрантской военной организации находилась на улице Келизе в Париже. В разное время Союзом руководили Врангель, Кутепов, Миллер, Абрамов. Дальневосточный отдел РОВС возглавил сначала М.В.Ханжин, а затем, после его ухода в 1931 году "по болезни", генерал М.К.Дитерихс⁴⁵.

Видимо, стремясь быть подальше от политических бурь в эмиграции, Михаил Васильевич в 1932 году снова покидает Дайрен и уезжает в Шанхай, где в течение года работает подрядчиком на строительстве жилых домов. Однако и здесь фортуна ему не улыбнулась. Возвратившись назад в Дайрен, он устроился топографом в Управление Южно-Маньчжурской железной дороги и проработал здесь до сентября 1945 года, пока не был арестован сотрудниками СМЕРШа.

Этот немногословный, крепко сбитый мужчина с умным, пронзительным взглядом и пышными гусарскими усами был одаренным человеком. Любил играть на флейте и пианино. В совершенстве знал французский язык. Уже будучи в эмиграции по самоучителю овладел английским. Являлся попечителем русских военных кладбищ в Дайрене, Киньчжоу и Порт-Артуре. Каждый год, в один из летних дней, вся русская эмигрантская общественность с участием японской администрации устраивала на этих кладбищах День Поминования с церковной панихидой, чаепитием и возложением венков к могилам русских воинов⁴⁶.

Михаил Васильевич слыл очень верующим человеком. Поэтому неудивительно, что его близким другом в эмиграции стал священник Гавриил, который впоследствии, вернувшись на родину, принял сан архиепископа Вологодского и Череповецкого.

М.Ханжина с давних пор считали фаталистом — человеком, верившим в свою судьбу. Этому способствовали многие факты из его биографии. Так в период русско-японской войны он с тремя офицерами-сослуживцами в небольшом деревянном укрытии недалеко от передовой играл в вист. Неожиданно вражеский снаряд попал в помещение. Раздался взрыв. Стол и трех игроков разметало на куски, а Ханжина, не получившего ни одной царапины, лишь слегка придавило к деревянной стенке. Он чудом остался жив⁴⁷.

Единственная православная церковь в Дайрене, где провел многие годы в эмиграции Михаил Васильевич, носила имя святого архангела Михаила. И церковный праздник, 21 ноября, был днем ангела генерала, а также праздником российской артиллерии, покровителем которой являлся архангел Михаил.

Однажды, будучи в служебной командировке в Мукдене, М.В.Ханжин остановился в доме своего боевого товарища, отставного полковника Н.Н.Покровского. Перед сном Михаил Васильевич решил погадать на Библии о будущем. Открыл страницу наугад, он прочел то место, где голос с небес говорит царю Навуходоносору: "Вздну удил в поздри твой и поведу той дорогой, которой ты пришел..."⁴⁸ Когда генерала арестовали, он выглядел спокойным, так как уже знал свою судьбу.

Почти все свободное время Михаил Васильевич проводил с семьей на берегу Желтого моря. К детям был строг, но очень их любил. Всем он дал хорошее воспитание. Со временем они обустроились в эмиграции, обзавелись семьями и жили в относительном достатке. Старшая дочь Агния одно время работала маникюршей в мукденском отеле "Ямато". Вышла замуж. Почти всю эмиграцию жила в доме отца. Сын генерала Алексей стал бухгалтером дайренского филиала влиятельной в Маньчжурии швейцарской фирмы "Бринер и Ко". Из всей семьи он более прочно стоял на ногах, имея собственную двухэтажную дачу и легковой автомобиль. Другой сын Игорь вместе с семьей жил в Шанхае, Гирице, Инькеу, затем тоже переехал в Дайрен. Работал техником на водозаборе, водителем грузовика, инженером-электриком на судостроительном предприятии. Вобщем являлся мастером на все руки. Сыновья помладше, Юрий и Василий, сначала вместе учились в английском колледже в Тяньцзине, а потом первый из них устроился в одну из зарубежных фирм Дайрена, второй же продолжил учебу в университете в Японии⁴⁹.

Сын генерала от первого брака, Михаил, вместе с матерью остался на родине, где работал бухгалтером в одном из финансовых учреждений Самарканда. Другой сын Владимир находился, как и отец, в эмиграции. Проживал с женой в Харбине, будучи проводником на железной дороге. Его мать Платонида Платоновна и брат Михаил до 1935 года вели переписку с ним и неоднократно приглашали вернуться на родину, сообщая при этом, что имеют разрешение от местных властей на въезд. Владимир несколько раз обращался в советское представительство в Харбине за визой, но всегда получал отказ. Вскоре японская полиция его арестовала по обвинению в связях с советским консульством. После четырехмесячного заключения и постоянных

допросов, ничего не добившись от Владимира, японские власти выслали его из Маньчжурии. Он поселился в Шанхае, устроившись служащим в небольшой конторке. В 1935 году, когда Советский Союз передал Китайско-Восточную железную дорогу властям Маньчжоу-Го и многие советские служащие выехали из Китая, переписка Владимира Ханжина с матерью и братом оборвалась. СССР начал стремительно возводить "железный занавес", отгораживая себя от другого мира глухой стеной.

Так складывалась жизнь в эмиграции этой большой семьи. Хотя в материальном плане все они более менее были обеспечены, но ностальгия по Отечеству, по России брала верх. Иногда во время праздников за столом в окружении семьи и старых боевых друзей, Михаил Васильевич Ханжин по-мужски скупо плакал, тоскуя по Родине.

Среди русских эмигрантов, живших в Дайрене и с которыми часто общался Михаил Васильевич, можно назвать его непосредственного начальника по Управлению Южно-Маньчжурской железной дороги И.Г.Гуменюка, одного из состоятельных людей в городе, имевшего очень богатую личную библиотеку; колчаковского полковника Л.Л.Ловцевича, занявшегося в эмиграции пошивом кожаной одежды и сделавшего приличный капитал на этом ремесле; бывшего летчика В.Л.Медведева, ставшего фотографом на чужбине; капеллевого штабс-капитана А.Ф.Киселева, работавшего бухгалтером в солидной фирме, у него на руках не было пальцев - - следствие Сибирского Ледяного похода. Двое из них, И.Г.Гуменюк и А.Ф.Киселев, ушли из жизни, не испытав на себе "карающего меча" Советской власти, а Л.Л.Ловцевич и В.Л.Медведев погибли за колючей проволокой ГУЛАГА⁵⁰.

В культурной жизни Дайрена для его небольшой русской диаспоры яркими событиями стали приезд и выступление со своими концертами Федора Шалапина, Александра Вертинского и хора донских казаков Сергея Жарова. Ханжины старались не пропускать ни единой такой встречи с русскими артистами.

Михаил Васильевич, видимо, стремился в эмиграции вести аполитичный образ жизни. Хотя его деятельность на посту главы Дальневосточного отделения РОВС говорит, что это не всегда ему удавалось. Когда он работал в Шанхае, ему предлагали стать председателем Союза казаков. Ханжин отказался. Он не сотрудничал ни с Русской Фашистской Партией (РФП) во главе с К.В.Родзаевским⁵¹, ни с администрацией Г.М.Семенова. Между генералом от артиллерии и атаманом существовали очень натянутые отношения. Однажды, прочитав автобиографическую книгу

Семенова "О себе: воспоминания, мысли и выводы", Михаил Васильевич сказал: "Веревка по нему плачет"⁵². Его слова оказались пророческими.

Жил Г.М.Семенов в курортном местечке Какагаши, что между Дайреном и Порт-Артуром. Имел здесь два фешенебельных особняка. Но фактически атаман являлся заложником японцев, которые с начала 30-х годов дальше Харбина его не выпускали. Семенов вел в Маньчжурии активную политическую деятельность против коммунизма в России и формировал боевые отряды из эмигрантской молодежи. В один из них был призван и младший сын генерала Василий Ханжин. Он страдал туберкулезом и впоследствии, в сентябре 1945 года, скончался в одной из больниц Харбина.

После смерти генерала В.А.Кислицына, председателя Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, его место предложили занять М.В.Ханжину. Он отказался, еще раз подчеркнув свое нежелание заниматься политикой⁵³.

Известие о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз Михаил Васильевич встретил с негодованием, как и большинство русских эмигрантов, сочувственно относящихся к справедливой борьбе своего народа с фашизмом. Многие из них мечтали вернуться на Родину и с оружием в руках защищать свое Отечество. Однако сталинское руководство в Кремле считало их в большинстве своем такими же врагами, как и гитлеровцев, рвавшихся к Москве.

Лишь после войны в 1946 — 1947 годах Президиум Верховного Совета СССР принял указы о праве предоставления советского гражданства бывшим гражданам Российской империи. Но на активных участников белого движения, среди которых был генерал М.В.Ханжин, они не распространялись. Тем более, что его к этому времени уже арестовали.

После того, как советские войска в августе 1945 года разгромили японскую Квантунскую армию в Маньчжурии, в Дайрене начались аресты среди русских эмигрантов. Арестовали здесь и Г.М.Семенова, под охраной отправили в Москву, где приговорили к смертной казни и повесили⁵⁴.

15 сентября 1945 года взяли Михаила Васильевича. Старого генерала (ему уже исполнилось 74 года) под конвоем отправили в Москву. Там состоялся судебный процесс. В результате он получил 10 лет тюремного заключения на основании статей 58-4, 58-8, 58-11 УК РСФСР⁵⁵. Что же поставили в вину генералу М.Ханжину? Знаменитая 58-я статья в своих 14 пунктах определяла "преступления" против Советского государства, но она

входила в Уголовный Кодекс. Это подтверждало, что советская страна отказывалась признать кого-либо на своей территории преступником политическим, считая его уголовником. Пункт 4-й статьи 58-й приписывал Михаилу Васильевичу "оказание огромной помощи международной буржуазии". Подобное обвинение в Советском Союзе традиционно предъявлялось всем эмигрантам, покинувшим страну до второй мировой войны. 8-й пункт обвинял генерала в "терроре", вероятно, в период гражданской войны и эмиграции, когда он занимал высокие командные посты в Белой армии, исполняя должность военного министра колчаковского правительства и являлся главой РОВС. Наконец, последний 11-й пункт выступал как отягощающее обстоятельство и говорил о том, что М.Ханжин боролся против Советской власти с другими ее врагами, то есть в организации.

Во Владимирской тюрьме для политических заключенных старый генерал провел почти 9 лет. Михаил Васильевич имел здесь возможность писать мемуары, но куда они исчезли (если конечно существовали) пока неясно. Кроме того, во время первой мировой войны М.Ханжин вел дневник, конфискованный при аресте. Местонахождение его также пока неизвестно.

После смерти И.В.Сталина, в 1954 году генерал вышел на свободу. В том же году из сибирского лагеря был освобожден его сын Алексей, обвиненный в шпионаже против СССР и арестованный вместе с отцом.

Дети и внуки М.В.Ханжина с советскими паспортами вернулись на Родину в это же время. Жена генерала, Елена Павловна, скончалась в эмиграции в 1946 году, так и не увидев больше мужа после его ареста.

Выйдя из заключения, М.В.Ханжин поселился сначала в Ташкенте у сына Михаила. Затем жил в Орске у сына Юрия. Последние свои годы он провел в Джамбуле, где когда-то служил и где жили его дети — Алексей и Агния. Михаил Васильевич читал газеты, интересовался жизнью страны, но до конца своих дней не мог понять, что стало с Россией, куда она идет?

Джамбул, небольшой город на юге Казахстана, стал его последним пристанищем в этом мире. 20 декабря 1961 года на 91-м году жизни Михаил Васильевич скончался от инсульта, не приходя в сознание. Смерть его оказалась легкой: он уснул и не проснулся. Похоронили боевого русского генерала на старом Джамбульском кладбище⁵⁶.

Сравнительно недавно на основании закона РСФСР от 18 октября 1991 года "О реабилитации жертв политических репрессий" М.В.Ханжин был реабилитирован⁵⁷.

Так сложилась жизнь этого человека, прошедшего свой тернистый путь от кадета до генерала. Он один из тех, кто преумножал боевую славу нашего Отечества, а в годы революционной смуты боролся за сохранение российской государственности. В его судьбе, судьбе русского офицера, отразилась трагедия целого поколения российской интеллигенции, перемолотого коммунизмом.

Примечания

¹ Автор приносит искреннюю благодарность за помощь и доброе отношение потомкам генерала: Юрию Михайловичу Ханжину, его супруге Евгении Александровне, а также Льву Игоревичу, Иге Игоревичу и Валентине Федоровне Ханжиным.

² Семенов В.Г. Кавалеры ордена Святого Георгия Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1992. Он же. Его ценили Брусилов и Колчак // Оренбургская неделя. 1992. 2 окт. Он же. Знарок российской артиллерии // Оренбургская неделя. 1992. № 48, 49.

³ Водопьянов В.А., Водопьянов В.Г., Водопьянова М.П., Кокарев И.Н. Родословная книга. Род Водопьяновых (1821 - 1993). Спб., 1993. Кн.1. (Машинопись).

⁴ РГВИА. Ф.310. Оп. 1. Д.4034. Л.1 об.-10 об.

⁵ См.: Михайловское артиллерийская академия и училище в годовщину их 75-летия. Спб., 1896. С.3,8 --- 9.

⁶ См.: Михайловское артиллерийская академия и училище накануне их разделения. Спб., 1896. С.54 — 56, 58 — 63.

⁷ РГВИА. Ф.310. Оп.1. Д.79. Л.134,133.

⁸ Там же. Д.78. Л.245об. — 246об; Д.79. Л.87об. — 91.

⁹ Там же. Д.79. Л.82 -- 83 об.

¹⁰ Там же. Ф.400. Оп.12. Д.25167. Л.624.

¹¹ Там же. Ф.1353. Оп.1. Д.1. Л.50об.

¹² Там же. Ф.400. Оп.12. Д.25167. Л.624.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Д.27728. Л.24об.

¹⁵ Там же. Д.25167. Л.624.

¹⁶ См.: Сведения о стрельбе полевой артиллерии. Спб., 1909. Вып.3.

¹⁷ Деятельность Офицерской артиллерийской школы в 1907 году. Спб., 1910. С.33 -- 34.

¹⁸ Сибирский стрелок. (Челябинск). 1919. 26 марта.

¹⁹ Там же.

²⁰ Высочайшие приказы за ноябрь 1915 г. // Библиотека РГВИА. Инв.№ 14812. Л.147.

²¹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С.151 — 152.

²² См.: Высочайшие приказы за июль 1915 г. // Библиотека РГВИА. Инв.№ 14810, Л.468об.

²³ РГВИА: Ф.2135. Оп.1. Д.1. Л2 — 38.

²⁴ Там же. Ф.2093. Оп.1. Д.2. Л.89.

²⁵ Там же. Ф.2011. Оп.1. Д.406. Л.6 — 19.

²⁶ Там же. Л.27 --- 33.

²⁷ Балакиришикова А.М. Воспоминания. Спб., 1993. (Рукопись).

²⁸ Там же.

²⁹ Ильин И.А. Белая идея // Белое дело. Берлин, 1926. Т.1. С.13.

³⁰ ГАРФ. Ф.176. Оп.3. Д.42. Л.442.

³¹ Сибирский стрелок (Челябинск). 1919. 14 марта.

³² Там же. 1919. 27 марта.

³³ Там же. 1919. 26 марта.

³⁴ См.: Сибирский стрелок (Уфа). 1919. 27 апр.

³⁵ См.: Друг армии и народа. 1919. 25 июня.

³⁶ ГАРФ. Ф.176. Оп.14. Д.189. Л.11.

³⁷ Там же. Оп.3. Д.42. Л.389.

³⁸ См.: Правительственный вестник (Омск). 1919. 24 окт.

³⁹ Там же. 1919. 25 окт.

⁴⁰ Там же. 1919. 4 ноября.

⁴¹ ГАРФ. Ф.176. Оп.14. Д.141. Л.1.

⁴² Последние дни колчаковщины. М. — Л., 1926. С.168.

⁴³ Там же. С.162 — 163.

⁴⁴ См.: Семенов В.Г. Знарок российской артиллерии // Оренбургская неделя. 1992. № 48.

⁴⁵ См.: Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С.267.; Шкаренков А.К. Агония белой эмиграции. М., 1987. С.141.

⁴⁶ Устные воспоминания Юрия Михайловича и Евгении Александровны Ханжиных, записанные автором.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Д.А.Волжогонов в книге "Троцкий. Политический портрет" (М., 1992. Т.1. С.249) безосновательно утверждает, что гене-

рал М.В.Ханжин, будучи в эмиграции, “пошел в услужение фашизму”.

⁵² Устные воспоминания Ю.М.Ханжина.

⁵³ Устные воспоминания Юрия Михайловича и Евгении Александровны Ханжиных.

⁵⁴ См.: Правда. 1946. 30 авг.

⁵⁵ Справка о реабилитации М.В.Ханжина от 23.06.92. № 13/3 — 2666 — 92. Прокуратура РФ.

⁵⁶ Балакирщикова А.М.Воспоминания. Спб., 1993. (Рукопись).

⁵⁷ Справка о реабилитации М.В.Ханжина от 23.06.92. № 13/3 — 2666-92. Выдана Прокуратурой РФ.

В.С.Кобзов

ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Проводившиеся в 60-е гг. XIX века в России реформы в области управления обусловили необходимость изменения традиционной системы несения воинской службы, в том числе и казаками Оренбургского казачьего войска. Отбывавшие повинность на основе “Положения об Оренбургском казачьем войске” 1840 г., они числились в строю непрерывно в течение 30 лет и, кроме последнего пятилетия, в любое время могли быть вызваны на полевую службу, сохраняли все необходимое снаряжение. За время нахождения в списках служащих казак в среднем вызывался на службу 5 — 6 раз.

Такие условия отбывания воинской повинности являлись непосильными для подавляющего большинства семей и приводили к почти поголовной нищете в казачьих станицах. Годовые наряды на полевую и кордонную службу зависели исключительно от потребностей государства и неуклонно, как это видно из нижеприведенной таблицы, возрастали¹.

Год	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Урядники	Казак
1825	4	394	383	8900
1837	13	384	594	12671
1847	20	322	1319	23346
1850	30	311	1305	22688

В 1853 г., кроме находившихся по наряду на полевой службе частей, в связи с начавшейся русско-турецкой войной и походом войск генерала В.А.Перовского под Ак-Мечеть на войсковой территории было сформировано и отправлено по назначению несколько дополнительных полков. Тяготы, налагавшиеся военной службой, предопределили развитие в казачьей среде практики замены очереди на линейную или полевую службу, которую в современных исследованиях нередко путают с наймом, официально отмененным еще Павлом I в 1798 г. С этой целью 6 апреля 1858 г. императором Александром II были утверждены правила обмена очередями между казаками при назначении их в полки и команды, выславшиеся из войска по годовому наряду. В соответствии с этим указом в Оренбургском казачьем войске был разработан конкретный механизм его выполнения, обставленный рядом условий: казак, у которого подходила очередь выхода на службу, мог вместо себя нанять желающего за особую плату, но когда выпадала очередь идти в полк последнему, то вместо него выходил наниматель безо всяких дополнительных условий. Обмен очередями закреплялся специальным договором, образец которого был утвержден командиром Отдельного Оренбургского корпуса, имевшим полномочия Войскового атамана². Нанимать разрешалось тех казаков, которые прибыли с последней службы не менее года назад, годных по состоянию здоровья, имевших хорошую репутацию и только внутри одного полкового округа. Полагавшееся нанимателю денежное и иное содержание на время прохождения службы выплачивалось нанимасемому. Наниматель дополнительно брал на себя обязательства по покупке недостающего обмундирования, вооружения, или по обеспечению продовольствием семьи нанятого вместо себя казака на все время нахождения его на службе, или по выплате ему определенной суммой денег. Составленный документ подписывался обеими сторонами в присутствии трех свидетелей и чинов станичной администрации — начальника, станичного судьи и писаря. После этого договор направлялся на утверждение командиру территориального полка и атаману округа. В дополнение к нему станичный начальник писал заключение — своего рода характеристику на нанимающегося казака. “Нанимающийся казак поведения не худого, — отмечалось в одной из них, — под

следствием и в расколе не состоит, здоров, оружие и обмундирование имеет в надлежащем состоянии, фронтную лошадь за наем берет годную к службе, посему отслужить означенную службу может”³. После получения этих документов войсковые власти утверждали договор и он вступал в силу.

Примером такого документа может служить сохранившийся договор, составленный между казаками 11-го полкового округа К.Печенкиным и М.Ярушиным. “1) Первый из нас, Печенкин, долженствующий по очереди, объявленной наряду, выйти в настоящем 1860 году на трехгодичную службу в Пермскую губернию, — отмечается в нем, — нанимает вместо себя на весь срок службы Ярушина за 127 руб. 15 коп. серебром с предоставлением всего довольствия от казны, следующего по роду службы, и, кроме того, снабжает фронтную лошадью, стоящую 28 руб. 50 коп. серебром. 2)...Кроме того, Печенкин... принимает на себя на время отсутствия Ярушина все служебные обязанности его по станице и по последней очереди к выходу на службу должен идти за него на оную. 3)...Наемщик Ярушин... до окончания срока службы не просит льготы”⁴.

В договоре могли оговариваться и другие условия. К примеру, казак Каратабанской станицы Ф.Платонов произвел обмен очередью с казаком В.Климентьевым за 143 р. серебром, строевого коня, и сверх того Платонов принимал на себя обязательство передать семье уходящего вместо него в Сводный полк 5 кадей хлеба, 10 пудов овса и 10 пудов ярицы⁵. Размер вознаграждения зависел от срока службы, удаленности места дислокации части от войсковой территории, количества желающих обменяться очередями и степени благосостояния нанятого. При этом категорически запрещался обмен при мобилизации полков и отправке их в составе действующей армии.

Нередко случалось так, что из семьи по наряду надлежало выйти на длительную службу сразу нескольким казакам и в семье не оставалось ни одного работника, имели место случаи, когда на двухгодичный срок из войска отправлялись казаки, которым до выслуги 25-летнего срока оставался год или меньше или чьи хозяйства пострадали от стихийных бедствий. Во избежание таких случаев приказом начальника 2-го военного округа полковника Ф.О.Шмурло станичной администрации было предписано строжайше следить за составлением очередности выхода на службу и не допускать одновременного выхода в полки нескольких казаков из одной семьи⁶. В случае пожара, смерти жены или детей находившимся на полевой службе казакам по ходатайству общества и станичного начальника могли предос-

тавлять отпуск на 15 дней или, по решению окружного начальника, переводить их на льготу.

Практика обмена очередями в первой половине 60-х гг. XIX века приняла такой размах, что войсковые власти были вынуждены все более ужесточать его условия и не утверждать договоры в случаях повторного обмена, тем более, что эта практика стала противоречить набиравшей силу тенденции к поднятию в боевом отношении казачьих полков до уровня армейской кавалерии. Разрабатывая проект реорганизации казачьей системы несения службы, власти стремились унифицировать сложившуюся в иррегулярных войсках практику в соответствии с имеющимися требованиями к организации вооруженных сил. Кроме того, осуществление этих преобразований, по мнению правительственных кругов, должно было снизить тяготы, налагаемые на казаков военной службой, предоставить им больше времени и возможностей для занятия хозяйственной деятельностью и тем самым ликвидировать резкое несоответствие в социальном статусе представителей войскового сословия с прочими группами населения империи, сложившееся в связи с предоставлением крестьянству прав личной и экономической свободы. С этой целью Александр II в октябре 1866 г. сократил казакам Оренбургского, Астраханского, Уральского, Сибирского и Забайкальского казачьих войск срок обязательной службы — полевой до 15 и внутренней до 7 лет⁷.

Для подготовки проектов реформ в военной области в казачьих войсках, в том числе и Оренбургском, были учреждены специальные местные комитеты, а Управлением иррегулярных войск Военного министерства подготовлено общее направление преобразований. В целом по всему войску империи планировалось содержать в мирное время на службе не более трети личного состава служащих казаков, а остальные, находясь в специальном отпуске — “на льготе”, должны были призываться в полки только в случае особой необходимости. Готовя реформу, власти надеялись, что пересмотр и облегчение условий отбывания воинской повинности приведет к качественным изменениям в уровне боевой подготовки строевых полков и индивидуальной выучки казаков, а не вошедшие в служилый разряд представители войскового сословия получат полную свободу хозяйственной деятельности и займутся развитием промыслов и предпринимательством. Это должно было повысить уровень материального положения казачества и заметно увеличить поступление сборов в войсковые капиталы. На эти деньги казачьи общины могли бы открывать новые школы, лазареты, библиотеки, дома призрения и другие

необходимые заведения, не испрашивая дополнительных средств из государственного бюджета.

В процессе работы местных комитетов на их рассмотрение выносилось немалое количество предложений, которые зачастую противоречили и даже взаимно исключали друг друга. Так, было высказано мнение о необходимости ликвидации войскового сословия вообще и уравнивания его в правах с остальным населением империи, причем сторонников такого подхода оказалось немало и среди казачьей интеллигенции. Однако требовавшие незначительных затрат из бюджета казачьи войска по-прежнему были выгодны государству, и поэтому победила точка зрения сторонников сохранения войскового сословия, стремившихся только упростить традиционную систему несения казачеством военной службы. После согласования в кабинете министров, министерствах внутренних дел и финансов Военный совет представил выработанный проект "Положения о военном составе Оренбургского казачьего войска, сроках службы строевых частей и способах их комплектования" на утверждение Александру II. Этот документ был утвержден и вступил в действие с 1 июля 1867 года.

В соответствии с "Положением" Оренбургское казачье войско должно было иметь штат в 27 тыс. казаков полевой и внутренней службы и содержать конно-артиллерийскую бригаду трехбатареинного состава с двумя комплектами нижних чинов, 9 пеших батальонов и 15 конных полков⁸. Строевые части полагалось комплектовать казаками, достигшими 19-летнего возраста, только путем жеребьевки. Все мужское население разбивалось на два разряда — служилых и неслужилых казаков. Лица, за неимением вакансий в служилом разряде и попавшие в категорию неслужилых, пожизненно освобождались от обязанности нести военную повинность и могли по своему усмотрению выбирать себе род занятий. Они сохраняли за собой право наравне с другими казаками пользоваться земельными наделами и войсковыми угодьями, несли все земские повинности, возлагавшиеся на казачьи общины. За освобождение от военной службы казаки неслужилого разряда в течение 22 лет ежегодно вносили по 4 р. в войсковой капитал и по 56 к. серебром в станичные суммы⁹. Позднее размер ежегодного взноса в Оренбургском войске увеличился и составил 10 р. в войсковой и 56 к. в станичный капиталы¹⁰. Казаки, достигшие к моменту выхода на полевую службу 19 лет, заносились в специальные списки по станицам и тянули жребий, хотя в полк могли выходить и добровольно. Набрал необходимое количество новоставочных казаков, войсковые

власти перечисляли сверхкомплектных на льготу, откуда последние могли быть призваны на следующий год, если к тому времени появлялся недостаток в списках очередного возраста. На полевой службе казаки Оренбургского казачьего войска по "Положению" 1867 г. состояли 15 лет, из которых в полку — не менее 5 лет, после чего перечислялись на внутреннюю службу и находились на ней еще 7 полных лет. Выслужив таким образом 22 года, они увольнялись в отставку и могли полностью заниматься ведением своих хозяйств.

От призыва по жребию освобождались лица, обучавшиеся в высших и средних учебных заведениях, техники, учителя, имевшие соответствующие свидетельства, чиновники и торговцы, платившие гильдейские пошлины. Таким образом, на военной службе в мирное время находилась одна треть казаков и офицеров, сведенных в 2 конно-облегченные артиллерийские батареи, 3 пеших батальона и 5 конных полков. Офицеры служили в первоочередных полках 2,5 года, после чего, как и нижние чины, отпускались на льготу и через определенное время вновь вызывались на 2,5 года в полки. В результате принятой системы в войске постоянно находилось на льготе от 60 до 90 офицеров¹¹.

Во второй половине 60-х гг. XIX века российское правительство наконец смогло приступить к разрешению "восточного вопроса" и повело по отношению к среднеазиатским государствам более жесткую политику, сделав ставку на силовые методы. Наряду с частями регулярных войск в Туркестан, как стали именовать этот регион, были направлены подразделения Оренбургского, Уральского и Астраханского казачьих войск. Оренбургские казаки брали кокандскую крепость Ак-Мечеть, Джулек, штурмовали Андижан, участвовали в Бухарском и Хивинском походах и других кампаниях на среднеазиатском театре военных действий. Однако они посылались в край не в составе полков, как это предусматривалось "Положением" 1867 г., а отдельными сотнями, число которых в разное время колебалось от 8 до 20. Оренбургские казачьи сотни сводились в дивизионы, в состав которых входили уральские или астраханские части, и находились, как правило, под командованием офицеров армейской кавалерии. Они придавались экспедиционным отрядам для несения разведывательной службы, осуществляли связь между различными подразделениями и штабами, охраняли транспорты, а также участвовали в боевых столкновениях с туземной конницей. "Все они были разбросаны по огромному пространству, — отмечал один из войсковых офицеров, — а потому их организация в полки была признана нецелесообразной, так как полагали, что полко-

вые командиры, не имея фактического надзора за сотнями, будут лишь помехою для прямых сношений начальника Туркестанской кавалерии с командирами отдельных частей"¹².

Такое положение сохранялось до начала 70-х гг. и вызывало резкую, но вполне оправданную критику со стороны высших офицеров Оренбургского войска. Распыление казачьих частей вызывало сложности и в комплектовании их молодыми казаками, которые в соответствии с действующим положением должны были находиться в полку не менее 2,5 лет, а фактически состояли в нем около 2 лет (почти 6 месяцев требовалось для замены сотен, добиравшихся к месту дислокации и обратно в войско конным порядком). Казаки, призванные на службу одновременно, также в один день увольнялись на льготу в составе сотни, что вызывало известные сложности: прибывшие в край казаки долго адаптировались к местному климату и незнакомой местности. Порой на льготу в войско уходило сразу по несколько частей (к примеру, в 1868 г. сразу 16 сотен). Ограничение количества войсковых офицеров очень скоро привело к их нехватке, тем более, что в случае одновременного выхода на службу всех частей, предусмотренных штатом, некомплект офицеров составлял около трети от требуемого¹³. Кроме того, вынужденные находиться на льготе иногда по 5 и более лет младшие офицеры теряли полученные ими в боевых условиях навыки и в профессиональном отношении заметно уступали командному составу регулярной кавалерии¹⁴. Поэтому практически до середины 70-х гг. военные власти прикомандировывали к Оренбургскому казачьему войску ежегодно по 4 штаб- и 10 обер-офицеров для замещения строевых должностей и еще 10 армейских офицеров в качестве инструкторов и наблюдающих за обучением казаков в военных округах¹⁵. Один из батальонов Оренбургского казачьего войска был дислоцирован в г.Ташкенте, но вскоре властям пришлось отказаться от этой весьма дорогостоящей затеи: после двухлетней службы чины пеших батальонов распускались на льготу, продолжавшуюся в течение 4 лет¹⁶. И если казаки конных частей отправлялись к месту службы на собственных лошадях, то личный состав пеших батальонов перевозили на специальных транспортах за войсковой счет, что также сокращало фактический срок службы с двух до полутора лет. Кроме того, расходы на смену личного состава обходились войску в 80 тыс. рублей. В условиях самофинансирования войска такие траты были для него непосильными, расходовалась значительная часть военного капитала, что вынуждало правительство отпускать войску крупные единовременные пособия.

Сложившееся положение не удовлетворяло и командование Туркестанского военного округа, которое предложило военному министру рассмотреть вопрос об увеличении срока службы казакам, находившимся в крае, сразу до 5 лет, после чего они могли перечисляться на льготу. Совместно со штабом Оренбургского казачьего войска были выработаны предложения по реорганизации действовавших в Туркестанском округе сотен в отдельные конные полки с тем, чтобы сменить их личный состав поочередно. Предлагалось после выслуги установленного срока отправлять на льготу половину полка во главе с войсковым старшиной (из каждой сотни выделялась полусотня), а на смену ей из войска приходило новое пополнение. После того как пополнение освоится, в войско можно было отправлять другую часть полка во главе с командиром. Штаб полка оставался на месте. При такой схеме в полках сохранялись накопленные боевые традиции, а сама смена личного состава не так ощутимо сказывалась на боеспособности казачьих частей. Это предложение получило полную поддержку в правительственных кругах, и 22 февраля 1873 г. было приказано сформировать из отдельных оренбургских сотен, находившихся в Туркестанском крае, 1,2,3-й и 4-й оренбургские казачьи полки¹⁷. Определялись и места постоянной дислокации полков: 1-й казачий полк четырехсотенного состава должен был находиться в Петро-Александровском укреплении и Аму-Дарьинском округе; 2-й (пятисотенный) — в Казале, фортах № 2 и Перовском; 3-й (пятисотенный) — в укреплениях Чимкенте, Джулксе и в г.Туркестане; 4-й полк являлся сводным — в него входило по 3 сотни от Оренбургского и Уральского казачьих войск. Оренбургские сотни занимали укрепления в Зеравшанском округе, в селениях Каменный Мост, Катты-Курган и Ключевское¹⁸. Вносились предложения и о создании на войсковой территории специальных полковых округов с тем, чтобы на их основе формировать пополнение для находившихся на службе частей, но при этом, в отличие от существовавших прежде, они должны были выступать в качестве не территориально-административных единиц, а строевых частей, находящихся на льготе. В любое время такой полк можно было вызвать на сборное место и в короткие сроки откомандировать по назначению. Вполне справедливо отмечалось, что полки, сформированные из казаков строго определенных станиц, будут крепче спаяны, более боеспособны и лучше подготовлены к выполнению возложенных задач. Считалось, что такой принцип комплектования и содержания частей на льготе способствовал повышению уровня военного "образования" офицеров, вынужденных регулярно заниматься с казаками на специальных сборах

и отрабатывать вместе с ними приемы применения холодного и огнестрельного оружия и действия в составе мелких и крупных подразделений, "давал ход достойным офицерам, обеспечив их материальный быт и заставив дорожить службой в войске"¹⁹.

Войны буржуазной эпохи, особенно франко-прусская 1870 г., наглядно показали необходимость организации вооруженных сил на принципиально иной, чем прежде, основе. Понимали это и в России, где было образовано несколько комиссий по выработке устава всеобщей воинской повинности, призванной прийти на смену тяжкой и малоэффективной рекрутчине. Выработанные комиссией Д.А.Милютина и утвержденные императором 20 декабря 1870 г. "Общие основания" гласили, что "защита Отечества составляет священную обязанность каждого русского гражданина"²⁰. Категорически запрещались практиковавшиеся ранее различные замещения, откупы от службы и жеребьевка. Разработанный комиссией Милютина проект устава о всеобщей воинской повинности 19 января 1873 г. был вынесен на рассмотрение Государственного Совета и разослан для заключения членам кабинета министров. В журнале Особого присутствия, составлявшего этот важный документ, отмечалось: "Едва ли можно сомневаться в том, что существующий у нас порядок отправления воинской повинности, с одной стороны, не соответствует правильной и вполне успешной организации военных сил государства, а с другой — представляется крайне несправедливым вследствие неуравнительного распределения тягостей военной службы между различными слоями его населения. Как то, так и другое объясняется долго господствовавшим у нас взглядом на значение обязательной военной службы. Еще не очень давно служба эта, почти пожизненная и сопряженная с лишениями разного рода, считалась не столько почетным и естественным для каждого подданного служением Отечеству, сколько наказанием за преступления или развратную жизнь. Отдача в солдаты прямо определялась законом наравне со ссылкой в Сибирь и содержанием в арестантских ротах"²¹. 1 января 1874 г., после обсуждения и устранения поступивших замечаний, новый устав был утвержден, что ознаменовало наступление новой эпохи в военном строительстве российской армии.

Проводя реформу в этой области, власти стремились в целях экономии денежных средств сократить численность войск в мирное время, создав при этом эффективную систему подготовки резервных кадров с тем, чтобы в случае войны из находившихся в запасе офицеров и солдат можно было формировать вполне боеспособные части. Введенное же в 1867 г. "Положение о воен-

ном составе Оренбургского казачьего войска, сроках службы строевых частей и способах их комплектования", наоборот, существенно сокращало численность казачьих полков, составлявших основу российской кавалерии, ограничивая ее 27 тысячами человек. В то же время перечисленные в неслужильный разряд казаки, не получив необходимой военной подготовки и соответствующих навыков, не могли быть призваны в армию даже в случае объявления мобилизации. В этой обстановке, особенно после принятия законов, разрешающих на определенных условиях выход из войскового сословия, возникала реальная угроза растворения казачества в остальной массе населения и, в конечном итоге, ликвидации "дешевых" для государства войск. Не ускользнуло от внимания властей и заметное снижение боеспособности казачьих подразделений, выучки поступающих на службу новоставочных казаков. Сложившееся в правительственных кругах мнение по этой проблеме выразил на проходивших в мае 1870 г. торжествах по случаю 300-летия Донского казачьего войска Наследник престола Атаман всех казачьих войск Александр Александрович, заявивший: "Наше общее желание — это чтобы наше славное русское казачество сохранилось и укрепилось на долгое время, на веки веков"²².

Все выявившиеся в период действия прежнего положения недостатки были учтены в принятом 29 апреля 1875 г. Уставе о воинской повинности Донского казачьего войска. "Мужское население Донского казачьего войска, — отмечалось в одной из первых глав Устава, — как издавна призванное всецело к священной обязанности защищать престол и Отечество, подлежит, без различия состояния, воинской повинности"²³. Все прежние сроки и условия ее отбывания отменялись, и служильный состав разделялся на три разряда: 1) приготовительный, в котором казаки получали первоначальную военную подготовку, 2) строевой и 3) запасной. Общий срок нахождения на службе определялся в 20 лет, после чего казаки увольнялись в отставку и могли призываться только в ополчение по особому распоряжению. Казаки строевого разряда делились на находившихся на действительной службе и состоящих на льготе, включавшей 12 возрастов. Закреплялся и прежний принцип приобретения коня, вооружения и снаряжения за счет самих казаков, но при этом предусматривался механизм возмещения понесенного ими ущерба во время военных действий или по другим не зависящим от них причинам²³. Вместе с тем по многим позициям Донское войско заметно отличалось от других иррегулярных формирований империи и принятый для него устав не мог быть механически распространен на остальные

казацки войска. Поэтому в 1876 г. Военному совету было предоставлено право полностью или частично вводить в действие его положения в других казацких войсках. В том же году Устав был рекомендован для Оренбургского войска, а 10 июня 1876 г. Высочайше утверждено специальное "Положение о военной службе казаков Оренбургского войска"²⁴. В отличие от Устава 1875 г., этот документ более конкретно разъяснял порядок и особенности отбывания воинской повинности именно оренбургскими казаками и регламентировал права и обязанности войскового сословия. В первую очередь отменялось действие "Положения" 1867 г. и прекращалось зачисление казаков в разряд неслуживших, отменялось ежегодное причисление к войску офицеров регулярной кавалерии и ликвидировались пещере казацки батальоны, учебная сотня и бригадная школа Оренбургской казацкой конно-артиллерийской бригады²⁵.

Как и в Донском войске, служивый состав Оренбургского разделялся на подготовительный, строевой и запасной, зачисление в которые происходило раз в год — 1 января. Подготовительный разряд предназначался для первоначального обучения казацкой молодежи и подготовки ее к выходу на действительную службу. За время нахождения в этом разряде признанные годными к воинской службе казаки обязаны были приобрести строевого коня, вооружение, амуничные вещи по специальному списку. По достижении 21-летнего возраста они перечислялись в строевой разряд и обязаны были прослужить в первоочередном полку 4 года. При этом, вводя в действие "Положение о военной службе казаков Оренбургского войска", военный министр предоставлял командующему Оренбургским военным округом право первые четыре года действия этого документа задерживать нижних чинов на действительной службе сверх установленного 4-летнего срока, засчитывая им каждый год нахождения на сверхсрочной службе за год состояния в строевом разряде. Такой же возможностью могли воспользоваться казаки и по собственному желанию. В строевом разряде чины войска находились 12 лет, из которых, как уже отмечалось, 4 года — на действительной службе и 8 лет — на льготе в полках 2-й и 3-й очереди. Льготные 2-й очереди обязаны были иметь в полной готовности строевого коня, обмундирование и снаряжение. При переходе в 3-ю очередь им разрешалось коня не иметь, но после соответствующего распоряжения войскового начальства необходимо было завести его в установленные сроки. После перечисления в войсковой запас еще на 5 лет они содержали "в исправности" только седла, ружья, пики и холодное оружие; обмундирование, амуничные вещи и строевых коней приобретали

по приказанию атаманов отделов. Казаки запасного разряда призывались на службу только в военное время, являясь резервом для пополнения частей войска. Отставные в мирное время освобождались от всех обязанностей по военной части, но по объявлении войны могли быть мобилизованы в состав войскового ополчения.

По новому "Положению" Оренбургское казацкое войско обязано было выставять в мирное время 5 конных казацких полков шестисотенного состава (30 сотен), 2 шестиорудийные и 2 четырехорудийные конно-артиллерийские батареи в составе артбригады, а в военное — 17 конных полков, 8 батарей шестиорудийного состава, запасную батарею. При этом каждый военный отдел комплектовал на своей территории в мирное время по 10 сотен, а в военное еще по 4 конных полка²⁵. Основными районами для дислокации оренбургских полков в мирное время назначались Туркестанский и Оренбургский военные округа, куда казаки попадали по жребию. Назначенные в Туркестанский округ до особого приказа об отправке в части временно причислялись к льготным полкам 2-й очереди, а артиллеристы — к запасной батарее, при этом они проходили в батарее учебные сборы и отправлялись в определенную для прохождения службы часть только на втором году пребывания в строевом разряде.

Новым моментом в традиционной системе отбывания воинской повинности являлось и то, что командиры и младшие штаб-офицеры первоочередных полков стали находиться на службе постоянно, а все прочие уходили через 3,5 года на льготу и через такой же срок вновь призывались в свои части. В артиллерийских батареях на постоянной службе находились все без исключения казацкие офицеры. В соответствии с изменившейся ситуацией офицерские вакансии предписывалось замещать выходцами из войскового сословия, и только в исключительных случаях в строевые части могли назначаться армейские офицеры.

"Положение о военной службе казаков Оренбургского войска" просуществовало с незначительными изменениями до начала гражданской войны. Численность и штаты выставившихся войском частей за этот период неоднократно менялись и совершенствовались. В частности, после окончания очередной русско-турецкой войны в составе Оренбургского казацкого войска из дислоцировавшихся в Тургайской области сотен был сформирован 6-й казацкий полк и, начиная с 1879 г., каждый отдел стал формировать на своей территории по два полка, находившихся на службе постоянно²⁶. По указанию Главного управления казацких войск в 1880 г. Оренбургское войско стало выставять в мирное

время 30 сотен в составе 6 полков и в военное дополнительно 12 конных полков шестисотенного состава²⁷. Таким образом, общая численность конных полков с 17 увеличилась до 18. В ноябре 1881 г. изменились условия отбывания повинности казаками, признанными негодными к военной службе: они стали назначаться на должности по внутреннему управлению в пределах станичных юртов. По типу Донского войска из таких казаков были сформированы три местные казачьи команды, размещавшиеся в Оренбурге, Верхнеуральске и Троишке. Средства на их содержание взыскивались с казаков, признанных "неспособными к службе, но способными к труду".

С 1890 г. команды перешли под контроль обер-офицеров управлений атаманов военных отделов, назначавшихся на эти должности из строевых частей²⁸.

В 80-е гг. первоочередные полки Оренбургского казачьего войска были переформированы согласно новым штатам. В апреле 1882 г. приказом военного министра из сотен, принимавших участие в Ахалтекинской экспедиции, был сформирован 5-й полк, а в июле изменилась нумерация остальных первоочередных частей: бывший 4-й полк стал именоваться 1-м Оренбургским казачьим полком, 5-й стал 2-м, 1-й получил название 4-го, 2-й переименован в 5-й казачий полк²⁹. В апреле 1884 г. из 4 сотен, находившихся в Туркестанском военном округе, и сотни 6-го полка власти сформировали новый 3-й, а прежний переименовали в 6-й казачий полк. Оставшиеся на службе в Казанском военном округе три сотни бывшего 6-го полка положили начало 1, 2 и 3-й отдельным Оренбургским казачьим сотням.

В 1886 г. 3-я отдельная сотня была упразднена. Неоднократно подвергались переформированию и артиллерийские части войска. С 1885 г. в мирное время войско должно было содержать на службе 3 конно-артиллерийские батареи, а в военное время 6 батарей. Прежний принцип комплектования артиллерии отменялся, и каждый военный отдел стал выставлять по две батареи. Через три года в структуре войска появились и штабы льготных батарей, а штатные должности в них стали занимать откомандированные из первоочередных батарей штаб- и обер-офицеры. В целях улучшения управления артиллерийскими подразделениями в 1878 г. было утверждено новое положение об Оренбургской конно-артиллерийской бригаде, которая стала выступать не только в качестве строевого подразделения, но и сосредоточивала в себе управление всей артиллерией в казачьем войске³⁰. С этой же целью находившиеся в Казанском округе казачьи батареи сводились в дивизион, а для восполнения убыли в

личном составе с 1892 г. в войске стали формировать 6 запасных конных сотен. В годы мировой войны эти сотни были развернуты в три запасных казачьих полка, находившихся в учебных лагерях под Оренбургом, Верхнеуральском и Троицком.

Изменения в штатах и численности частей войска происходили и в начале XX века. В 1901 г. из 5-й и 6-й сотен 3-го казачьего полка был сформирован отдельный дивизион под командованием полковника А. Сурова, подчиненный начальнику штаба Финляндского военного округа³¹. С этого времени войско должно было выставлять в мирное время 3 полка шестисотенного состава и 3 полка четырехсотенного состава, отдельный конный дивизион, 2 отдельные конные сотни, 3 казачьи артиллерийские батареи и 3 кадра льготных батарей. По мобилизационному плану, в случае объявления войны в состав действующей армии необходимо было выставить 15 шестисотенных и 3 четырехсотенных полка, 2 отдельные и 6 запасных сотен, 6 действующих и 1 запасную артиллерийскую батарею и 3 местные пешие команды. С 1906 г. к этим частям добавилась и 2-я Оренбургская сотня, входившая в состав лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка³².

В соответствии с Уставом о всеобщей воинской повинности и "Положением" 1876 г. изменялась и традиционная система военной подготовки новоставочных казаков Оренбургского казачьего войска. Введенное в начале XIX века по приказу военного губернатора князя Г. С. Волконского обучение казаков по опыту армейских частей не дало желаемых результатов. В 30-е гг. Оренбургский военный губернатор граф П. П. Сухтелен, обеспокоенный снижением уровня боевой подготовки казачьих полков, дал распоряжение войсковым властям организовать первоначальную подготовку к службе непосредственно в станицах по месту жительства. С 1834 г. в кантонах и станицах ежегодно стали проводить смотры, в ходе которых проверялось наличие и сохранность обмундирования, вооружения и полученные казаками навыки владения холодным и огнестрельным оружием. При обучении молодых казаков предписывалось обращать основное внимание на занятия "цельною стрельбой, сначала пешими, а когда получат достаточный навык, собирать верхом и укоренять между ними древние воинские игры"³³. Готовящихся к выходу на полевую службу пять раз в году собирали на сборы в свободное от полевых работ время. Роль инструкторов выполняли отставные урядники и казаки, реже офицеры. Занятия проходили в школьном либо специально нанятом помещении, куда съезжалась молодежь из всех поселков станицы. В ходе таких сборов изучались уставы, различные наставления, отрабатывались

приемы владения шашками и пиками, производилась рубка лозы. Немалое внимание уделялось огневой подготовке, для чего из станичных запасов выдавался порох и свинец из расчета по 5 патронов на каждого обучающегося³⁴. После завершения учебных сборов молодых казаков приводили к присяге в присутствии священника, станичного начальника и полковых офицеров.

После принятия "Положения" 1867 г. качество военной подготовки в станицах резко упало. "Вопрос об уничтожении зимних занятий по станицам казаков приговорительного разряда решен был канцелярским способом, — писал войсковой старшина Л.Н.Доможиров, — всестороннему и специальному обсуждению этот вопрос не подвергался. Было высказано бездоказательных два или три мнения против, а в защиту и того менее. Противники зимних занятий в доказательство своего мнения указывали на незначительность результатов обучения малолетков. Говорили, что малолетки станичным обучением даже портятся и настолько, что в полку необходимо лишнее время на их переучивание, и что, во всяком случае, те теоретические и практические сведения, которые они получали на зимних сборах в станицах, так незначительны, что никоим образом не смогут служить подспорьем для дальнейшего служебного совершенствования казака в полку... Говорили, что служба казаков очень тяжела, дорога, разоряет хозяйство их; время, потраченное на зимние занятия, чистый минус в благосостоянии... Слышались голоса, что казаков заедает военщина и никакого внимания не обращается на их просвещение... непонятно, каким это образом, — продолжал далее автор, — можно считать совершенно безрезультативным обучение малолетков в продолжение двух зим по три недели в каждую. Все отлично видели, что занятия в станице... в силу многих причин, как-то: зимние морозы, бураны, неимение помещений для занятий, недостаток учебных пособий и т.п. — не приносили желаемых результатов, но, чтобы результатов этих совсем не было или они были исключительно отрицательного характера — это могут сказать только люди, совершенно незнакомые с делом"³⁵.

Взгляд на военную подготовку новоставочных казаков резко изменился после утверждения "Положения" 1876 г. Для организации и проведения обучения молодых казаков в войске вводились специальные должности военных инструкторов, а наблюдение за правильностью обучения осуществляли прикомандированные к управлениям атаманов отделов льготные или сверхштатные офицеры³⁶. Кроме того, начальное военное образование предусматривалось и программами поселковых и станичных школ. В "Правилах о порядке управления школами..." учите-

лям прямо указывалось на необходимость организации подготовки казачьей молодежи к предстоящей службе. Поэтому начиная с первого года учебы казачата занимались строевой подготовкой, отработывали навыки уставного обращения, учились фехтовать деревянными шашками и пиками, занимались гимнастикой. "По своему воспитанию казак не имеет ничего общего с мирным селянином, — утверждалось в одной из статей газеты "Оренбургские губернские ведомости". — Казак с малых лет сроднялся с духом молодечества, внимательно слушал рассказы украшенных орденами и медалями отца и деда "о погонях за хищниками в степи или походах с армией" и в детских играх старался превзойти своих сверстников удалью. Казачья станица представляет совершенно иную картину, нежели крестьянские селения, тут часто можно встретить мальчика 12 — 15 лет, нарядившегося в доспехи своего отца и важно идущего со взятой тайком винтовкой, хотя она видимо тяготит его"³⁷. Учащиеся носили казачьего образца чекмени или т.н. "гимнастические рубахи" с погонями, серо-синие шаровары, фуражку с кокардой и деревянную шашку. Они участвовали в ежегодных станичных смотрах и парадах, в составе отдельных "ученических" подразделений встречали приезжавших в станицы представителей власти и почетных гостей. О том значении, какое придавалось военной подготовке в станичных школах, свидетельствует и факт введения специальной должности смотрителя школ при управлении отделими. О необходимости совершенствования военной подготовки в школах писалось немало. "Глубоко все осознают, что воспитание будущего воина и его физическое развитие нужно начинать со школьной скамьи, — отмечал помощник атамана 2-го военного отдела войсковой старшина Д.Е.Серов. — Во многих государствах в этом отношении идет лихорадочная работа... выработаны подробные программы военного воспитания и физического развития детей и они энергично проводятся в жизнь... Поэтому в настоящее время более, чем когда-либо, все эти надежды приходится возлагать на станичные и поселковые школы, теперь более, чем когда-либо, необходимо военное воспитание и образование в казачьих войсках привести в стройную систему, которую и необходимо проводить с непоколебимой настойчивостью, иначе окончательно погибнет в казаках священный огонь — наследие драгоценного боевого прошлого казачества"³⁸. Им же было написано и издано на войсковые средства специальное учебное пособие "В помощь школам и малолеткам казачьих войск", ставшее учебником для нескольких поколений учащихся школ Оренбургского казачьего войска.

Со второй половины 70-х гг. XIX века молодых казаков на последнем году их нахождения в приговорительном разряде и перед выходом на службу в полки и батареи стали призывать на месячные лагерные сборы. С этой целью в каждом из трех военных отделов с 1878 г. стали действовать учебные лагеря. Участок 1-го военного отдела располагался недалеко от Черновского поселка, 2-го отдела — на речке Гумбейке вблизи поселка Остроленского и 3-го — у поселка Карс, на Увельке. Они были оборудованы различными тренажерами, имели капитальные жилые, учебные и вспомогательные помещения, бани, лазареты, часовни и офицерские бараки. Сборы в лагерях проводились по программе, включавшей в себя изучение уставов и отработку практических навыков действий в одиночку и в составе целых подразделений. В связи с тем, что на сборы выделялось всего 29 дней, ритм жизни там был крайне напряженным и нередко казаки его не выдерживали. Вместе с новоставочными лагерные сборы проходили и казаки льготных полков, поэтому начальник лагеря формировал 2 полка — один из молодых, а другой из льготных. В каждый полк зачислялось от 1000 до 1500 казаков, 10 — 12 офицеров и 25 урядников, выполнявших обязанности взводных командиров и инструкторов одновременно.

День в лагере начинался с 5 часов, учеба продолжалась до наступления сумерек. За это время казаки должны были убраться в лагерях, привести в порядок обмундирование, позавтракать и с 7 часов приступить к занятиям. Под руководством урядников они отрабатывали приемы рубки шашками, фланкировали пиками, учились преодолевать сложные препятствия, знакомились с материальной частью винтовок, выполняли учебные стрельбы. В конце сборов качество подготовки молодежи к выходу в полки проверяли атаманы отделов или присылаемые Наказным атаманом офицеры Войскового штаба. Утвердившаяся в войске форма обучения вполне оправдала себя, о чем свидетельствовали многие документы и отзывы начальников строевых подразделений. В частности, командир первоочередного 4-го Оренбургского казачьего полка полковник Ш.А.Кочуров докладывал начальнику Войскового штаба, что прибывшее на смену уволенным на льготу казакам пополнение "подготовлено к службе хорошо и не требует длительного обучения в полковой учебной команде"³⁹.

Как уже отмечалось, помимо новоставочных лагерные сборы проходили и находившиеся на льготе казаки: состоявшие в комплекте полков 2-й очереди — три раза, 3-й очереди — один раз за четыре года льготы. Привлекались на сборы в обязательном

порядке и льготные офицеры, за исключением состоявших по войску.

После завершения лагерных сборов молодые казаки тянули жребий и определяли, кому идти в первоочередные части, т.к. в мирное время штат первоочередных полков и батарей был ограничен. "На действительную, — отмечал исследователь А.И.Кривошеков, — выходило не более половины из всего числа подлежащих призыву, преимущественно не имевшие льгот по образованию или семейному положению. Вторая половина оставалась дома и причислялась к третьей очереди. В течение первых 4 лет, когда их сверстники находились в полках, они ежегодно отбывали месячные лагерные сборы"⁴⁰.

После прохождения сборов молодые казаки еще почти полгода находились по домам и откомандировывались в полки только в январе — феврале следующего года. Ежегодный призыв зависел от реальных потребностей первоочередных частей в личном составе, сведения о вакансиях поступали в Войсковой штаб только к началу сборов в лагерях. После разверстки набора по отделам и станицам атаманы собирали станичную администрацию и проводили сверку очередных списков по каждой станице. Очередные списки назначаемых на службу составлялись поштучно пропорционально численности молодых казаков. При этом учитывалось их семейное положение, имеющиеся льготы и пр. В целом по казачьим войскам империи, по данным на 1911 г., из 3900 тыс. казаков молодежь призывного возраста составляла 31 тыс. человек, или 0,8%. Из них на действительную службу вышло только 19 тыс. человек, или 60%. Из общего числа служилого населения казачьих войск в мирное время в первоочередных полках в среднем находилось 3,51% (в Оренбургском — 2,77%), в военное — 10,42% (Оренбургское выставляло 8,30%) молодых казаков⁴¹.

После прохождения медицинской комиссии и осмотра снаряжения они зачислялись в сменные команды. Для размещения таких команд в войске определялись сборные пункты. К началу XX века для сменных команд 2-го и 6-го полков местом сбора являлась станица Оренбургская, для 1-го и 5-го полков — станица Верхнеуральская, для 3-го и 4-го — поселок Сосновский Челябинской станицы. Сборные пункты для артиллеристов находились отдельно: для 1-й и штаба 4-й батареи — в Оренбурге, для 2-й и штаба 5-й — в Верхнеуральске, для 3-й и штаба 6-й — в Троицке.

Различными устанавливались и сроки отправки сменных команд к месту службы. В части, дислоцировавшиеся на европейской территории империи (1,2 и 3-й конные полки), пополнение

направлялось с таким расчетом, чтобы оно прибыло по месту назначения к 1 марта, а в части, находившиеся в Туркестанском военном округе (4,5 и 6-й полки) — в августе. До начала XX века сменные команды отправлялись к месту службы в конном строю, для этого офицерами штаба составлялись особые маршруты и определялись приемные пункты, а с развитием железнодорожной сети — в эшелонах за войсковой счет. К примеру, зачисленные в сменную команду 2-го Оренбургского казачьего полка, находившегося в г. Варшаве в 1898 г., были собраны и отправлены в часть двумя эшелонами: первый, под командованием сотника Пустоханова, вышел 19 февраля, а второй, сотника Качурина, — 20 февраля⁴². Казаки, прибывавшие на смену уволенным на льготу, сводились в отдельную сотню, где они проходили дополнительную подготовку под руководством вахмистров, после чего распределялись по сотням полка или отправлялись в полковую учебную команду⁴³.

Особенностью казачьих войск было то, что казаки обязаны были за собственный счет приобретать все необходимое для несения службы: холодное и огнестрельное оружие, обмундирование, амуниционные вещи и строевого коня. Эта повинность ложилась на их хозяйства тяжким бременем и поглощала значительную часть материальных и денежных средств. Перечень обязательного снаряжения на протяжении XIX — начала XX века неуклонно возрастал, кроме того, часто предъявлялись категорические требования к масти коней, и порой казак, имевший годного к службе коня, но не установленной масти, вынужден был его продавать и покупать другого, неся при этом незапланированные расходы.

Неоднократно менялись и образцы форменного обмундирования чинов конных полков, артиллерии и служивших в структурах управления казаков и чиновников, вводились или отменялись отдельные предметы, покроя и цвет чекменей, мундиров и шаровар, образцы вооружения.

С принятием в декабре 1840 г. «Положения об Оренбургском казачьем войске» войсковые чины стали носить мундиры и шаровары темно-зеленого сукна со светло-синим приборным сукном и такого же цвета широкими лампасами, кивера, бумажный кушак (офицеры — серебряный, артиллеристы — красный). Приборное сукно, как и погоны у артиллеристов, осталось красным. Вместо разнокалиберных ружей было приказано «заводить» однотипные кремневые ружья образца 1832 г., выпускавшиеся Тульским заводом, а после их переделки — ударные образца 1846 г., по два пистолета и пике. Войску присваивалась и шашка

низших чинов образца 1838 г., изготавливавшаяся на Златоустовской оружейной фабрике. Приобретение оружия уставного образца для основной массы казаков являлось делом нелегким и дорогостоящим. Шашка образца 1838 г. в среднем, без учета транспортных расходов, обходилась им в 2 р. 84 к., ударное оружие Тульского завода — 4 р. 39 к., Ижевского — 4 р. 14 к., пистолеты соответственно 2 р. 70 к. и 2 р. 47 к.⁴⁴

В перечень обязательных предметов снаряжения в 40 — 50-е гг. входило седло с прибором, чемодан, попона, саква, мундир с шароварами, шинель, кивер с чехлом, портупья, кушак, шашка, пистолеты и ружье, стоившие в совокупности 50 — 70, а иногда и до 85 р. серебром, включая сюда и строевого коня⁴⁵. Число обязательных при выходе на полевую службу предметов снаряжения постоянно возрастало и только в период с 1845 по 1848 г. увеличилось с 15 до 23 единиц. В списке дополнительно появились темляк к пике, отвертка, нагрудник, железная пика и т.д. К концу 80-х гг. проблема настолько обострилась, что правительство было вынуждено назначить специальную Сенатскую комиссию, которая в 1855 г. подготовила единый список предметов снаряжения и обмундирования, обязательных для покупки казаками. Местным властям, от станичных до войсковых включительно, запрещалось требовать от казаков покупки непредусмотренных этим перечнем предметов амуниции за свой счет. При этом, по решению Главного управления казачьих войск, допускалось вносить некоторые изменения в этот перечень, но только после всестороннего рассмотрения, консультации и по Высочайшему одобрению. В период с 1885 по 1891 г. такие решения принимались трижды и они касались главным образом унификации отдельных предметов обмундирования и снаряжения. К этому времени в обязательный список входило 33 наименования предметов казачьей амуниции, а их стоимость выросла до 117 р.⁴⁶

Частые изменения в покрое чекменей, замена их мундирами, введение то длинной одежды, то, наоборот, одежды укороченных образцов прямо сказывались на материальном положении казачьих семей. К примеру, в 1845 г. на смену короткому мундиру, заправлявшемуся в шаровары, пришли длиннополые чекмени, и переделка обмундирования по новому образцу, по предварительным расчетам, должна была обойтись каждому не менее чем в 5 р. Начальник штаба Оренбургского казачьего войска полковник Роден циркулярно предписал командирам полковых округов следить, чтобы казаки самостоятельно мундиры не перешивали, а направляли в Оренбург по одному уряднику от каждого полка для изготовления уставных образцов, по которым на местах и следо-

вало перешивать верхнюю одежду⁴⁷. От 9-го полкового округа в столицу войска был командирован урядник Афанасий Печеркин, и после его возвращения по приказу полкового командира в станицах округа начался пошив обмундирования по привезенному образцу. О том, насколько непростым оказалось для казаков это дело, свидетельствуют обнаруженные в фондах архивов документы. К февралю 1846 г. из 3 урядников и 325 служащих казаков Верхнеуельской станицы новые чекмени смогли сшить только 2 урядника и 52 казака, в Еманжелинской — из 162 состоявших на полевой службе чинов новые чекмени “построили” только 10 человек⁴⁸. И только после принятия жестких мер со стороны окружного и полкового начальства положение стало заметно меняться и к апрелю того же года подавляющее большинство строевых чинов смогли обновить обмундирование⁴⁹.

Не меньшую проблему для войскового сословия составляло приобретение оружия, особенно для зачисленных в войско бывших белопахотных солдат, чинов линейных батальонов и государственных крестьян, чьи земли отошли к Оренбургскому казачьему войску. Переведенные в отряды и поселки Новой линии, они оказались с самого начала в тяжелейшем положении, не имея ни средств, ни опыта в покупке казачьей “справы”, поэтому войсковые власти были вынуждены пойти на централизованную закупку необходимой амуниции и оружия на войсковые средства. “По затруднении нижних чинов приобретать обмундирование и амуниционные вещи, — сообщал полковым командирам Наказной атаман генерал-майор граф Н.Е.Цукато, — оные заготовлены по распоряжению войскового начальства через заказ в Москве на сумму 30 тыс. рублей, отчисленных взаимобразно из войскового капитала⁵⁰. В ноябре 1844 г. войсковое правление израсходовало на покупку установленных образцов оружия еще 62429 р. 92 1/4 к. серебром, а приобретенное оружие передавалось казакам на следующих условиях: состоятельные вносили за него плату в полном размере сразу же, казакам среднего достатка оно передавалось в рассрочку на 5, а несостоятельным — на 10 лет с процентами. Но даже в этом случае казаки оказались не в состоянии своевременно внести деньги в счет погашения затраченных средств: по состоянию на 1 октября 1847 г. долг в войсковой капитал составлял 56531 р. 81 1/2 к.

Нередко правительство в целях облегчения положения казаков шло на передачу им вещей и оружия ликвидируемых армейских частей. В частности, снаряжение чинов расформированного 20 марта 1845 г. Уфимского казачьего полка из Чугуева было перевезено в Оренбург и затем передано казакам, прожи-

вавшим на территории Новолинейного района. При этом понесенные Войсковым правлением транспортные расходы в сумме 3390 р. 39 1/4 к. серебром были возложены на лиц, получивших это снаряжение и оружие. К 1 октября 1847 г. из суммы долга в военный капитал ими не было внесено ни одной копейки⁵¹.

В случае неспособности казака приобрести необходимое для службы снаряжение в установленные начальством сроки ему могли выдать ссуду из сумм станичного военного капитала, образованного из взносов казаков специально для этих целей. Для выяснения причин, не позволивших вовремя купить недостающее снаряжение, сход (с 1891 г. станичный сбор) создавал представительную комиссию, которая разбиралась в сложившейся ситуации, и по ее выводам сход принимал необходимое решение, конкретно оговаривая, на какие цели выдается ссуда. После возвращения казака со службы он обязан был возратить отпущенные ему средства с процентами, размер которых устанавливало Войсковое хозяйственное правление. Если он не мог возратить долг, то к должнику могли применяться принудительные меры вплоть до отдачи его в работники к состоятельным станичникам, а полагающуюся плату работодатель вносил в станичное правление до полного погашения ссуды. Для приобретения “справы” станичное правление имело право продавать часть имущества, скота или собранного урожая несостоятельного казака, но только в том случае, если это не обостряло материальное положение его семьи. “Но если по рассмотрении общества выяснится, что служилый казак не исправился для службы в назначенный срок по причине той, что отец или мать, при которых он живет неотдельно, не дают к тому способов, — отмечалось в одной из инструкций станичным обществам, — либо отделили его от семейства не далее одного года от наряда на службу без награждения соразмерно их состоянию, а он по новости не имеет ни времени, ни возможности исправиться, тогда станичное общество, по приговору своему, убеждает отца или мать к исправлению его для службы или к выделу части из имения, общими трудами нажитого”⁵².

Положение с “постройкой справы” осложнялось и ростом цен на расходные материалы. К примеру, если в 40-е гг. аршин (70 см) синего приборного сукна стоил в среднем 80 к., то в начале XX века его стоимость возросла до 3 р. 40 к. Все необходимое обмундирование оренбургские казаки заказывали у частных портных или в индивидуальном порядке в пошивочных мастерских, поэтому фактическая стоимость полного комплекта в разных станицах и по военным отделам заметно отличалась.

Не всегда приобретенное обмундирование соответствовало уставным образцам, и тогда казакам приходилось либо его перешивать, либо обращаться к услугам другого мастера. Стремясь облегчить покупку униформы, снизить затраты на нее, а также в целях контроля за своевременностью приобретения необходимого снаряжения станичные власти делали заказ на покупку формы сразу для всех готовящихся к выходу на службу казаков пригласительного разряда. В таком случае через газеты заблаговременно объявлялись торги на пошив обмундирования и в станицу в назначенное время съезжались владельцы швейных мастерских, портные или шорники. На конкурсной основе они боролись за право получения всего подряда, сбивая друг у друга расценки. В конечном итоге заключался договор, в котором оговаривались цены, сроки изготовления заказа и поставки материала. Портные могли шить и из материала, приобретенного помимо войсковых структур, но нередко сукно поставлял заказчик в лице станичного правления. Так, на состоявшихся 16 марта 1912 г. торгах в станице Долгодеревенской подряд на изготовление обмундирования первоначально был отдан челябинскому мещанину М.А.Лейнеру. Он обязывался изготовить предметы обмундирования по следующим ценам: мундир парадный — по 5 р., повседневный — по 6 р., шинель уставного образца — по 3 р. 50 к., “гимнастические” рубахи — по 1 р. 65 к., фуражки — по 90 к. за штуку. За полный комплект форменного обмундирования, пошитого из материала исполнителя, станичное правление должно было заплатить ему по 25 р. на каждого казака⁵³. Однако атаман 3-го военного отдела генерал-майор И.И.Угличинин этот договор не утвердил, и тогда подряд взял троичанин М.Арапов, просивший за парадный мундир по 3, за повседневный — по 5 р., причем в среднем пошив каждого предмета обмундирования у Арапова обходился казакам на 30 — 40 к. дешевле, чем у предыдущего портного, и полный комплект стоил 20 р.⁵⁴

Понимая, какие тяготы представляет для казака подготовка к службе, правительство стремилось хотя бы частично их облегчить — казакам из армейских arsenалов отпускались кавалерийские сабли и после соответствующей переделки на Златоустовской оружейной фабрике они передавались в войско, а затем распределялись среди казаков. В 1866 г. Военное министерство определило и порядок продажи оружия войсковым чинам — с этого времени оно стало им отпускаться за 2/3 стоимости, а оставшуюся часть денежных средств покрывали из сумм войскового военного капитала⁵⁵. После перевооружения в 1898 — 1901 гг. казачьих войск винтовками системы Мосина они стали

выдаваться казакам за государственный счет. Было признано целесообразным выплачивать казакам из казенных сумм первоначально 50-, а затем 100-рублевого пособия на приобретение строевого коня. Тем не менее эта обязанность по-прежнему оставалась тяжелым бременем для бюджета казачьих семей, а постоянный рост цен сводил на нет все попытки облегчить их положение. К началу мировой войны стоимость полного комплекта снаряжения, включая строевого коня, возросла до 200 — 250 р. Собрать такую сумму за короткое время для большинства членов казачьей общины не представлялось возможным, тем более, что на службу из семьи одновременно или с коротким интервалом могло выходить по 2 — 3 человека. Поэтому покупка амуниционных вещей начиналась загодя и проходила под контролем станичных властей. Для хранения имущества и снаряжения конных полков и казаков пригласительного разряда в 1902 г. в каждом военном отделе были созданы специальные войсковые склады и открыты шорно-седельные мастерские в Оренбурге, а затем в Троишке. К началу XX века в Оренбургском казачьем войске выработалась система почастичного взноса средств на покупку снаряжения для казаков пригласительного разряда. До достижения сыном 16-летнего возраста родители вносили за него в специальный капитал по 15 р., на следующий год — еще 20, а во время нахождения его в списках младшего и среднего возрастов пригласительного разряда — по 25 р. ежегодно. После перевода его в списки старшего возраста в капитал вносились остальные 15 р. Общая сумма, необходимая для покупки форменного обмундирования и снаряжения, таким образом, составляла в среднем 100 р., а с учетом пособия от государства на момент приобретения “справы” накапливалось уже 200 р. По состоянию на 1902 г. такие “обмундировочные” капиталы по войску выражались в сумме 403800 р.⁵⁶ При этом реальные расходы на эти цели по отделам были неравнозначными. Если в среднем они составляли 165 р. (96 р. — на обмундирование и снаряжение, 69 р. — на коня), то по станицам, в зависимости от их удаления от местонахождения управления отделами, они колебались от 155 до 182 р. Самая низкая стоимость всей “справы”, включая коня, в начале века была зафиксирована в станице Великопетровской (2-й военный отдел) — 125 р., в самая высокая — в станице Ключевской (3-й военный отдел) — 197 р.⁵⁷ Существовал большой разброс в ценах на лошадей, они особенно возрастали в дни работы так называемых браковочных комиссий на сборных пунктах. При выявлении каких-либо оговоренных инструкцией недостатков выходящий на службу казак обязан был купить нового коня в трехдневный срок.

Этим пользовались владельцы конских табунов и частных конезаводов, взвинчивая в такие периоды цены на 15—20% выше обычного. Браковались строевые кони, владельцы которых использовали их в домашнем хозяйстве — запрягали в телегу или сельхозорудия, применяли на полевых работах в уборочную страду. За этим очень строго следила станичная администрация, поэтому летом строевые лошади находились в специальных станичных табунах под присмотром табунщиков, нанимавшихся на сборе. Кроме того, при управлениях атаманов военных отделов существовала и должность смотрителя конских табунов, замещающаяся офицерами, откомандированными из состава первоочередных полков. Все остальное время строевой конь находился в хозяйстве, не принося ему никакой пользы, но требуя особого ухода за собой и питания.

Стоимость строевого коня напрямую зависела от развития коневодства по отделам войска и составляла в начале XX века 77 р. в первом, 66 р. во втором и 62 р. в третьем военном отделе. Эти цифры являются усредненными, а в реальности цены были заметно выше: если в ноябре 1901 г. в станице Звериноголовской лошадь стоила 50 р., то казаки станицы Буранной вынуждены были платить по 93 р.⁵⁸ В то же время в соответствии с "Положением" 1876 г. казакам, потерявшим строевых коней в результате военных действий или во время службы в сложных условиях Туркестанского края, предусматривалась выплата компенсации: офицерам и военным чиновникам — по 80, а нижним чинам — по 43 р. В случае гибели казака эти деньги выплачивались его семье.

В начале XX века стоимость вооружения и снаряжения продолжала возрастать. К примеру, если в 40-е гг. XIX века пашка обходилась казаку в 2 р. 81 к., то в 1901 г. шашка образца 1881 г. с португеей продавалась уже по 8 р.⁵⁹ Стоимость казачьего седла с полным прибором колебалась от 40 до 48 р. "Данные статистики показывают, — писал в 1901 г. штаб-офицер по особым поручениям при Наказном атамане подьесаул Д.Е.Серов, — что тяжесть военной службы оренбургского казака в настоящее время в 12 раз больше таковой же у прочих сословий империи, а земельные преимущества, за которые он несет эти повинности, далеко не соответствуют этой тяжести, ибо не покрывают даже расходов на одно его снаряжение. Если в настоящее время неспособен собраться на службу без помощи общественных сумм и раскладок казаку одинокому, то что сказать про те семьи, где служащих казаков 2 — 3, а то и 4... этой-то бедноте и необходимо прийти на помощь, т.к. в противном случае казаки могут быть

доведены до невозможности отбывать лежащую на них службу на тех основаниях, на коих они ее несут теперь"⁶⁰.

В начале мировой войны количество обязательных для приобретения предметов казачьего снаряжения возросло до 42, а их стоимость — до 170 р. (при этом пика и казачий карабин выдавались в войсковых складах за счет казны). Стоимость амуниционных вещей и предметов снаряжения в связи с объявленной мобилизацией резко возросла и составила: мундир парадный черный — 8 р. 75 к., "гимнастические" рубахи — 3 р., шашка без португеи — 8 р. 11 к., португея для холодного оружия — 1 р., седло с полным прибором — 52 р.⁶¹ Цена строевой лошади в среднем поднялась до 150 р., а общие расходы — до 250—300 р.

С целью изменения сложившегося положения представителями войскового сословия использовались все возможные средства, включая и думскую трибуну. На одном из заседаний Государственной Думы депутат от Донского казачьего войска М.И.Кириянов предложил ликвидировать подготовительный разряд, сократить или вообще отменить летние лагерные сборы, которые, по его мнению, "пагубно сказываются на сельском хозяйстве"⁶². Кириянов и поддержавшие его проект фракции умеренных и социалистов выступили за освобождение от обязательной военной службы единственных в семье сыновей, предоставление трехлетней отсрочки переселенцам из густонаселенных станиц, выплату субсидий из казны на покупку казаками форменного обмундирования и снаряжения. Однако правительство на такие шаги не пошло и проект был заблокирован, а сама Дума вскоре оказалась распушенной.

Примечания

¹ ГАОО. Ф.И.-6. Оп.11. Д.2056. Л.28 об.; См. также: Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып.11. Оренбург, 1913. С.41; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в.: (Военно-экономический потенциал). М., 1973. С.33.

² ГАЧО. Ф.И.-10. Оп.1. Д.136. Л.48.

³ Там же. Д.119. Л.4.

⁴ Там же. Л.4об.

⁵ Там же. Ф.И.-30. Оп.1. Д.20. Л.1 — 2об.

⁶ Там же. Д.3. Л.32.

⁷ Там же. Д.87. Л.6.

⁸ См.: Приказы по военному ведомству. 1867. № 260.

- ⁹ См.: Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная Советником Войскового хозяйственного правления полковником П.И.Авдеевым. Оренбург, 1904. С.99.
- ¹⁰ См.: Хоршихин М. Казачьи войска. Спб., 1884. С.249.
- ¹¹ См.: Оренбургское казачье войско // Военный сборник. 1874. № 6. С.255.
- ¹² Там же. С.268.
- ¹³ ЦГИА РБ. Ф.И-2. Оп.9736. Л.6.
- ¹⁴ См.: Приказы по Оренбургскому казачьему войску. 1871. № 14.
- ¹⁵ См.: Свод военных постановлений. Ч.1, кн.11. Спб., 1868. № 4901, 49994.
- ¹⁶ См.: Записки генерал-майора И.В.Чернова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып.18. Оренбург, 1907. С.152.
- ¹⁷ См.: Приказы по военному ведомству. 1873. № 353.
- ¹⁸ См.: Оренбургское казачье войско // Военный сборник. 1874. № 6. С.272.
- ¹⁹ Там же. № 5. С.103.
- ²⁰ Джаншиев Г. Эпоха Великих реформ. М., 1898. С.544.
- ²¹ Там же. С.541.
- ²² Цит. по: Гордеев А.А. История казаков со времени царствования Петра Великого до начала мировой войны 1914 года. М., 1992. С.312.
- ²³ Свод Законов Российской империи. Т.4, кн.1. С.75 — 83.
- ²⁴ См.: Приказы по военному ведомству. 1876. № 210.
- ²⁵ См.: 2 ПСЗ. Т.51. № 56187.
- ²⁶ См.: Приказы по военному ведомству. 1879. № 207.
- ²⁷ См.: Столетие военного министерства. 1802 — 1902. Т.ХI, ч.3. Спб., 1907. С.358.
- ²⁸ См.: Приказы по Оренбургскому казачьему войску. 1881. № 316.
- ²⁹ См.: Приказы по военному ведомству. 1882. № 260.
- ³⁰ 2 ПСЗ. Т.53. № 58983.
- ³¹ См.: Об учреждении управления Оренбургского казачьего дивизиона // Оренбургская газета. 1901. 2 мая.
- ³² Приказы по военному ведомству. 1906. № 423.
- ³³ Материалы по историко-статистическому описанию... Вып.10. Оренбург, 1910. С.271.
- ³⁴ ГАЧО. Ф.И-31. Оп.1. Д.6. Л.50 — 51.
- ³⁵ Доможиров Л.Н. Казачьи вопросы // Военный сборник. 1900. С.35.
- ³⁶ ГАОО. Ф.И-185. Оп.1. Д.9. Л.6.

- ³⁷ Оренбургские губернские ведомости. 1863. 25 мая.
- ³⁸ Военный сборник. 1909. № 2. С.45.
- ³⁹ ГАОО. Ф.И-185. Оп.1. Д.69. Л.31.
- ⁴⁰ Кривошеков А.И. Обряды и традиции оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 2. С.45.
- ⁴¹ См.: Комплектование и устройство вооруженных сил / Сост. А.Редигер. Ч.1,2. Спб., 1913 — 1914. С.191.
- ⁴² См.: Сборы молодых казаков на службу // Оренбургская газета. 1899. 17 февр.
- ⁴³ См.: Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Во славу государства Российского: Начальное образование и военная подготовка в Оренбургском казачьем войске. Челябинск, 1994. С.108.
- ⁴⁴ ГАОО. Ф.И-99. Оп.1. Д.15. Л.36.
- ⁴⁵ ГАЧО. Ф.И-99. Оп.1. Д.36. Л.60.
- ⁴⁶ См.: Оренбургская газета. 1899. 1 февр.
- ⁴⁷ ГАЧО. Ф.И-99. Оп.1. Д.14. Л.3.
- ⁴⁸ Там же. Л.35 — 36.
- ⁴⁹ Там же. Д.54. Л.2 — 2об.
- ⁵⁰ Там же. Д.36. Л.43 — 43об.
- ⁵¹ ЦГИА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.5857. Л.7об.
- ⁵² ГАЧО. Ф.И-10. Оп.1. Д.9. Л.21.
- ⁵³ Там же. Ф.И-7. Оп.1. Д.77. Л.27.
- ⁵⁴ Там же. Л.102.
- ⁵⁵ См.: Историческая записка об Оренбургском казачьем войске... С.98.
- ⁵⁶ См.: Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербова-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. Спб., 1902. С.27.
- ⁵⁷ Там же. С.92.
- ⁵⁸ См.: Оренбургская газета. 1902. 16 июня.
- ⁵⁹ См.: Там же. 1899. 1 февр.
- ⁶⁰ Серов Д.Е. Оренбургский казак, его экономическое положение и служба: (Очерк современного быта оренбургских казаков) // Оренбургская газета. 1901. 1 мая.
- ⁶¹ См.: Кривошеков А.И. Указ. соч. С.227.
- ⁶² Оренбургская газета. 1908. 29 февр.

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К началу XX века Оренбургское войско по численности населения и количеству выставляемых в военное время частей являлось третьим среди 12 казачьих войск Российской империи. Его военно-административная структура и управление неоднократно реорганизовывались и приспосабливались к меняющейся политической обстановке. Наиболее важные реформы были проведены в 60 — 70-е гг. XIX века, в результате которых войско получило окончательное структурное оформление, а его управление — логическую завершенность.

Управление Оренбургского казачьего войска разделялось на военное и гражданское во главе с Наказным атаманом, одновременно являющимся и Оренбургским губернатором. Военное управление осуществлялось через Войсковой штаб и управления атаманов военных отделов, имевших соответствующий штат. Управление гражданских дел сосредоточивалось в специальном учреждении — Войсковом хозяйственном правлении, состоявшем из нескольких отделений. Председателем правления являлся Наказной атаман, а непосредственное руководство им осуществлял Старший член Войскового хозяйственного правления. При этом в гражданском отношении войсковые учреждения полностью подчинялись общегубернским органам, судебным и полицейским властям. Низовым звеном системы войскового управления являлось станичное и поселковое. Оно состояло из сбора, станичного или поселкового правления и станичного суда. Законодательной основой функционирования войскового управления являлось “Учреждение гражданского управления Оренбургского казачьего войска”, “Положение об общественном управлении станиц у казачьих войск”. Отбывание воинской повинности и разрешение всех связанных с ней вопросов регламентировалось принятым в 1876 г. “Положением о военной службе Оренбургского войска” и рядом других законодательных актов.

С принятием в мае 1891 г. “Положения об общественном управлении станиц казачьих войск” на смену прежним сходам, состоявшим из всех без исключения казаков-домохозяев, проживавших на территории казачьей общины, пришли станичные

сборы, или собрания доверенных лиц, избравшихся от каждых 10 дворов сроком на один год. Для проведения выборов станичное правление разбивало поселения на равные участки, а представители управлений военных отделов контролировали процедуру выдвижения кандидатов и порядок прохождения самих выборов. В состав сборов входило обычно от 30 до 100 человек, в том числе и представители от проживавшего на казачьей территории иногороднего населения. Традиционно сборы работали по воскресеньям и выходным дням, и участие в них избранных представителей было обязательным¹. В компетенцию сборов входили практически все без исключения текущие вопросы деятельности казачьих общин, в том числе и избрание станичной и поселковой администрации. Сборы избирали станичных атаманов, судей, казначей, утверждали в должности писарей, табунщиков, коновалов, квартальных. Существовало и правило, по которому лица, выдвинутые в состав станичного правления или на выборные должности “по общественному управлению”, не имели права отказываться от предложенных обязанностей. В состав местной администрации не избирались казаки, бывшие под судом или отбывавшие наказание по суду, лишенные права участвовать в сборах, содержатели трактиров и питейных заведений, а также больные. Существовали и определенные возрастные ограничения, в первую очередь для кандидатов на должности станичных и поселковых атаманов, а также почетных судей. На первую не могли выдвигаться казаки моложе 33 лет, а на вторую — 45 лет, но такие ограничения не распространялись на офицеров и военных чиновников, имевших классные чины. В конечном итоге, введя довольно многочисленные ограничения, власти сумели превратить местное управление в послушный подконтрольный орган, в деятельности которого определяющую роль стали играть должностные лица. Как показывает анализ персонального состава станичных сборов, большинство в них составляли урядники, казаки старших возрастов, зажиточные домохозяева и проживавшие в станицах отставные офицеры и чиновники. Именно они стали опорой власти, определяли характер принимаемых решений, оказывая давление на радикально настроенную часть станичных обществ.

Контроль за работой станичного звена управления возлагался на атаманов военных отделов, которые лично раз в год объезжали подведомственные им округа, проверяли ведение документации, состояние станичных капиталов, выполнение распоряжений вышестоящих органов.

По "Положению" 1891 г. в систему станичного управления кроме сбора входили станичный атаман, станичное правление и станичный суд. Станичному атаману предоставлялись обширные права, и в экстренных случаях он мог принимать необходимые решения без предварительного рассмотрения на сборе. На него возлагалась ответственность за "сохранение порядка, спокойствия и благочиния в пределах общего станичного юрта", ему подчинялись все проживавшие на подведомственной территории войсковые жители, включая иногородних.

Атаманы объявляли жителям станиц распоряжения вышестоящей власти, следили за соблюдением чистоты на улицах, пресекали распространение ложных слухов, а также исполняли некоторые функции сельской полиции.

В состав станичных правлений входили: атаман, его помощник, казначей и 2 — 4 доверенных от населения. В ведение этих правлений входило исполнение приговоров сборов, проверка использования станичных капиталов, составление возрастных и очередных списков и пр. Решения на заседаниях правления принимались простым большинством голосов, при этом, в случае их равенства, голос атамана был решающим. Делопроизводство разделялось на военное и гражданское и возлагалось на писарей.

Важное место в деятельности казачьих общин занимал станичный суд, состоявший из двух инстанций: суда станичных судей и суда почетных судей. Суд станичных судей избирался во всех станицах, а почетных судей — один на все станицы по особому расписанию войсковых властей. В состав первого входило от 4 до 12 человек, а второго — по 3 — 6 судей от каждой станицы из числа наиболее уважаемых и заслуженных казаков, урядников и офицеров. Станичные суды разбирали маловажные дела и тяжбы, оценивавшиеся на сумму не более 100 рублей; в случаях, если нанесенный казаку ущерб превышал установленный размер, то дела передавались на рассмотрение общих судебных органов. Суд почетных судей, являясь апелляционным, рассматривал повторные жалобы и дела, связанные с взаимными претензиями казаков разных станиц.

Сложившаяся к началу XX века система управления Оренбургским казачьим войском не была совершенной. Как отмечал один из офицеров управления, войсковой старшина Д.Е.Серов, в первые годы действия положения благодаря контролю атаманов военных отделов станичными атаманами избирались действительно лучшие представители войскового сословия. Однако в последующем на этот пост все чаще стали попадать заурядные личности. "Иногда некоторые общества избирали на

должности станичных атаманов людей, заведомо бесхарактерных и слабых, — писал он. — Выбирая такого атамана, общество преследовало свои личные интересы — "хоть не больно теснить будет", забывая, что слабость — еще не достоинство"². Ввиду важности и сложности обязанностей, возлагавшихся на станичное звено управления, он предлагал считать службу по управлению наравне с действительной в полках, причем денежное содержание состоявшим на ней следовало устанавливать наравне со строевыми офицерами и выплачивать его не из станичных сумм, а через управления военных отделов. Вносились предложения и о введении в штат управлений отделами специальной должности помощника атамана по военной части, старшего и младшего адъютантов по хозяйственным вопросам, об увеличении количества делопроизводителей. В целях более эффективного контроля и оказания своевременной помощи станичным управлениям планировалось разбить территорию каждого военного отдела на участки по 5 — 6 станиц в каждом и для руководства ими ввести специальные должности участковых начальников "для заведования станицами в хозяйственном отношении"³.

В открывшейся по этому поводу дискуссии в печати было высказано немало трезвых и взвешенных предложений. Внимание войсковых властей и правительства обращалось, в частности, на материальное и правовое положение служивших в управлениях военных отделов войсковых офицеров. Они и причисленные на время из строевых полков льготные офицеры продвигались по служебной лестнице медленнее своих сверстников, находившихся в первоочередных полках. Обходили их и наградами. По устоявшейся схеме на получение очередного ордена за выслугу мог рассчитывать в Оренбургском казачьем войске только каждый двадцатый из служивших в структурах управления офицеров, в то время как в Кубанском войске очередные награды получал каждый шестой. Как правило, очередные награды за выслугу в чинах получали только атаманы военных отделов и штаб-офицеры высшего звена войскового управления — Войскового штаба, Войскового хозяйственного правления и т.д. К примеру, в 1893 — 1898 гг. из 12 станичных атаманов 3-го военного отдела (Троицкий и Челябинский уезды) "за отличное усердие к службе, аккуратное исполнение требований начальства, распорядительность и успешное взыскание долгов" орденом св.Станислава 3-й степени (низшая офицерская награда) был награжден один только атаман Козельской станицы сотник Х.Т.Расторгуев⁴.

Большая часть из внесенных в ходе дискуссии предложений не была услышана правительственными кругами, бросив-

шими все силы на борьбу с нарастающим революционным движением. В этих условиях власти даже не допускали мысли о том, что в предстоящих столкновениях казачество может оказаться ненадежной опорой самодержавия. Николай II и его ближайшее окружение не осознавали трагизма складывающейся обстановки, особенно на окраинах империи, и не хотели идти на изменение существовавшего положения в казачьих войсках. Тем временем в казачьих областях назревало резкое противостояние не только между представителями войскового сословия и иногородними, но и внутри самих казачьих общин. Все более возрастающее недовольство казачества вызывало ежегодное уменьшение реальных земельных наделов и рост расходов на приобретение воинского снаряжения, расширение офицерского землевладения, сохранение сословных ограничений и запрещение свободного перемещения внутри войсковой территории. Правительство оценивало степень надежности казачьих войск с позиций прошлого века, когда они с лучшей стороны зарекомендовали себя во многочисленных кампаниях и походах, а также при подавлении антироссийских выступлений в Польше. Польские восстания 1830 и 1863 гг. и национальное движение в Венгрии 1848 г. жестоко подавлялись этими войсками; ибо они воспринимались под воздействием официальной пропаганды как направленные на подрыв российской государственности. К началу XX века в сознании войскового сословия стали происходить глубокие изменения, обусловленные небывалыми прежде темпами распространения грамотности и привнесением иногородним населением прежде неизвестных казачеству идей и критического настроения к власти вообще, заставлявших задуматься о своем положении и многих казаков. В первую очередь в среде войсковой интеллигенции, а затем и рядового казачества все чаще стали раздаваться голоса о необходимости ликвидации консервативной общины и передачи земли в частную собственность жителям войскового сословия. В такой обстановке использовать казачьи части можно было только для осуществления боевых задач, но не для полицейской службы внутри империи. В сознании основной массы казачества рабочие не были врагами, против которых необходимо было применять силу, поэтому использование казачьих подразделений внутри страны явилось одним из наиболее крупных просчетов властей. Позиция, занятая казачеством в событиях 1905 г., в конечном итоге заставила правительственные круги обратить внимание на положение войскового сословия.

К началу века в Оренбургском казачьем войске сложилась крайне напряженная ситуация: тяготы отбывания воинской

повинности в 12 раз превышали аналогичную повинность у крестьян и в 3 раза — у казаков других войск, при этом получаемые за службу земельные наделы постоянно сокращались, а доходы от них не покрывали расходов на покупку снаряжения, обмундирования и строевых лошадей. В частности, об этом с нескрываемой тревогой сообщал в личном докладе императору инспектировавший в 1902 г. Оренбургское войско начальник Главного управления казачьих войск генерал-лейтенант Щербов-Нефедович, считавший необходимым «для поддержки благосостояния казачьих хозяйств оказание денежного вспомоществования командируемым на службу казакам»⁵. На рубеже веков усилился процесс обеднения казачества, в станицах стали появляться признаки социального расслоения. Часть войскового сословия в целях получения средств на покупку воинского снаряжения стала в возрастающих объемах сдавать землю в аренду иногородним и мещанам близлежащих городов, хотя арендная плата за одну десятину не превышала 1 р.70 к. в год⁶.

Дискуссия о путях облегчения положения войскового сословия была прервана внезапно начавшейся войной с Японией. Казачество в условиях войны на время забыло о своих проблемах, и мобилизация льготных полков проходила в обстановке высокого патриотического подъема. Об этом ярко свидетельствуют многочисленные документы и письма казаков с Дальнего Востока. «Не мог я дожидаться того дня, — вспоминал мобилизованный казак Лейпцигского поселка Михайловской станицы В.Е.Плешков, — сердце мое не терпит — охота ехать на войну. Когда пришла бумага всех в поход — я думаю, вот приеду, доеду до япошки и оторву ему ножки»⁷. Для участия в военных действиях на Дальнем Востоке из числа оренбургских казаков была сформирована льготная дивизия под командованием генерал-майора В.П.Грекова, в состав которой вошли 9,10,11 и 12-й второочередные казачьи полки. Проводы дивизии на театр военных действий состоялись 20 апреля 1904 г.⁸ Вскоре в составе 10-го армейского корпуса на Дальний Восток был переброшен и 1-й Оренбургский казачий полк, дислоцировавшийся в Киевском военном округе.

Непопулярная в народе война и понесенное Россией поражение сыграли роль катализатора давно назревавшей революции. Недовольство режимом первоначально вылилось в лавину политических забастовок, а затем — в открытое противостояние в ряде регионов России и создание Советов. Вслед за вооруженным восстанием в Москве запольхали помещичьи усадьбы во многих губерниях Центрального района, в Поволжье, на Урале. Стремясь

восстановить в стране порядок, правительство пошло на мобилизацию казачьих частей, в том числе и Оренбургского войска, для борьбы с нарастающей революцией. Сотни 7-го и 8-го второочередных полков и 13,15,16,17 и 18-го казачьих полков третьей очереди были размещены по заводам и городам Урала и Поволжья, вскоре к ним присоединились вернувшиеся с войны полки льготной дивизии⁹.

Вопреки утверждениям ряда исследователей, доказывавших, что оренбургское казачество с собачьей преданностью подавляло очаги народного возмущения, в действительности оно восприняло отведенную ему роль без энтузиазма. Не понимавшие сути происходивших событий и далекие от политики “бородачи” тем не менее инстинктивно осознавали справедливость многих требований крестьянства, тем более, что по сравнению с ними казаки находились в худшем положении. Однако поставленную задачу — пресекать массовые беспорядки, убийства, поджоги и охранять общественное спокойствие — они беспрекословно выполняли: сказывалась влившаяся в кровь и плоть привычка военных людей к повиновению и последствия “промывания мозгов”, проводившегося беспрекословно со школьной скамьи до полка включительно. Невыполнение приказа в казачьей среде считалось одним из тяжелейших преступлений, и виновные в нем подвергались не только наказанию в установленном порядке, но и сильному моральному давлению со стороны общины. За такие провинности казаков могли лишиться казачьего звания, а их родственники становились в войсковой среде изгоями.

Казачество традиционно объявлялось виновником массового кровопролития в годы революции. Однако и здесь не все так однозначно, как утверждалось историками революционного движения. Как ни парадоксально, но именно большевики первыми призвали народ к оружию и уничтожению “врагов революции”, в число которых сразу же попало и казачество. Примером того может служить Инструкция боевой организации при Московском комитете РСДРП “Советы восставшим рабочим”, распространенная в декабре 1905 г. “Товарищи! Началась уличная борьба восставших рабочих с войсками и полицией, — говорилось в ней. — В этой борьбе может много погибнуть наших братьев, борцов за свободу, если вы не будете держаться некоторых правил...

1. Главное правило — не действуйте толпой. Действуйте небольшими отрядами человека в три — четыре, не больше. Пусть только этих отрядов будет возможно больше, и пусть каждый из них выучится быстро нападать и исчезать. Полиция старается одной сотней казаков расстреливать тысячные толпы. Вы же

против сотни казаков ставьте одного-двух стрелков. Попасть в сотню легче, чем в одного, особенно если этот один неожиданно стреляет и неизвестно исчезает...

...> 7. Казаков не жалейте. На них много народной крови, они всегда враги рабочих. Пусть уезжают в свои края, где у них земли и семьи, или пусть сидят безвыходно в казармах. Там вы их не трогайте. Но как только они выйдут на улицу — конные или пешие, вооруженные или безоружные — смотрите на них как на злейших врагов и уничтожайте их без пощады...”¹⁰

Но и казачество после того, как восставшие стали применять оружие против них, изменило свое отношение к происходившему. Наибольшего накала противоборство приняло летом 1906 г., когда в деревнях запылали пожары и стали гибнуть женщины и дети, вина которых заключалась только в том, что они являлись “барами”. К примеру, в селе Ромашкино Бузулукского уезда толпа крестьян, подстрекаемая эсерами, в сентябре 1906 г. сожгла принадлежавшие помещику Аржанову поместье и хутор. В ходе пресечения предпринятых толпой бесчинств несколько казаков получили ранения, и тогда офицер отдал приказ применить оружие — в итоге трое крестьян было убито и восемь ранено.

Оторванные от своих хозяйств и семей для выполнения полицейских функций мобилизованные казаки старших возрастов очень скоро стали проявлять недовольство. В начале февраля 1906 г. отказались нести службу по охране Миасского завода две сотни 10-го Оренбургского казачьего полка, в Мотовилихе, по данным жандармских источников, неоднократно отмечались случаи братания казаков 17-го полка с местными рабочими, об аналогичных настроениях среди личного состава доносил командир размещавшейся на Миньярском заводе 3-й сотни 10-го полка¹¹.

Обнародование Манифеста 17 октября 1905 г. изменило положение в стране, и казачество вместе с другими сословиями приняло активное участие в выборах в I Государственную Думу, проведя в число депутатов своих представителей — учителя М.И.Свешникова и агронома Т.И.Седельникова. Используя думскую трибуну, они выступили с рядом заявлений, в том числе и политического характера. В частности, в мае 1906 г. член Государственной Думы М.И.Свешников в обращении к оренбургским казакам призывал их: “Бросьте это богопротивное оружие — нагайку. Умоляю всем святым, не будьте палачами... Приказание бить мирных граждан, которые добиваются прав человека, исхо-

дит от тех вампиров, которые пьют кровь народную... Умоляю вас, братья-станичники, не верьте чиновникам и полиции"¹².

Вскоре после опубликования этого призыва в местной прессе начались волнения в 14-м Оренбургском казачьем полку, личный состав которого предъявил командованию ряд требований. В них, в частности, отмечалось: "Мы, казаки 14-го полка, с общего всех нас согласия определили просить Его Превосходительство г. Наказного атамана о нижеследующем: 1) Разъяснить нам, для чего, собственно, мы собраны — для сохранения ли существующего в стране закона и порядка или же для охранения личных интересов помещиков и капиталистов? 2) Оправдывает ли наша служба затраченный и могущий быть затраченный на нас расход?... 8) Будем ли мы, если останемся служить, взяты из подчинения полиции, которая злоупотребляет нашей службой?"¹³ Всего в обращении содержалось 16 различных требований казаков к войсковому начальству.

Этот факт серьезно встревожил войсковое командование: 14-й казачий полк был укомплектован личным составом старших возрастов 1-го военного отдела и считался одним из наиболее надежных соединений. Еще больший резонанс вызвало опубликование на следующий день листовки и требований казаков в местных газетах — в них утверждалось, что казаки перешли на сторону революции и вместе с рабочими намерены выступить против самодержавия. Для рассмотрения требований в полковые казармы прибыл Наказной атаман генерал-майор Ф.Ф.фон Таубе. Неожиданно требования казаков поддержали солдаты 242-го резервного Белебеевского батальона. Сложившаяся ситуация грозила принять неуправляемый характер, и после безуспешных попыток уговорить казаков Наказной атаман был вынужден отдать приказ о расформировании полка. Часть казаков, принимавших участие в расстреле демонстрации у городской тюрьмы, была награждена, несколько человек отдано под суд, а остальные распущены по домам. Сообщая об этом происшествии в Военное министерство, Таубе с тревогой отмечал возрастающую ненадежность казачьих полков. Вскоре Наказной атаман был отозван из Оренбурга и возглавил Отдельный корпус жандармов, а на его место назначен генерал-лейтенант В.Ф.Ожаровский. 22 июля 1906 г. в митинге, организованном местным отделением партии народной свободы, приняли участие и юнкера Оренбургского юнкерского казачьего училища, что вызвало буквально шок у войсковых властей¹⁴.

Обеспокоенные ростом влияния среди казачества различных политических партий, власти вскоре были вынуждены заме-

нить казачьи части, размещавшиеся в уездах и городах горнозаводской части края, наемниками из числа представителей кавказских национальностей.

Эти наемники, прозванные на Урале "ингушами", развязали в заводских поселках самую настоящую резню, которая, как отмечает уральский историк профессор Н.Н.Попов, в советской литературе однозначно приписывалась казакам¹⁵. Трагическое окончание русско-японской войны, грубые просчеты в использовании казачьих частей в ходе войны и после ее завершения, вынужденное общение с антиправительственными элементами и ряд других обстоятельств заметно отразились на состоянии дисциплины в полках и настроениях казаков. В 1907 г. 581 казак был осужден и подвергнут различного рода наказаниям за отказы выполнять приказания офицеров и другие "антиправительственные" проступки. В числе осужденных оказались не только рядовые казаки и урядники, но и некоторые войсковые офицеры.

К примеру, по суду был лишен эполет, орденов и сослан на поселение сын бывшего начальника штаба Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта П.П.Бирка подьесаул 4-й Оренбургской казачьей артиллерийской батареи В.П.Бирк, вина которого состояла в том, что он убеждал казаков батареи в случае их отправки на разгон демонстрации не стрелять в безоружных граждан¹⁶. После роспуска I Государственной Думы был лишен казачьего звания и осужден депутат Т.И.Седельников, подписавший знаменитое Выборгское воззвание.

Большая группа войсковой интеллигенции, врачи, агрономы, чиновники различных структур управления, воспитатели кадетских корпусов и юнкерского училища попали под негласный надзор полиции и по ним проводилась негласная агентурная разработка сотрудниками губернского жандармского управления. В их число попал и назначенный в 1917 г. атаманом 1-го военного округа полковник К.Л.Каргин, "высказывавший речи в либеральном духе, касающиеся казачества"¹⁷.

События революции 1905 — 1907 гг. посеяли в казачьей среде первые семена грядущего раскола и вынудили власти пойти на некоторые послабления. В частности, еще в ходе выборов в Государственную Думу казаки некоторых станиц 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска выработали наказ депутату, состоявший из 23 пунктов. "Тяжело нам жить под опекой чиновников, — отмечалось в нем, — которые, может быть, и желают принести нам пользу, но все это выходит только на бумаге. Не зная действительности нашей жизни, они приносят нам только вред"¹⁸. Казаки требовали ликвидировать практику наложения

атаманами отделов и станиц административных взысканий и впредь подвергать войсковых жителей наказаниям только по решению суда. Выборы атаманов станиц предлагалось проводить голосованием всех жителей, исключив вмешательство в них войсковых властей и отменив практику последующего утверждения избранных кандидатур Наказным атаманом. В наказе содержалось требование упразднения станичных сборов и, в целях экономии средств, ликвидации поселковых правлений, избавления войскового населения от непосильных дорожной и подводной повинностей. В числе вопросов, вызывавших нарекания казаков, было низкое жалование, выплачивавшееся казакам первоочередных полков, которое предлагалось увеличить за счет сокращения жалования офицеров. В наказе содержалось предложение предоставить обществу право нанимать канцелярских служащих из числа местных жителей и избирать специальных выборных для контроля за правильностью расходования войскового капитала. Значительное место в наказе занимал земельный вопрос, обострившийся в конце XIX — начале XX века. Казаки требовали наделить их землей в соответствии с установленной по войску нормой, т.е. по 30 десятин на каждую мужскую душу, в то время как во многих станицах паевые наделы сократились до 10 — 12 десятин.

С радикальными предложениями с думской трибуны выступил и избранный депутатом оренбургский казак Т.И.Седельников, призвавший правительство вообще ликвидировать войсковое сословие и предоставить казакам все гражданские права, в том числе право на полную свободу передвижений, выбор характера деятельности и службы. В ответ на обрушившийся на него поток обвинений он писал в газете "Степь": "Я хочу, чтобы у казаков все управление было на выборных началах, взамен нынешнего Войскового правления, Войскового штаба и управления отделами, чтобы казак был совершенно свободен, как до отбывания воинской повинности, так и после нее. Чтобы при желании казак мог служить в любом пехотном полку. Обмундирование и снаряжение для всех казаков должно приобретаться за общегосударственный счет"¹⁹. При этом он уже считал возможным сохранение прежнего казачьего звания и земельных наделов. Суд, школа и управление, писал Т.И.Седельников, должны быть приведены в единое с другими сословиями состояние, чтобы "казак, будучи полноправным гражданином, защищал и охранял свободу для всего русского народа, а не пачкал своего мундира в братской крови рабочих и крестьян"²⁰. Это заявление казачьего депутата вызвало многочисленные отклики и поддержку рядового

оренбургского казачества. Консервативно настроенная часть офицерского и чиновничьего корпуса в лице атамана 1-го военного отдела генерала Мелянина потребовала лишения Седельникова и Свешникова казачьего звания как "предателей казачества". В ответ на это вахмистр Линевского поселка Буранной станицы Ф.В.Киселев с возмущением писал: "Хорошо Мелянину говорить, когда ему каждое 20-е число идет жалование. Он, можно сказать, не сеет, не пахнет, но собирает в житницы. А посмотрел бы он на нас, на наше житье на трех десятинах, поработал бы с нами, покосил на жаре. Он не знает, что мы тоже слезами умываемся да рукавом утираемся, когда снаряжаем наших детей да братьев на службу. Наше горе неизвестно сытому Мелянину"²¹.

"Революционная волна докатилась до Оренбургского казачьего войска и захлестнула его, — отмечалось в одной из передовых статей газеты "Степь", ставшей в это время рупором революционных идей. — Все просыпается, приходит в движение. Казаки зашевелились, схватились за газету. Они увидели себя как бы в другом царстве. Перед ними предстали их прежние авторитеты в золотых мундирах, но уже с нестираемыми на лбах надписями: казнокрады, предатели казачества. По-прежнему они кричат, бьют казаков, по-прежнему они стараются запугать вампирной, вечной каторжной службой, но ничего не выходит. Казаки еще боятся их, это правда. Рабская жизнь, вечная кабала мешают им сделаться сразу гражданами, но в эти золотые и серебряные погоны они уже больше не верят"²². В этом утверждении содержалась немалая доля преувеличений, но для определенной части оренбургского казачества оно соответствовало действительному положению. Казачество постепенно начинало осознавать себя не как обособленная, а как нераздельная часть русского народа, медленно втягиваясь в разгоравшийся в обществе социальный конфликт. Понимали это и войсковые власти, и консервативно настроенная часть офицерства и войсковой интеллигенции. Некоторые из них, к примеру известный публицист С.Скороходов, видели решение проблемы в возврате к ликвидированной еще в 1865 г. замкнутой системе войскового управления и изолированности казачьих общин; другие, наоборот, предлагали разрешить всем желающим беспрепятственный выход из общины и принимать новых членов на более жестких условиях, заинтересовывая их крупными земельными наделами и денежным содержанием, выплачивавшимся из казенных средств. Во вносимых проектах содержались предложения отойти при комплектовании казачьих полков от принципа всеобщей воинской обязанности, зачисляя в части только добровольцев, наиболее хорошо физиче-

ски и психологически подготовленных к службе. "Надо помнить, что добровольная служба казака в полку, — отмечалось в одном из выступлений по обсуждаемой проблеме, — состоит в неразрывной связи с его материальным благосостоянием, т.к. казак обмундировывается и снаряжается за свой счет, имеет собственную лошадь, поэтому и не требовать от него, что он не в состоянии обеспечить"²³.

Происходившие в 1905 — 1906 гг. в казачьих областях и полках брожения серьезно встревожили правительственные круги и заставили их обратить внимание на сложившееся в войсковой среде положение и наиболее часто вызывавшие критику проблемы. Начиная с 1907 г., комитет Главного управления казачьих войск заседал буквально еженедельно, прорабатывая и обсуждая вносившиеся представителями казачьих войск и отдельными лицами многочисленные предложения. Некоторые из них, к примеру пожелание перевести содержание казачьих войск на государственный счет, были сразу отброшены: правительству по-прежнему были выгодны именно не требовавшие существенных финансовых затрат, не уступавшие по боевым качествам регулярной кавалерии, а в отдельных случаях и превосходившие их казачьи полки. Встав в очередной раз на путь половинчатых решений, успокоенные снижением революционного подъема, власти пошли на удовлетворение только отдельных требований казачества. Учитывая неуклонное удорожание стоимости казачьего снаряжения, Военный совет вышел с ходатайством к императору о частичном компенсировании расходов впервые выходящим на службу казакам. Это предложение было принято, и они стали получать сторублевое пособие от государства, вместо прежнего пятидесятирублевого. Посчитали возможным и несколько ослабить ограничения по передвижению казаков. Если до революции они не могли покидать свои станицы на срок более 15 дней, то после издания Манифеста 17 октября 1905 г. казакам третьей очереди и запасного разряда стали разрешаться отлучки с согласия станичного сбора на срок до одного года²⁴. Изменялся порядок поступления в войсковые учебные заведения, был пересмотрен порядок начисления пенсий офицерам, выпускникам Николаевской академии Генерального штаба предоставлялось право проходить службу в других родах войск. Изменению подверглись и правила учета и призыва по мобилизации.

Послереволutionный период стал временем активного кооперативного движения на войсковой территории. В нем власти увидели большие возможности для повышения уровня благосостояния казачьих хозяйств и старались по мере возможности его

поддерживать. Настоящим подвижником этого движения стал атаман 3-го военного отдела генерал-майор П.О.Агапов. С его помощью казаками отдела были получены первые кредиты в войсковом хозяйственном правлении, и в 1906 г. в станицах было открыто 7 кооперативных маслодельных заводов. Вскоре по примеру соседей в артели стали объединяться и жители 2-го военного отдела. К концу 1907 г. в двух отделах уже действовал 21 маслодельный завод, а число артельщиков возросло до 3389. Эти предприятия за год выработали 23859 пудов 18 фунтов сливочного масла, и объем производства ежегодно увеличивался. Только в период с 21 апреля по 7 июля 1908 г. во 2-м и 3-м отделах было произведено и отправлено в Санкт-Петербург и Лондон 8520 пудов 14 фунтов первосортного масла на сумму 115615 р. 32 к.²⁵

Видя стремление казаков к объединению в совместные товарищества по производству и переработке сельскохозяйственной продукции, а также достигнутые ими успехи, войсковое хозяйственное правление стало выделять им необходимые средства на льготных условиях для приобретения оборудования, найма специалистов и закупа молока. Кроме того, власти закрепляли за отделами специальных инструкторов по маслоделию, которые, разъезжая по станицам, помогали налаживать работу артелей. Во многом благодаря их деятельности к началу 1914 г. во 2-м военном отделе действовало 59 маслодельных и 2 сыроваренных завода, выпустивших за 1913 г. 21070 пудов масла и 15591 пуд сыра. Всего в войске накануне первой мировой войны насчитывалось 147 маслодельных и 2 сыроваренных завода, сырье для которых поставляли 16688 артельщиков из 171 поселка²⁵.

Продукция, произведенная на казачьих кооперативных предприятиях, с самого начала завоевала рынок своим высоким качеством и реализовывалась не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. Нередкими были случаи, когда ее скупали агенты Приуральского союза маслодельческих артелей и перепродавали уже как своего, но по более высоким ценам. Примером успешной деятельности может служить работа Сыртинского сыроваренного завода, продукция которого прочно завоевала итальянский рынок. Во время мировой войны, когда налаженные торговые связи между Россией и Западной Европой оказались разорванными, сложившейся ситуацией воспользовалась Германия и одна из немецких фирм стала поставлять в Италию свой сыр, назвав его "Урлядинский"²⁶. Оренбургское масло, закупавшееся датчанами, после уничтожения клейм продавалось в Европе под маркой

“сладкое датское” и имело устойчивый спрос среди аристократических фамилий.

В Оренбургском казачьем войске открывались ссудосберегательные кассы, кредитные товарищества, торговые лавки и работавшие на средства кооперации торгово-ремесленные школы. Эти и другие формы кооперации пользовались среди войскового населения большим успехом и поддержкой. Но дальнейшее экономическое развитие казачьих хозяйств прервала начавшаяся мировая война.

Примечания

¹ См.: Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т.27. № 110.

² Оренбургская газета. 1901. 1 мая.

³ Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербова-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. Спб., 1902. С.21.

⁴ ГАОО. Ф. И-185. Оп.1. Д.105. Л.61.

⁵ Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск... С.109.

⁶ См.: ГАЧО. Ф. И-216. Оп.1. Д.2. Л.1 — 2.

⁷ Отголоски русско-японской войны. Казань, 1914. С.39.

⁸ ГАОО. Ф. И-169. Оп.1. Д.46. Л.14.

⁹ ЦГВИА. Ф.1720. Оп.2. Д.70. Л.17—28.

¹⁰ Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1905.

11 дек.

¹¹ См.: Попов Н.Н. Казачьи формирования на Урале в 1905 — 1907 гг. // Казачество на государственной службе: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 1993. С.85.

¹² Степь. 1906. 30 мая.

¹³ Оренбургский край. 1906. 18 июня.

¹⁴ ГАОО. Ф.И-21. Оп.9. Д.3. Л.160.

¹⁵ См.: Попов Н.Н. Указ. соч. С.85.

¹⁶ ЦГВИА. Ф.400. Оп.9. Д.3. Л.160.

¹⁷ ГАОО. Ф.И-10. Оп.4. Д.420. Л.278.

¹⁸ Оренбургский край. 1906. 28 марта.

¹⁹ Оренбургская газета. 1906. 29 февр.

²⁰ Степь. 1906. 30 мая.

²¹ Там же. 1 июня.

²² Там же. 25 июня.

²³ Оренбургская газета. 1908. 12 янв.

²⁴ См.: Собрание законов Российской империи. Т.13. № 869.

²⁵ См.: Оренбургская газета. 1915. 20 февр.

²⁶ См.: Кобзов В.С., Махрова Т.К. Казачье хозяйство в экономике Оренбургской губернии // Оренбургскому краю 250 лет: Материалы юбилейной науч. конф. Оренбург, 1994. С.45.

Т.К.Махрова

ТОРГОВО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Рынок является тем интегральным показателем, который отражает результаты развития сельского хозяйства, промышленности, торговли, транспорта. Взятые сами по себе, эти отрасли раскрывают лишь отдельные виды деятельности населения по освоению территории. Региональные особенности, специфика сословной принадлежности обусловили неравномерность включения различных районов страны и групп населения в систему всероссийского рынка.

Хозяйство оренбургских казаков вплоть до 30-х гг. XIX в. оставалось в основном потребительским. Замкнутость казачьего сословия, особенности общинного землепользования, общая неразвитость промыслов, торговли, путей сообщения в отдаленном от центра крае тормозили развитие рыночных отношений. В 30 — 60-е гг. XIX в. этот процесс уже обозначился, но экономические связи были неустойчивыми.

Пытаясь стимулировать торгово-предпринимательскую деятельность в казачьей среде, правительство в 1825 г. разрешило “чинам войска производить в черте войсковых земель торговлю всякого рода товарами, устраивать кожевенные и другие заводы без взятия торгового свидетельства”¹. В 1836 г. по инициативе военного губернатора В.А.Перовского в Оренбургском казачьем войске началось создание “пятисотенного общества” торговых

казаков. По данным Д.В.Плотникова, официальной датой его рождения было 4 мая 1837 г., а первоначальный состав — 71 человек. Вступившие в общество казаки освобождались от военной службы, станичных натуральных повинностей и участия в общественной запашке. Одновременно они лишались права пользоваться денежными и хлебными войсковыми ссудами и обязывались в течение 25 лет ежегодно платить в войсковой капитал по 57 р. 50 к. серебром². Первое время комплект торгового общества был далеко не полон, так как для организации своего дела требовался значительный торговый капитал. В 1855 г. в станицах 9-го полка насчитывалось 19 казаков торгового общества с объявленным капиталом от 1000 до 3500 р. (3 — в станице Еткульской с населением 5189 чел. и 16 — в станице Верхнеуевельской с населением 6324 чел.)³. В войсковой доход они внесли 1092 р. 50 к. Зажиточные казаки нередко предпочитали таким способом откупиться от службы. Поэтому расширение в 1858 — 1859 гг. состава торгового общества, разрешение вступать в него семьями (с уплатой сбора за каждого члена семьи) служило, по мнению Ф.М.Старикова, не столько развитию торговли, сколько росту доходов войскового капитала.

«Иногородние» официально получили право торговать на территории Оренбургского казачьего войска в феврале 1861 г. По некоторым данным лица невойскового сословия торговали на базарах или имели мелочную постоянную торговлю на казачьей территории и раньше: в станичной документации зафиксированы полученные с них сборы⁴. Торговля осуществлялась на основании общих положений о торговле и промыслах в Российской империи — по торговым и акцизным свидетельствам и патентам, которые выдавались уездными казначействами. Циркуляр войскового хозяйственного правления от 16 февраля 1866 г. предписывал станичным правлениям взимать с иногородних торговцев пошлины в размере 10% с цены одного свидетельства, 10% с цены билета на лавку, 10% с цены акцизного свидетельства на торговлю табаком или патента на питейное заведение⁵. Громоздкий порядок оформления права на торговлю в пределах войска постоянно нарушался, аппарат недавно созданного войскового хозяйственного правления не в состоянии был проконтролировать выполнение своих предписаний. В 1870 г. в соответствии с приказом военного ведомства № 376 сборы с торговых казаков и лиц «постороннего звания» за право торговли на войсковой территории были заменены ежегодной выплатой Оренбургскому казачьему войску из казны 36 тыс. р.⁶

До начала железнодорожного сообщения центрами торговли как в городах, так и в селениях служили ярмарки и базары, открытие которых на войсковой территории разрешало войсковое хозяйственное правление. В станицах и поселках базары работали, как правило, раз в неделю, а ярмарки проводились 2 — 3 раза в год и были приурочены к сельскохозяйственному циклу и церковным праздникам. В конце XIX в. количество ярмарок на территории войска приближалось к 60⁷; оживленная ярмарочная торговля отмечалась в станице Кособродской, расположенной рядом с золотыми приисками, в станице Великопетровской, занимавшей центральное положение среди близлежащих населенных пунктов, в станицах Кундравинской, Усть-Уйской, Звериноголовской⁸. Типичный набор товаров — пшеница, овес, мука, соль, масло, сало, рыба, кожа, лошади, посуда, обувь, бакалея. На крупных городских ярмарках перечень был более разнообразным за счет мануфактурных товаров из внутренних губерний и азиатских — из Хивы, Бухары, Ташкента (внешняя торговля осуществлялась через Оренбургский и Троицкий меновые дворы).

Сводные данные о торговых оборотах в войске за 1881 — 1890 гг. приводит генерал-майор Ф.М.Стариков⁹:

Год	Количество ярмарок и базаров	Привезено товаров на сумму, р.	Продано товаров на сумму, р.
1881	86	6 805 003	3 177 053
1882	87	6 765 429	3 048 624
1883	83	5 867 375	1 517 083
1884	94	2 680 068	1 373 290
1885	100	2 860 692	955 166
1886	105	3 910 699	1 278 189
1887	94	2 747 725	1 294 648
1888	97	3 532 820	1 473 512
1889	108	3 482 188	1 376 653
1890	108	3 620 150	1 465 400
Итого		42 272 049	16 959 618

В среднем продавалось около трети привезенных товаров (в денежном выражении). В целом по губернии доля реализации товаров в период ярмарок достигала 40 — 50%¹⁰, однако этот уровень поддерживался за счет крупных, выгодно расположенных ярмарочных центров (Оренбург, Троицк, Челябинск). В большинстве казачьих станиц и поселков процент реализации привезенного товара был невелик — 5 — 15%, как отмечалось в войсковом

отчете за 1886 г., по причине "неприхотливости и скромных средств населения"¹¹. Так, на сравнительно крупной ноябрьской ярмарке 1855 г. в станции Верхнеуфьевской было привезено товаров на сумму 33180 р., продано 14,5%; в станции Еткульской на январской (Крещенской) ярмарке продано 4,8% товаров, на сентябрьской (Богородицкой) — 5,2%¹². В станции Еманжельинской на июльской ярмарке 1878 г. реализовано 10%, на октябрьской — 8,6% товаров¹³. Увеличению товарооборота нередко препятствовало и ограничение сроков ярмарочной торговли (от 2 до 7 дней). В начале XX в. торговый оборот на душу мужского населения в войске составил около 20 р.¹⁴ (это соответствует общему для сельского населения Европейской России показателю, подсчитанному С.Г.Струмилинским, — 22 р.; на душу городского населения приходилось почти в 20 раз больше¹⁵).

О торговой активности казаков говорят выборочные данные из статистических отчетов. В 1886 г. на ярмарках в станицах Оренбургского казачьего войска торговали 67 казаков и 559 представителей других сословий, в мелочных лавках — 307 казаков и 620 "иногородних", доля лиц казачьего сословия среди торговцев — около 24%¹⁶. Из 2441 чел., торговавших на территории войска в 1914 г., казаков было уже 924, или 37,9%¹⁷. Сведения о торговом предпринимательстве казаков за пределами войсковой территории отрывочны и недостаточного материала для анализа не дают. В сохранившихся отчетах (например, Челябинского ярмарочного комитета) казаки при подсчете торгующих нередко объединялись с баширами и казахами. Можно предположить, что большинство из них торговали с "полок" и "рогожек", для этой категории торгующих устанавливались самые низкие сборы за право торговли¹⁸. Сохранялась меновая торговля между казаками и населением казахских степей.

В целом внутренние районы — как войсковые, так и губернские — значительных рынков сбыта не имели. Не только из-за низкой покупательной способности населения: в отчетах губернатора конца XIX в. отмечалось некоторое оживление внутренней торговли "благодаря зажиточности таких классов населения, как казаки Оренбургского казачьего войска и отчасти государственных крестьяне", но участвовавшие неурожаи снижали общий уровень "зжиточности" и у крестьян, и у казаков. Местные цены прямо зависели от урожая в ближайшей округе и могли произвольно колебаться в пределах от 20 — 30 к. до 2 — 3 р. за пуд хлеба. Из-за плохого состояния грунтовых дорог торговля периодически замирала¹⁹.

Во второй половине XIX — начале XX в. развивается торговля вне ярмарочных центров, расширяется стационарная торговая сеть. Строительство в губернии железных дорог обеспечило связь с горнозаводской зоной, центральными и южными районами страны. Хотя пропускная способность железных дорог была невелика, они ликвидировали оторванность от рынков сбыта. В 1874 — 1876 гг. была сооружена линия Оренбург — Самара, в 1892 г. завершилось строительство Самаро-Златоустовской дороги, в 1896 г. — ветки Челябинск — Екатеринбург, в 1901 г. началось сооружение железной дороги Оренбург — Ташкент.

Участки железных дорог пролегали на юге и севере войсковой территории. Увеличился ввоз товаров, потребности населения возросли. Новые условия обострили все проблемы казачьего хозяйства, главной из которых оказалось даже не малоземелье (в начале XX в. земельный запас в войске еще имелся), а нехватка у населения денежных средств для "производства хозяйственных оборотов, улучшений и приобретений инвентаря".

Основными рынками сбыта хлеба были соседние губернии — Самарская, Пермская, Тобольская, горнозаводская зона — Екатеринбург, Белорецк, Златоуст, Миасс. Из-за отдаленности края поставки за пределы Российской империи для производителя были невыгодны. При исчислении стоимости доставки серых хлебов из Оренбурга в Либаву выяснилось, например, что из портовой цены производитель на покрытие всех накладных расходов и собственных издержек имел в лучшем случае 36%²⁰. Российские экспортеры поставляли на внешний рынок дешевый хлеб, скупая его во время массовой осенней продажи урожая. Нехватка хранилищ не позволяли мелким производителям дожидаться установления более высоких цен на хлеб, и они "везли хлеб с поля прямо на рынок". "Из-за громадного предложения почти каждую осень цены на хлеб устанавливались низкими настолько, что земледельцы вынуждены были продавать хлеб себе в убыток", — сообщалось в докладной записке о состоянии сельского хозяйства в районе г.Троицка по результатам обследования, проведенного в 1915 г. управлением Троицкой железной дороги²¹.

Накануне первой мировой войны, по наблюдениям П.А.Хворостанского, изменилась "физиономия Оренбургского хлебного рынка": "вместо сырья — хлеба в зерне — вывозится мука, крупа и пшено". Это подтверждалось данными об отправке грузов с железнодорожных станций. В 1909 г. доля отправленного из Оренбурга по железной дороге зерна составила 65%, а фабрикатов — 32,6%, в 1914 г. — соответственно 23,5% и 72%²². Среди хлебных грузов, отправленных со станций Троицкой железной

дороги в 1913 г., зерна было 77%, муки — 23%, а в 1915 — 34% и 66%²³. Возросла потребность в зернохранилищах, зерносушилках, в увеличении мощности мельниц и крупорушек, что требовало значительных денежных затрат. Отчасти эти проблемы помогали решать кредитные товарищества.

Первые сословные учреждения мелкого кредита — вспомогательные кассы — стали создаваться еще в первой половине XIX в., но большого распространения не получили. Не имел успеха и первый опыт подобных учреждений на территории Оренбургского казачьего войска: жители “не понимали пользы” организованного в 1877 г. ссудо-сберегательного товарищества²⁴. Голод 1891 г., падение хлебных цен в 1893 — 1895 гг. стали толчком к возрождению кредитных кооперативов. Созданные по Положению о мелком кредите 1895 г. кредитные товарищества отличались от действовавших на основе образцовых уставов 1869 г. ссудо-сберегательных касс способом формирования капитала. Средства ссудосберегательных товариществ складывались из паевых взносов их членов (от 10 до 100 р.), кредитные товарищества не требовали обязательных паевых взносов и опирались на ссуду Государственного банка. Беспаявые кредитные товарищества имели возможность шире привлекать клиентуру за счет “малодостаточных” слоев населения, что обусловило впоследствии их широкое распространение. В 90-е гг. из-за скудности средств, отпускаемых Госбанком, кредитные товарищества не оказали существенного влияния на хлебный рынок, однако уже в начале XX в. потребность в них становилась все более ощутимой. Ходатайство об открытии в станицах Оренбургского казачьего войска подобных учреждений было возбуждено войсковым хозяйственным правлением в 1901 г. по предложению атамана 3-го военного отдела генерал-майора Н.А.Холмского²⁵.

Первое кредитное товарищество в Оренбургском казачьем войске было открыто 12 мая 1908 г. в станице Травниковской, затем учреждения мелкого кредита появились в станицах Кундровинской, Коельской, Кособродской, Долгодеревенской, Ключевской, Нижнеуельской (1908 — 1909 гг.). Товарищество обычно объединяло несколько поселков, причем административное деление, принадлежность к казачьей или гражданской части губернии могли и не учитываться (в среднем по России район действия кредитного товарищества к началу 1914 г. составлял 1289 дворов²⁶). По Положению от 7 июня 1904 г. для организации товарищества Госбанк выдавал ссуду под 6% годовых. Ее погашение начиналось на пятый год существования товарищества и продолжалось в течение 9 лет. Учреждения мелкого кредита имели право

выдавать ссуды на срок от 1 года до 5 лет для пополнения оборотных средств, приобретения инвентаря, хозяйственных нужд; посредничать при оборотах, прежде всего при покупке предметов хозяйственного назначения и продаже произведений хозяйства; принимать денежные вклады и заключать займы²⁷. Ответственность по обязательствам и убыткам члены товарищества несли в двухкратной сумме открытого каждому кредита. Устанавливался предельный размер ссуд заемщикам: 200 р. без залога и 500 р. под залог хлеба или изделий ремесла, промысла; эти суммы впоследствии возросли до 300 и 800 р. соответственно²⁸.

Первоначальное недоверие казаков к кредитным товариществам было преодолено после неурожайного 1911 г.: многим помогли пережить бедствие полученные в них денежные ссуды. В 1914 г. войсковой отчет сообщал о “больших симпатиях населения” к этой форме учреждений мелкого кредита, которых на территории войска к 1 января 1915 г. насчитывалось 121 (32 — в 1-м военном отделе, 49 — во 2-м, 40 — в 3-м). В деятельности кредитных товариществ было втянуто не менее 70% казачьих домохозяйств, членами товарищества числилось 63362 казака²⁹. Кредитные товарищества осуществляли посредничество по снабжению производителей сельскохозяйственной техникой, устраивали прокатные пункты, зерносушилки, занимались просветительской работой, оказывали содействие развитию племенного животноводства. Активно в этом направлении работали кредитные товарищества 1-го военного отдела, где было открыто 12 прокатных пунктов сельхозтехники (в Кардаилловском, Красноярском, Буранном, Татищевском и др. товариществах). Хлебозалоговые операции кредитных товариществ давали возможность производителям, получив ссуду, дожидаться установления приемлемого уровня цен на хлеб и исключить из участия в прибылях перекупщиков и ростовщиков. Для проведения хлебозалоговых операций Госбанк открывал товариществам специальные льготные кредиты под 4,5% годовых³⁰. Как замечала в 1914 г. газета “Оренбургская жизнь”, помощь кредитных товариществ позволяла населению “делать первые шаги по применению полученной прибыли как капитала, т.е. вложению их в другие предприятия”³¹. В 1914 г. казачьи кредитные товарищества приняли в залог только пшеницы на 600 тыс. р.³² Войсковое хозяйственное правление, обсудив в 1912 г. возможность централизации и сосредоточения в своих руках хлебозалоговых операций в войске, пришло к выводу, что кредитные кооперативы лучше справятся с этой задачей³³.

По данным войсковой агрономической службы, излишки хлеба в казачьих хозяйствах в 1896 г. составили 8 млн пудов³⁴. С появлением железных дорог, расширением возможностей сбыта, притоком населения посевные площади стали быстро расти, сбор хлебов в губернии вырос за период с 1870 г. по 1900 г. почти в 2,3 раза³⁵. Товарный потенциал крестьянских хозяйств Оренбургской губернии в 1915 г. составил не менее 12 млн пудов пшеницы и 10 млн пудов овса³⁶. По данным обследования, проведенного зимой 1915 г. управлением Троицкой железной дороги с целью определения районов тяготения грузов к ее станциям, только находящиеся в радиусе 50 верст от Троицка станицы 3-го военного отдела (Ключевская, Михайловская, Кособродская, Нижнеуельская, Каратабанская) готовы были продать 3,4 млн пудов хлеба (при урожае ниже среднего — 40 пудов с дес.)³⁷. Хлебный излишек в станицах 2-го военного отдела в этом году составил почти 10,5 млн пудов. Правда, методика приведенных расчетов использовала скорее всего заниженную величину “необходимого продукта” — 12 пудов на жителя. Потребление крестьянина Европейской России составляло в среднем 15,42 пуда хлеба в год³⁸. Нормы, принятые для расчетов по Уральско-Тургайскому региону, предусматривали ежегодный расход на душу населения 18 пудов для продовольствия и 5 пудов на десятину для посева. Но и с учетом этого казачество, несомненно, становилось крупным производителем товарного хлеба.

Росту товарности земледелия должно было способствовать и заметно усилившееся в конце XIX — начале XX в. внимание войскового начальства к состоянию агротехнической культуры, распространению положительного сельскохозяйственного опыта, повышавшего интенсивность ведения хозяйства. В 1901 г. учреждается должность войскового агронома, затем появляются агрономы отделов, инструкторы по животноводству и другие специалисты. Подготовку собственных специалистов в войске пытались организовать еще в первой половине XIX в., но открытое в 1836 г. училище земледелия и лесоводства просуществовало лишь до 1867 г., не сыграв значительной роли в усовершенствовании войскового хозяйства³⁹. В 1909 г. в 14 верстах от Оренбурга была создана войсковая низшая сельскохозяйственная школа, где дети казаков с 12 — 13 лет должны были получать не только знания по сельскому хозяйству, но и обучаться ремеслам — шорному, столярному, кузнечно-слесарному⁴⁰. С 1907 г. войсковое начальство ходатайствовало об открытии двух опытно-показательных хозяйств. В 1909 г. было разрешено открыть только одно из них — в 1-м военном отделе, в 10 верстах от Орска на р. Елпанке, заведо-

вал хозяйством Е.М.Плотников. Инициатором создания опытных хозяйств выступило Пермское земство, куда для ознакомления с их работой еще в 1903 г. был командирован войсковой агроном П.А.Кобылин. На опытно-показательные хозяйства возлагали большие надежды, но организация их на научной основе требовала значительных расходов, а накопление опытных данных на местном материале — времени. Поэтому за несколько лет своего существования опытно-показательное войсковое хозяйство ощутимых результатов не дало, оставаясь в состоянии организационного периода и испытывая постоянную нехватку средств⁴¹. Показательные участки создавались и непосредственно в станицах, в лучших казачьих хозяйствах; в 1-м и 2-м военных отделах практиковалась бесплатная выдача сельскохозяйственных машин и орудий для ознакомления с ними. Войсковое хозяйственное правление и Департамент земледелия финансировали организацию бесплатных сельскохозяйственных курсов на территории войска, распространяли брошюры, пропагандировали эффективные агротехнические приемы (очистку семян, рядовой посев, искусственное травосеяние, закрепление оврагов, удобрение, методы сохранения влаги посредством обработки почвы и задержания снега на полях и т.д.).

В 1910 г. на казачьем сельскохозяйственном съезде, проходившем в поселке Сосновском 3-го военного отдела, был поставлен вопрос о выработке для войска единой экономической политики, согласованной программы действий⁴². В ноябре 1912 г. в Оренбурге было проведено войсковое агрономическое совещание, которое приняло решение об организации сети агрономических участков — для “приближения агрономической помощи к населению” и учета хозяйственной специфики районов (как земледельческой, так и животноводческой)⁴³. К маю 1914 г. в каждом отделе войска было организовано по 4 агрономических участка, но с началом первой мировой войны это начинание достаточной поддержки (прежде всего материальной) не получало.

Агрономическое совещание 1912 г. рекомендовало создать экономические советы при войсковом хозяйственном правлении и управлениях отделов. Такой совет был создан в 1913 г. в управлении 2-го военного отдела под председательством атамана отдела генерал-майора Н.А.Наследова, но сведений о его деятельности сохранилось мало⁴⁴.

Очевидно, что попытки рыночного регулирования, принимаемые в войске, успешными были тогда, когда подкреплялись денежной и организационной помощью. В противном случае рекомендации и указания, даже оформленные в виде приказов

наказного атамана (например, призывы заниматься товарным птицеводством и т.п.), чаще всего оставались “гласом вопиющего в пустыне”. Одним из наиболее действенных мероприятий стала организация снабжения войскового населения сельскохозяйственной техникой на средства созданного в 1898 г. специального оборотного капитала (его первоначальный размер составлял 7500 р.). Земледельческие орудия и машины продавались казакам в кредит с рассрочкой на 5 лет на сумму до 300 р. под 2% годовых и поручительство трех-пяти “благонадежных домохозяев” или круговую поруку. До уплаты всего долга техника считалась собственностью войска, ее нельзя было продавать, закладывать, но разрешалось с согласия поручителей и войскового хозяйственного правления передавать другому пользователю⁴⁵. Поставщики (торговый дом Ф.К.Эверта в Оренбурге, торгово-промышленное товарищество “Джон Гривз и Ко”, Рязанское товарищество сельскохозяйственных машин и орудий и др.) предоставляли войску как крупному покупателю скидку до 10 — 12%, а иногда и бесплатные услуги по наладке и обслуживанию техники⁴⁶.

С введением льготного отпуска сельхозмашин спрос на них стал быстро расти, особенно в зажиточных хозяйствах, арендующих землю. Выгодность их покупки при посредничестве войска была очевидной. Так, установленная цена жнеи-косилки “Стальная ласточка” производства Бердянского завода составляла 170 р. Казаку Алабайтальского поселка Гирьяльской станицы Аюпу Минлибаеву ее покупка с учетом выплаты 2% годовых в течение пятилетней рассрочки обошлась в 154 р. 40 к.⁴⁷ С июня 1898 г. по август 1901 г. в войсковое хозяйственное правление поступила 141 заявка на приобретение техники, наиболее активны были станицы Гирьяльская, Павловская, Богуславская, Магнитная⁴⁸. Спрос нередко превышал финансовые возможности войска, кредит оказался безубыточным. С 1898 г. по 1914 г. войсковое хозяйственное правление закупило для снабжения казаков сельскохозяйственных орудий и машин на сумму 1 093 581 р. 65 к.⁴⁹

“Принятый войсковым начальством способ снабжения казаков усовершенствованными земледельческими орудиями весьма благополучно отражается на хозяйстве тех казаков, которые обзавелись с помощью войска этими орудиями, дающими возможность обрабатывать землю значительно успешнее, меньшим числом скота и рабочих рук”, — докладывал войсковому хозяйственному правлению чиновник особых поручений А.П.Сорокин после объезда станиц 1-го военного отдела в 1898 г. “К несчастью, — замечал он, — не все казаки умело сберегают эти орудия, у некоторых домохозяев они по окончании работ и даже в

зимнее время хранятся на открытых местах, под дождем и снегом...”⁵⁰

Вовлечению казачьих хозяйств в орбиту рыночных отношений способствовало поощрение артельного производства и сбыта с помощью войсковых целевых ссуд, организация обучения, преимущественное право льготного снабжения техникой и т.п. Это касалось в первую очередь таких отраслей, как пуховязание и маслоделание.

Пуховязание было едва ли не единственным традиционным промыслом оренбургских казаков, достигших в этом деле подлинного мастерства. Известно, что еще П.И.Рычков пропагандировал прядение и вязание из козьего пуха как выгодный подсобный промысел, а его жена Алена Денисьевна учила казачек этому искусству, за что и была награждена в 1770 г. золотой медалью⁵¹. Изготовление изделий из козьего пуха получило широкое распространение в станицах 1-го военного отдела. На Лондонской всемирной выставке в 1854 г. пуховый платок работы оренбургских казачек получил “свидетельство, медаль и книгу”, о чем войсковое начальство приказало проинформировать “всех жителей во всех полках”⁵². Изделия пуховязальщиц с успехом демонстрировались на политехнической выставке в 1872 г., на всероссийской промышленно-художественной выставке в 1882 г., что стимулировало развитие промысла и внимание войскового хозяйственного правления к его организации.

27 мая 1914 г. в станице Гирьяльской 1-го военного отдела была открыта первая пуховязальная артель, учредителями которой стали 73 казака во главе с отставным полковником Н.Н.Михайловым⁵³. Ее деятельность строилась на основе временного Устава артелей по пуховязальному промыслу, разработанного войсковым хозяйственным правлением в 1913 г. Артель, численностью не менее 20 человек, освобождалась от уплаты промыслового налога, могла выдавать ссуды и заключать займы, заниматься снабжением орудиями, сырьем и сбытом изделий как артельщиков, так и “посторонних”. Оборотные капиталы артели частично формировались за счет войсковых ссуд, а 5% чистой прибыли отчислялись войсковому хозяйственному правлению на организацию выставок, обучение учениц в художественных школах, награды лучшим вязальщицам⁵⁴. Курсы пуховязания для школьных учительниц были организованы в Верхнеуральске, станицах Усть-Уйской и Косельской. По отчету 1914 г. в войске было зарегистрировано 20413 пуховязальщиц, продано за год 92592 платка на сумму 457293 р.⁵⁵

Предпринимались попытки организовать в войске артельное пчеловодство, специальные бесплатные курсы устраивались на войсковой учебно-показательной пасеке в поселке Черновском Кундравинской станицы (руководил пасекой И.В.Архангельский). Из 8 организованных артельных пасек выжить смогли только 2 — в поселке Полтавском Великопетровской станицы и поселке Синеглазовском Челябинской станицы⁵⁶. Пчеловодство в станицах продолжали считать второстепенным занятием, хотя оно могло приносить до 200 — 400 и более рублей годового дохода. Урядник Д.Старков из Бирюковского поселка, используя кочевое пчеловождение (т.е. перевоза пасеку в пределах 30 — 40 верст), собрал 160 пудов меда и, продав его по 10 р., заработал 1600 р.⁵⁷

Наиболее заметным явлением в экономической жизни войска в начале XX в. стало развитие казачьего артельного маслоделия. Серьезную конкуренцию частным маслозаводам составили казачьи артели 3-го военного отдела, появившиеся там в 1904 — 1906 гг. под руководством опытного инструктора чеха. Помимо гарантированного сбыта излишков молока по достаточно высокой цене (до 80 — 85 к. за пуд вместо 30 — 40 к. у частных заводчиков) артельщики получали ссуды в неурожайные годы, использовали на общественные нужды доходы от артельных лавок. В 1906 г. в 3-м военном отделе было 6 маслодельческих артелей, в 1907 г. — 21, в 1909 г. — 50, в 1913 г. — 62⁵⁸. В 1909 г., когда после нескольких ходатайств во 2-й отдел был направлен инструктор маслоделия Т.И.Великанов, там были организованы первые 8 артелей. Позднее началось создание артелей и в 1-м отделе — в станицах Гирьяльской и Сакмарской (на 900-рублевую войсковую ссуду)⁵⁹.

Выгоды кооперативного производства и сбыта были очевидны. При себестоимости 2 р. 9,5 к. пуд масла продавался в среднем за 12 р. 47 к. Масло, сыр пользовались спросом как на внутреннем рынке (заявки поступали из Петербурга, Киева, Казани, Перми, Самары, Тифлиса, Ташкента), так и за границей (в Англии, Италии). Сбыт осуществлялся через Троицкую и Оренбургскую конторы Союза Сибирских маслодельных артелей и Союз Приуральских маслодельных артелей в Челябинске. Последний по составу почти полностью был казачьим. В 1908 г. только артели 3-го военного отдела продали масла на 115615 р., за период с июля 1911 г. по октябрь 1912 г. через Приуральский союз было реализовано масла на 862139 р.⁶⁰ В 1913 г. берлинская фирма “Мюллер Браун” открыла Приуральскому союзу через Сибирский банк аккредитив на 400 бочек масла еженедельно⁶¹.

Отношение к артельному производству отражено в письме казака станицы Степной 2-го военного отдела в редакцию газеты “Троичанин”: “Несмотря на то, что станица Степная расположена на тракте Троицк — Верхнеуральск, только в 1910 г. с большим трудом основали артельный маслозавод. Туго поддавались на уговоры наши казачки. Однако, когда дело наладилось, выяснилась польза для всех, и все стали записываться. Теперь в артели уже 658 чел. В неурожайный 1911 год артельщики получили ссуду по 20 руб. на каждую дойную корову и на сходе постановили удерживать по 5 руб. на организацию артельной лавки. Собралось до 6 тыс. руб., причем некоторые вкладывали по 10 — 15 руб. Теперь у нас 2 артельные лавки и выторговывают до 176 руб. в день. Начались приготовления к давно задуманной постройке каменного храма в честь посещения в 1891 г. поселка императором...”⁶²

В 1914 г. в Оренбургском казачьем войске насчитывалось 155 артельных маслодельных заводов: 4 — в 1-м отделе, 57 — во 2-м и 92 — в 3-м. Действовали две сыроварни — в поселке Урлядинском Карагайской станицы и поселке Сухтеленском Степной станицы (2-й военный отдел)⁶³. Началось строительство сыроваренного завода в поселке Углицком Березиновского станичного юрта. Маслодельные артели объединяли более 16 тыс. человек и обслуживали 171 поселок войска⁶⁴. С началом первой мировой войны производство стало сворачиваться из-за недостатка мастеров и трудностей реализации. Для поддержки отрасли Госбанк выдал 6-месячные ссуды под залог масла. Началась переориентация на внутренний рынок, но даже в условиях военного времени продолжались поставки масла в Лондон.

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что накануне первой мировой войны оренбургское казачество активно начинает осваивать рынок сельскохозяйственной продукции. В одиночку выжить и утвердиться на рынке мелкому товаропроизводителю было нелегко. Тем более, что оснащение большинства казачьих хозяйств оставалось рутинным, а казак часто вынужден был расходовать деньги не на развитие своего хозяйства, а на обязательную покупку дорогостоящего служебного снаряжения. Нельзя не учесть и расположения значительной части территории Оренбургского казачьего войска в зоне рискованного земледелия. Можно предположить, что решающую роль в процессе рыночной адаптации казачьего хозяйства сыграли два фактора: организационная и материальная помощь со стороны войска и кооперация. Коллективные формы организации производства и сбыта, подчинение руководству сверху, опора на помощь со стороны

государства, войска, общины вписывались в традиционный быт-вой уклад оренбургского казачества. Вместе с тем, формируя условия для активного проявления казаками собственной предприимчивости, войсковое управление объективно способствовало самоликвидации казачества как военно-земледельческого сословия.

Примечания

¹ Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891. С.60.

² См.: Плотников Д.В. Краткая записка о первоначальном происхождении и дальнейшем развитии войсковых капиталов Оренбургского казачьего войска // Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып.1. Оренбург, 1903. С.104,106.

³ ГАЧО. Ф.И-11. Оп.1. Д.150. Л.19,38 об., 51, 58.

⁴ ГАЧО. Ф.И-30. Оп.1. Д.69. Л.78.

⁵ Там же. Л.78 — 80.

⁶ ГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.106. Л.7 — 7об.

⁷ Там же. Д.271. Л.50 — 52.

⁸ Там же. Оп.4. Д.130. Л.49.

⁹ См.: Стариков Ф.М. Указ. соч. С.166.

¹⁰ См.: Статистический отчет Оренбургской губернии за 1892 г. Оренбург, 1893. С.20.

¹¹ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.130. Л.48.

¹² ГАЧО. Ф.И-11. Оп.1. Д.150. Л.16 об.,25,45 об. — 46.

¹³ Там же. Д.301. Л.21 об.

¹⁴ См.: Отчет войскового агронома по объезду земель Оренбургского казачьего войска летом 1902 г. Оренбург, 1903. С.41.

¹⁵ См.: Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. Спб., 1995. С.205.

¹⁶ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.130. Л.48.

¹⁷ См.: Отчет об Оренбургском казачьем войске за 1914 г. Часть гражданская. Оренбург, 1915. С.101 — 102.

¹⁸ ГАЧО. Ф.И-77. Оп.1. Д.81. Л.1 — 3.

¹⁹ См.: Статистический отчет Оренбургской губернии за 1892 г. С.20.

²⁰ См.: Отчет войскового агронома... С.20.

²¹ ГАЧО. Ф.И-20. Оп.7. Д.16. Л.12 об — 13.

²² См.: Хворостанский П.А. Оренбургский хлебный рынок. Оренбург, 1916. С.4 — 5.

²³ ГАЧО. Ф.И-20. Оп.7. Д.16. Л.41.

²⁴ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.130. Л.24 об.

²⁵ ГАЧО. Ф.И-7. Оп.1. Д.54. Л.9 — 10.

²⁶ Россия. 1913 год. С.191.

²⁷ См.: Барышников М.Н. История делового мира России. М., 1994. С.210 — 211.

²⁸ Оренбургские губернские ведомости. 1909. 15 авг.; 1913. 20 июля.

²⁹ См.: Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске в 1914 г. Оренбург, 1915. С.70 — 71.

³⁰ См.: Голос Приуралья. 1909. 18 сент.

³¹ Оренбургская жизнь. 1914. 7 фев.

³² См.: Отчет о мероприятиях по агрономии... С.74.

³³ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.43. Л.93 об.

³⁴ См.: Отчет войскового агронома... С.40.

³⁵ См.: История Урала в период капитализма. М., 1990. С.100.

³⁶ См.: Голос Приуралья. 1915. 18 дек.

³⁷ ГАЧО. Ф.И-20. Оп.7. Д.16. Л.12.

³⁸ См.: Россия. 1913 год. С.306.

³⁹ См.: Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып.ХI. Оренбург, 1913. С.595.

⁴⁰ См.: Отчет о мероприятиях по агрономии... С.122.

⁴¹ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.40. Л.353 — 355 об.

⁴² См.: Степь. 1910. 29 июня.

⁴³ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.43. Л.193 об., 195 об.

⁴⁴ Там же. С.134.

⁴⁵ ГАЧО. Ф.И-7. Оп.1. Д.53. Л.2 — 2 об.,7,58.

⁴⁶ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.49. Л.119.

⁴⁷ Там же. Оп.3. Д.294. Л.6 об.

⁴⁸ Там же. Л.127 об. — 383.

⁴⁹ См.: Отчет об Оренбургском казачьем войске за 1914 год... С.95.

⁵⁰ ГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.288. Л.166 об.

⁵¹ См.: Попов А.В. Петр Иванович Рычков // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып.33. Оренбург, 1916. С.84.

⁵² ГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.33. Л.251.

⁵³ См.: Отчет о мероприятиях по агрономии... С.65.

⁵⁴ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.40. Л.1 — 5.

⁵⁵ См.: Отчет об Оренбургском казачьем войске за 1914 год... С.103.

⁵⁶ См.: Там же. С.44.

⁵⁷ См.: Там же. С.38.

⁵⁸ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.49. Л.452 об.

⁵⁹ См.: Оренбургская газета. 1915. 27 февр., 19 апр.

⁶⁰ ГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.49. Л.453.

⁶¹ См.: Троицанин. 1913. 5 апр.

⁶² Там же. 21 апр.

⁶³ См.: Отчет о мероприятиях по агрономии... С.76.

⁶⁴ См.: Оренбургская газета. 1915. 20 февр.

А.Л.Худобородов

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ В ЭМИГРАЦИИ (1920-е — СЕРЕДИНА 1940-х ГОДОВ)

В драматической истории оренбургского казачества в XX в. особое место занимает жизнь и деятельность казаков в эмиграции после окончания гражданской войны в России. Жизнь на чужбине не сломила казаков, а еще больше усилила сплоченность, организованность, взаимопомощь, стремление сохранить свои обычаи и традиции, самобытную культуру. Не случайно в 1928 г. бывший член Государственной думы князь П.П.Долгоруков в ответах на анкету Казачьего союза в Париже писал: "В эмиграции мы оценили солидарность и спаянность казаков, выгодно отличающих их от общерусской "людовой пыли". Эти свойства помогают казакам легче приспособиться к новым условиям жизни..."¹. Все это в полной мере относится и к оренбургскому казачеству.

В последние годы в исторической литературе получили некоторое освещение основные направления эмиграции оренбургских казаков в начале 20-х гг., условия их жизни и быта на чужбине². В гораздо меньшей степени исследована общественная деятельность и политические настроения оренбургских казаков в эмиграции. А без этого нельзя в полной мере оценить место и

роль оренбургского казачества в жизни российской эмиграции 20 — 40-х гг.

Основная масса оренбургских казаков, ушедших в 1920 — 1922 гг. за границу, пополнила ряды дальневосточной российской эмиграции. После разгрома армии А.В.Колчака в конце 1919 — начале 1920 г. Оренбургская отдельная армия отошла через Атбасар и Акмолинск в Семиреченскую область, где и вошла в состав 4-го армейского корпуса генерал-майора Бакича, который вступил в пределы Китая и был интернирован в городе Чугучаке³. В дальнейшем 650 оренбургских казаков под командованием генерала Карнаухова были интернированы на границе Монголии и Китая, в районе города Гучен, где и находились долгое время фактически в условиях концлагеря.

Одновременно с генералом Бакичем из Семиречья по направлению к китайской границе отходили отряды оренбургских казаков во главе с войсковым атаманом А.И.Дуговым. Этот поход совершался в тяжелейших условиях мартовских холодов 1920 г. До 1500 оренбургских казаков, преодолевших ледниковый перевал Карасарык, сразу же были интернированы китайцами и долгое время находились в концлагере в Кульдже. Впоследствии, к лету 1923 г. оренбургским казакам удалось выбраться из районов Гучен и Кульджа в города Ханькоу, Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и Харбин.

Часть оренбургских казаков эмигрировала в Китай и Корею из Приморья в октябре-ноябре 1922 г. после поражения там Белой армии. Оренбургские казаки входили в состав Сибирского казачьего корпуса под командованием генерал-майора Оренбургского войска В.А.Бородина. Основной состав Сибирского казачьего корпуса вместе с остатками Земской рати М.К.Дитерихса перешел границу у города Хунчун, недалеко от корейской границы. По распоряжению маршала Чжан Цзо-лина (китайского губернатора "Трех восточных провинций") эти воинские силы были разоружены и вместе с гражданскими беженцами (всего около 7000 человек) были размещены около города Гирина, а через год они рассеялись по линии Китайско-Восточной железной дороги, а также в Северную Маньчжурию.

Небольшая группа оренбургских казаков (школа подхорунжих в 129 человек) была вывезена из Владивостока на пароходе в Корею, в порт Гензан, откуда ее перевели на работу в город Сеул.

По подсчетам журнала "Казачьи думы" (София), в 1923 г. в эмиграции на Дальнем Востоке насчитывалось более 5000 оренбургских казаков. Из них 500 человек было в Харбине в полосе

отчуждения КВЖД, 150 офицеров — в Гирине в лагерях, 100 человек — в Чань-Чуне в лагере, 50 человек — в Юшусине в лагере, 800 — в Маньчжурии, 700 — в Суйдине в лагере, 500 — в Гучене в лагере, 1200 — в Западном Китае в Кульдже, 200 — в Ханькоу, 120 — в Сеуле (Корея), около 700 — в других местах Китая (в Пекине, Тяньцзине, Шанхае, в Монголии и Восточном Туркестане)⁴.

В 1920 г. небольшая часть оренбургских казаков во главе с генерал-майором И.Г.Акулиным вместе с уральскими казаками сумела переправиться из форта Александровск в Закавказье, а затем пересекла в Крым, к генералу П.Н.Врангелю, откуда в ноябре 1920 г. эмигрировала с врангелевскими войсками в Константинополь. В дальнейшем оренбуржцы рассеялись по странам Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы.

Общественная деятельность казаков на чужбине проявлялась прежде всего в сплочении и объединении сил, организации взаимопомощи через создание казачьих станиц. Об этом генерал-лейтенант Донского казачьего войска Т.М.Стариков писал в 1931 г. в статье "Казачьи организации за границей": "В Сербии, Болгарии, а потом и во Франции почти все казаки, за исключением входивших еще в войсковые части, по зову бывшего Войскового атамана генерала Краснова вошли в казачьи станицы, которые в начале создавались исключительно по национальному казачьему признаку для того, чтобы жить своей казачьей семьей и помогать друг другу. Станицы принесли казакам огромную пользу. Самое главное было то, что станицы объединили казаков, не дали им возможности расплыться. В них устраивались кассы взаимопомощи, столовые, подыскивалась работа и т.д."⁵

Создание казачьих станиц активно шло в 20-е гг. и в Китае. В г. Харбине в августе 1922 г. была организована Оренбургская казачья Дальневосточная станица (атаман станицы — есаул Арапов). В 1924 г. казаками-оренбуржцами была образована Оренбургская имени атамана Дутова казачья станица (атаман — генерал-майор В.В.Кручинин)⁶. В Шанхае в 30-е гг. также существовала Оренбургская имени атамана Дутова казачья станица (станичный атаман — полковник В.Д.Кочнев). Казаки этой станицы собрали необходимые средства для издания в шанхайском издательстве "Слово" в 1937 г. книги И.Г.Акулинина "Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917 — 1920"⁷.

В Европе оренбургские казаки входили в состав общеказачьих станиц, в которых преобладали, как правило, донские и кубанские казаки. Так, в 1926 г. в Польше в Донской казачьей

станице (город Волковыск) с хуторами проживало более 230 казаков, в том числе 17 оренбургских. Среди них выходцы из станицы Уйской: А.И. и Г.Д. Приданниковы, Ф.С.Силанов, Н.И.Пальцев, А.А.Пушев, казаки из Верхнеуральской станицы: С.Н.Александров, А.М.Чайков, казаки из станицы Кизильской: В.К.Кузнецов, М.Т.Огурцов, Я.Я.Чиновников, А.А.Ярышков; из станицы Николаевской: В.С.Коннов, М.И.Лаврентьев, Ф.Н.Харитонов, П.К.Жудров; из станицы Засовской: Н.Л.Петров и Г.М.Пушкин⁸. В списке казаков станицы Платовской в Польше (май 1924 г.), желающих выехать во Францию, упоминаются два оренбургских казака: младший урядник М.И.Пласовский (выходец из станицы Михайловской) и Ф.Н.Щелканов (из станицы Прорывной)⁹. В азиатской казачьей станице в городе Целье (Словения) из 25 человек было 2 оренбургских казака¹⁰. Конечно, это далеко не полный список общеказачьих станиц в Европе, где проживали оренбургские казаки.

Множество хозяйственных, бытовых, правовых проблем, с которыми столкнулись казаки на чужбине, невозможно было решить силами только одних станиц. Появилась потребность в крупных казачьих объединениях — казачьих союзах. В начале 20-х годов в Харбине и его окрестностях были также казачьи станицы Иркутская, Уссурийская, Первая и Вторая Амурские. Они вместе с указанными выше двумя оренбургскими станицами и составили основу созданного в январе 1923 г. Восточного казачьего союза с центром в Харбине. Председателем правления и совета этого союза был избран полковник Оренбургского войска Г.В.Енборисов. В состав правления и совета от казаков-оренбуржцев были избраны также надворный советник Архипов и генерал Косьмин. Представителем Восточного казачьего союза в Западной Европе был генерал-майор И.Г.Акулинин, одновременно исполнявший обязанности заместителя атамана Оренбургского казачьего войска после отставки генерала Н.С.Анисимова.

Тогда же, в начале 20-х гг., в Шанхае и его окрестностях возникли казачьи станицы: Амурская, графа Муравьева-Амурского, Сибирская Корниловская, Забайкальская, Семиреченская, Иркутская, Енисейская, Уссурийская, Донская (смешанная, из казаков Донского, Кубанского, Терского войск). Все эти станицы, а также отдельная группа оренбургских казаков в апреле 1925 г. вошли в состав Казачьего союза в Шанхае. Председателем правления союза был избран бывший присяжный поверенный Омской судебной палаты И.Н.Шендриков (Семиреченское войско). В состав правления союза от оренбургских казаков вошел генерал-майор В.А.Бородин.

О цели создания Казачьего союза в Шанхае в его Уставе было сказано: "Казачий Союз в Шанхае ставит себе целью объединение находящихся в Шанхае казаков всех казачьих войск для взаимной духовной и материальной поддержки, для сохранения казачьего единства и исторически сложившихся быта и традиций казачьих, для установления прав и обязанностей казачества и закрепления их при будущем устройстве России, а также для разработки и подготовки к разрешению предстоящих коренных вопросов жизни своих краев"¹¹. Объясняя особую необходимость объединения казаков в Шанхае в единый союз, И.Н.Шендриков и секретарь правления союза, полковник Сибирского казачьего войска А.Г.Грызов писали в Париж 30 апреля 1925 г.: "Шанхайские казаки, т.е. рассыпанные в Шанхае, — частью устроившиеся на различного рода местах и службах, частью добывающие случайный поденный заработок, и частью не имеющие даже такого заработка, — все они, не признающие соввласти и непереходящие в совподданство, с водворением здесь совконсульства, оказались совершенно бесправными. Вот эти-то казаки через свои объединения по войскам и их представителей и составили Казачий Союз в Шанхае"¹².

К концу 20-х годов в состав Казачьего союза в Шанхае входило около 500 человек¹³.

И Восточный, и Шанхайский казачьи союзы постоянно занимались организацией быта, труда и хозяйственной деятельности казаков. Так, правление Казачьего союза в Шанхае сообщало в июле 1929 г. в письме председателю Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека, генерал-лейтенанту А.П.Богаевскому: "Прошлой зимой правлению пришлось истратить большие средства и затратить много энергии по содержанию и организации общежития для беспризорных казаков. Наплыв казаков был из китайской армии. В настоящее время этот вопрос обстоит легче, но вновь начинает докучиваться волна беженства казаков из Забайкалья, Уссури и Амура. Но кроме забот о безработных, Правление занято организацией просветительного отдела включительно до издания своего Казачьего органа. С этой целью высланы люди для установления тесной связи с казачьими территориями. После летних каникул Правление намерено организовать "Казачий дом", где бы помимо библиотеки-читальни, канцелярии, общежития была бы спортивная площадка"¹⁴.

Правление казачьего союза в Шанхае занималось и поиском работы для казаков в других странах — в Западной Европе, Америке, Австралии, а также организацией переезда казаков в другие страны. Например, в письме правления казачьего союза в

Шанхае в Париж от 6 октября 1930 г. содержался список казаков и офицеров неказачьего сословия, проживающих в Шанхае и изъявивших желание переехать во Францию. В этом списке есть и оренбургские казаки: есаул Г.П.Захаров и подхорунжий А.С.Болотов (оба из Еткульской станицы)¹⁵.

Оренбургские казаки в Китае активно сотрудничали не только с Восточным и Шанхайским казачьими союзами, но и с другими эмигрантскими организациями. Так, в Харбине были широко известны среди эмигрантов Комитет помощи русским беженцам во главе с Н.Г.Рачковым и В.И.Колокольниковым, общество инвалидов во главе с генералом Н.Г.Володченко, Союз домовладельцев во главе с бывшим генерал-губернатором Приморья Н.Л.Гондатти. В Тяньцзине значительную помощь казакам-эмигрантам в первой половине 20-х годов оказывало Благотворительное общество во главе с К.В.Жебрак и А.И.Питерс¹⁶. В Шанхае с 1924 г. авторитетной организацией был Комитет защиты прав русских эмигрантов во главе с бывшим российским консулом В.Ф.Гроссе. Тогда же широко развило свою деятельность Русское благотворительное общество в Шанхае, которое открыло несколько дешевых, а также бесплатных общежитий. После раскола в среде российской эмиграции в Шанхае В.Ф.Гроссе вышел из Комитета защиты прав и в 1926 г. создал Русский эмигрантский комитет и благотворительное общество "Помощь". В противовес Русскому эмигрантскому комитету в 1932 г. в Шанхае был создан Совет объединенных русских организаций во главе с генерал-лейтенантом Сибирского казачьего войска Ф.Л.Глебовым, в этот Совет вошли и 5 казачьих станиц¹⁷.

На жизнь оренбургских казаков-эмигрантов на Дальнем Востоке в 20-е гг. оказывал влияние дальневосточный Союз казаков, созданный еще в 1920 г. генерал-лейтенантом Г.М.Семеновым, забайкальским войсковым атаманом. С 1921 г. Г.М.Семенов находился в эмиграции в Китае, проживая в основном под охраной японцев в Порт-Артуре, а затем в курортном местечке Какахашаи, около Дайрена. И здесь Г.М.Семенов продолжал считать себя не только походным атаманом всех казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока, но и преемником государственной власти адмирала А.В.Колчака, а также главным борцом с большевиками в среде дальневосточной белой эмиграции.

Влияние Г.М.Семенова среди казачьей эмиграции уже тогда было значительным. Причем для оренбургских казаков действия Г.М.Семенова имели нередко драматические последствия. Так, в середине 20-х гг. по распоряжению Г.М.Семенова часть дальневосточной казачьей группы в районе Шанхая была выве-

дена из подчинения генерала Ф.Л.Глебова и подчинена генералу Оренбургского войска Н.С.Анисимову. Затем Н.С.Анисимов высадил казаков-забайкальцев с парохода "Монгугай" на берег, а сам с частью оренбургских казаков и с другими своими сторонниками из русской эмиграции Шанхая остался на "Монгугае" и перешел на сторону советской власти, уйдя на пароходе во Владивосток. Исследователь дальневосточной белой эмиграции П.Балакшин заметил по этому поводу: "Это был первый случай массового возвращения эмигрантов в Советский Союз, оставшийся незамеченным за пределами Шанхая"¹⁸.

И все же, на наш взгляд, не следует переоценивать влияние Г.М.Семенова и его Союза казаков на Дальнем Востоке на жизнь российской эмиграции в этом регионе в 20-е гг. Во-первых, китайские власти, опасаясь японской ориентации Г.М.Семенова, относились к нему враждебно и стремились парализовать его влияние на русскую эмиграцию в Китае. Во-вторых, немалая часть белой эмиграции, часть казаков и "капелевцы" из состава колчаковских войск — были настроены решительно против Г.М.Семенова. Неприязненно относилось к Г.М.Семенову и правление Казачьего союза в Шанхае, обвиняя его даже в связях с большевиками¹⁹.

Оренбуржцы, проживавшие в Европе, приняли активное участие, наряду с представителями других казачьих войск, в создании Казачьего союза в Париже. В 1924 г. в Париже было открыто организационное бюро по созданию Казачьего союза под руководством председателя Донского войскового правительства Н.М.Мельникова. Он и стал в дальнейшем председателем правления этого Казачьего союза.

Союз с самого начала рассматривался как партийное, не политическое, а бытовое объединение казаков. В одном из документов о задачах Казачьего союза в Париже было сказано так: "Главной целью Правления Казачьего союза является оказание всякого рода помощи казакам-эмигрантам, устройство казаков на фермах и заводах Франции при всегдашней доброжелательной помощи французского министерства труда и министерства земледелия, воссоединение семей, разбитых революцией и гражданской войной, и перевозка членов семей из других стран, из России к казакам"²⁰.

Во многих казачьих хуторах и станицах были обсуждены проекты программы и устава Казачьего союза, на эти проекты поступили и критические замечания.

Интересные замечания по проекту устава союза, отражавшие позиции казаков Оренбургского и других казачьих войск

востока России, высказал в своем письме Н.М.Мельникову от 16 сентября 1924 г. енисейский казак И.К.Окулич из города Целье (Словения). Он писал: "Членами Союза, согласно проекта устава, могут быть только ОБЪЕДИНЕНИЯ (§2). Таким образом, отдельные казаки, разбросанные ныне по всем частям света, останутся ВНЕ СОЮЗА. Это не значит, что они не склонны объединиться в станицы, группы, а что они фактически не могут этого сделать, в особенности казаки Азиатской России, находящиеся единицами в разных частях Европы (уральцы, оренбуржцы, сибирцы и пр.). Затем, даже в Юго-Славии, например в районе Целье (беру целый уезд и город) нас, казаков, только два — я и сотник Скобелин (донец). В таком положении окажутся многие казаки в Китае, в Японии, на Филиппинах и пр. Если Союз важен как выразитель и представитель интересов ВСЕГО казачества, то он несомненно важен и для этих, волею судьбы разбросанных казачьих единиц. Если они будут члены существующей, функционирующей казачьей организации, это их морально поддержит в текущую минуту лихолетья.

Я позволяю себе об этом говорить не только как казак, но и как бывший представитель 7 казачьих Войск Азиатской России в С(еверной) Америке"²¹.

При окончательной доработке устава это замечание И.К.Окулича было учтено, и в §2 устава Казачьего союза в Париже было записано, что зачислять в союз можно не только группы, но и отдельных казаков.

Окончательное оформление Казачьего союза в Париже завершилось к 1926 г., когда он был официально зарегистрирован французскими властями.

В 1924 — 1926 гг. в адрес правления Казачьего союза в Париже пришли сотни приговоров, рапортов, решений казачьих групп, хуторов, станиц и заявлений от отдельных казаков о вступлении в этот союз. В частности, в январе 1925 г. в Казачий союз вошла Азиатская станица в Словении, город Целье (станичный атаман И.К.Окулич). Тогда же в состав союза вошла группа казаков из города Билеча Королевства сербов, хорватов и словенцев (в группе был и оренбургский казак полковник И.Г.Бобров, из станицы Кумакской)²². В конце 1924 г. группа казаков — земледельцев, находящихся на сельскохозяйственных работах в Ломжинской губернии в Польше, приняла постановление № 1 о вступлении в Казачий союз в Париже. В числе этой группы были и казаки Оренбургского войска²³. Восточный Казачий союз в Харбине рассматривался в качестве отделения (составной части) Казачьего союза в Париже.

К концу 20-х гг. Казачий союз в Париже объединял 188 казачьих организаций (прежде всего, хуторов, станиц и групп), существовавших тогда в 18 странах казачьего рассеяния²⁴.

Казачий союз в Париже занимался, в частности, такими делами, как пересылка денег семьям в Россию, переселение казаков, в том числе и оренбуржцев, в Южную Америку (Аргентину, Бразилию, Уругвай и Парагвай), устройство казаков на работу, открытие библиотек, проведение докладов и бесед по насущным вопросам, организация вечеров, устройство детей в учебные заведения, выпуск газет.

По инициативе Казачьего союза и Донского войскового атамана А.П.Богаевского в Париже в июне 1930 г. была создана благотворительная организация "Казачья помощь"²⁵, которая оказывала материальную поддержку прежде всего инвалидам, больным, безработным из числа казаков-эмигрантов во Франции. От Оренбургского войска в президиум комитета этой организации был избран И.Г.Акулинин. Представители Оренбургского казачьего войска в составе организации "Казачья помощь" приняли участие в проведении крупного общеказачьего концерта — бала в Париже 1 ноября 1930 г. Программа включала выступление известных русских артистов, трех оркестров, лотерею, танцы. Стоимость билетов была от 20 до 40 франков²⁶. Средства, полученные от проведения этого концерта-бала, пошли на благотворительные цели.

О жизни казаков на чужбине, в странах Европы пражский журнал "Казачья земля" писал в 1929 г.: "Годы эмиграции, несмотря на всю тяжесть полуголодного существования, дали возможность казакам пройти хорошую жизненную школу, дали возможность подойти вплотную к европейской цивилизации.

Студенты и офицеры, выбитые войной из их природного русла, за границей окончили высшие школы, многие казаки пооканчивали школы сельскохозяйственные, автотракторные и другие, и почти каждый знает то или другое ремесло"²⁷. В этом была немалая заслуга Казачьего союза в Париже, а также Общеказачьего сельскохозяйственного союза в Чехословакии, Объединения российских земских и городских деятелей (Земгора) и других эмигрантских организаций.

Конечно, не только бытовые и хозяйственные проблемы волновали оренбургских казаков вдали от родины. Оренбуржцы принимали деятельное участие в политической и духовной жизни русского зарубежья. И главными были вопросы будущего своей родины, а также место и роль казачества в дальнейшей жизни России.

В отношении к Советскому Союзу основная масса оренбургских казаков-эмигрантов, как и казаки других войск, была проникнута идеологией белого движения, категорического неприятия политического режима в СССР и политики большевиков. Антисоветская направленность была закреплена в уставах ряда казачьих организаций. Так, в уставе Казачьего союза в Шанхае, принятом 12 апреля 1925 г. на общем собрании учредителей союза, было подчеркнуто: "Членами Казачьего Союза в Шанхае не могут быть казаки организации, признающие советскую власть". Устав допускал сношения и сотрудничество союза и его правления только с несоветскими русскими организациями и учреждениями в Китае.

Для политических настроений оренбургских казаков на чужбине были характерны две особенности. Во-первых, казаки довольно редко вступали в ряды тех или иных общерусских политических партий, действовавших в эмиграции, хотя нередко и симпатизировали идеологии и политике отдельных партий. Чаще всего оренбургские казаки входили в состав казачьих политических объединений и союзов. Исключением, пожалуй, являлся Российский Общевоинский Союз (РОВС), куда непосредственно входили многие монархически настроенные казаки офицеры. В немалой степени это было связано с тем, что РОВС возглавляли известные и популярные в казачьей среде генералы А.П.Кутепов, а затем Е.К.Миллер. РОВС имел отделы во многих странах мира, где жили казаки-эмигранты, и вел среди них активную работу. Так, в Китае и Маньчжурии среди казаков, в том числе и оренбургских, действовали, пытаясь вовлечь их в русло политической, антисоветской борьбы, начальник Дальневосточного отдела РОВС генерал М.К.Дитерихс, а позднее представитель главного правления РОВС генерал Вержбицкий. Упомянутый выше генерал-майор Оренбургского казачьего войска И.Г.Акулинин был редактором казачьего отдела журнала РОВС "Часовой".

Вторая особенность состояла в том, что значительная часть рядовых казаков была далека от активной политической жизни, занята больше своими хозяйственными, бытовыми проблемами и не проявляла особой активности в борьбе с большевизмом, с Советской властью.

Это признавал и на это сетовал И.Г.Акулинин. В 1928 г. он писал, касаясь положения казаков в эмиграции: "Здесь они хотя и оторваны от родной почвы и терпят лишения, но зато свободны, насколько можно быть свободными и располагать собой в беженской обстановке. Во всяком случае, рука палачей из ГПУ над казаками не висит..."

А между тем вышло так, что во время вооруженной борьбы казаки стояли в первых рядах, а в эмиграции оказались на заднем плане.

Попав на чужбину, казаки сошли со сцены и среди политической эмиграции заняли совсем незаметное место...

В эмиграции казачество, как общественно-политическая сила, не играет сколько-нибудь заметной роли. Его совсем не видно на фронте противобольшевистской борьбы.

Виноваты в этом сами казаки, которые в политическом отношении не представляют собой целого. Среди казаков нет единства. Если и впредь будет так продолжаться, с казаками совсем перестанут считаться — и за граница, и русская эмиграция.

Что казаки за границей учатся, работают, садятся на землю, собираются в станицы и хутора — все это очень хорошо и отрадно, но недостаточно.

Казакам надо выделить из себя активных работников для продолжения борьбы — не только на словах, но и на деле.

Казаки должны появиться как действенная общественно-политическая казачья сила, без которой не могли бы происходить никакие сговоры, никакие выступления, никакие действия"²⁸.

Оренбургские казаки в эмиграции представляли в основном два политических течения. Прежде всего, часть оренбуржцев была настроена монархически и тяготела к РОВСу, П.Н.Врангелю, П.Н.Краснову. Убежденным монархистом был, например, первый председатель правления Восточного казачьего союза в Харбине, полковник Оренбургского войска Г.В.Енборисов.

И все же большая часть оренбургских казаков на чужбине примыкала по своим политическим взглядам к умеренному крылу казачьей эмиграции, которое представляли Объединенный совет Дона, Кубани и Терека и войсковые атаманы этих казачьих войск. Это направление выступало под лозунгом единой и неделимой России и с позиций "непредрешенчества", то есть невозможности предрешить до свержения Советской власти форму правления и государственного устройства России. Это течение было довольно широким и пестрым по составу, включая как федералистов, так и скрытых монархистов.

В то же время нужно отметить, что казачьи союзы в Харбине и Шанхае, в которые входили и оренбургские казаки, по отдельным вопросам, например, методам борьбы за свержение Советской власти в СССР, больше поддерживали РОВС и врангелевцев. Так, в отличие от Объединенного совета Дона, Кубани и

Терека Восточный казачий союз в Харбине выступил за участие в Российском зарубежном съезде в Париже в 1926 году (где преобладали явные монархисты), в поддержку великого князя Николая Николаевича в качестве национального вождя русской эмиграции. В работе этого съезда участвовал и заместитель атамана Оренбургского казачьего войска И.Г.Акулинин.

Правда, правление Восточного казачьего союза, с симпатией относившееся к решениям указанного съезда и к его воинственной антисоветской направленности, вынуждено было признать в письме Объединенному совету Дона, Кубани и Терека от 19 июля 1927 г.: "Что касается Зарубежного Съезда, то мы готовы признать, что, может быть, мы не достаточно энергично протестовали против действий Председателя Съезда, вовремя не пресекавшего возможности выпада Генерала Краснова против Атаманов Дона, Кубани и Терека, а также признать и то, что Зарубежный Съезд не проявил должного внимания к казачеству, не послав приветствий или иным образом не отметив своего внимания к живым деятелям и Вождям казачества и вообще казачеству в лице его избранников.

Однако мы продолжаем стоять на том, что отказ Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека и Казачьего Союза (в Париже) от участия в Зарубежном Съезде — есть ошибка и мы хотели бы, чтобы вожди казачества не оказывались позади в деле борьбы за свержение большевиков"²⁹.

Далее в этом письме было подчеркнуто: "Эмиграция должна использовать свое положение в целях борьбы с большевиками, а также и для защиты и ограждения русских интересов от посягательств на них с чьей бы то ни было стороны. В этом весь смысл и значение эмиграции. Для такой борьбы необходимо объединить всю эмиграцию, необходимо, чтобы объединенная эмиграция была возглавлена и руководима единой и сильной волей. Только при этом условии возможна и успешная борьба с большевиками и только тогда с голосом русской эмиграции и ее главителем и руководителем борьбы будут считаться те, от кого зависит помочь нам в нашей борьбе или помешать.

Другого человека, который мог бы возглавить и руководить движением, кроме Великого Князя Николая Николаевича, нет.

Имя Великого Князя Николая Николаевича популярно как за рубежом, так и внутри России"³⁰.

Характерно, что Восточный казачий союз более решительно отстаивал идею единой и неделимой России, чем атаманы Дона, Кубани и Терека. Объясняя это, правление Казачьего союза

в Харбине писало: "Если казачьи войска Европейской России и Кавказа особенно ценят в своей прошлой истории, что они возникли, как вольное казачество, дорожат своими вольностями, то казачьи войска Азиатской России гордятся тем, что они служилые казаки, весь смысл их существования — служба Государству, Стране, Народу. Но как те, так и другие могут существовать только тогда, когда Россия будет освобождена от ига советско-коммунистической власти"³¹. В другом месте письма сказано: "Пусть нашим лозунгом будет сначала "За Родину!", а затем "За Казачество!"³².

Оренбуржцы, как и другие казаки азиатской России, входившие в состав дальневосточной эмиграции, отрицательно относились к взглядам вольного казачества, к самостийникам, выступившим за образование независимого государства "Казакия". Представляет интерес к этому плану позиция правления Казачьего союза в Шанхае по вопросу о самостийниках, изложенная им в 1930 г. в письме в Казачий союз в Париже: "1. Довести до сведения казачьего центра и опубликовать через газеты и периодические казачьи издания, что в Шанхае среди казаков нет ни одного самостийника, и их работа здесь рассматривается как предательство русского национального и казачьего дела. Казачьи края есть прочные якоря центрального русского национального правительства на окраинах Российского государства.

2. В дальнейшем в отношении самостийников придерживаться священных слов Атамана Каледина: "Всяким сепаратным стремлениям должен быть положен предел в самом зародыше".

3. Личные выпады казаков самостийников против выбранных Войсковых Атаманов признать недопустимым явлением в казачьей семье и грубым нарушением славных традиций седой казачьей старины..."³³.

Особо нужно отметить литературно-публицистическую деятельность оренбургских казаков в эмиграции. Казачьи офицеры Г.В.Енборисов, И.Г.Акулинин и А.В.Зуев стремились осмыслить опыт пережитого, изложить свое политическое кредо, свое видение прошлого, настоящего и будущего казачества. В 30-е годы в Шанхае и Харбине выходят в свет их воспоминания³⁴. Основное внимание в них уделялось освещению борьбы белого казачества с властью большевиков в годы гражданской войны, обоснованию идеологии белого движения. С этой точки зрения мемуары имели большое значение в политическом воспитании широких эмигрантских масс, особенно молодого поколения казаков.

Наиболее объективно, на наш взгляд, освещены события гражданской войны в книге И.Г.Акулинина. Автор в частности показывает влияние аграрной политики большевиков конца 1917 — начала 1918 г. на настроение оренбургского казачества, причины поражения Южной армии колчаковцев осенью 1919 г.³⁵ Гораздо более тенденциозно написаны мемуары Г.В.Енборисова. Прежде всего это касается освещения деятельности Верхнеуральского станичного атамана Д.И.Каширина и его сыновей Николая и Ивана, воевавших на стороне Советской власти. Вызывает большие сомнения утверждение автора о его участии в заседании Петроградского Совета летом 1917 г. и успешной полемике с В.И.Лениным³⁶. В документах Петроградского Совета нет никаких упоминаний о полемике В.И.Ленина с Оренбургским войсковым старшиной Г.В.Енборисовым.

После оккупации Японией Маньчжурии в 1932 г. вся жизнь казачьей, как и русской эмиграции в этом районе попала под жесткий контроль японской военщины. В конце 1934 года в Харбине японцами было создано Бюро по делам российских эмигрантов. Его первым начальником был назначен генерал В.В.Рычков, а в дальнейшем эту должность занял генерал-лейтенант Забайкальского казачьего войска А.П.Бакшеев. Без регистрации Бюро эмигрант не мог поступить на службу, переехать на другое место жительства, нанять служащих, также не зарегистрированных в Бюро. Бюро охватывало все слои эмигрантов, в том числе и казаков, и являлось эффективным инструментом контроля над русской эмиграцией со стороны японской военной миссии. В картотеке Бюро было зарегистрировано свыше 44 тысяч эмигрантов³⁷.

С 1932 г. все казаки-эмигранты в Маньчжурии, в том числе и оренбуржцы, постепенно попадают в зависимость от Г.М.Семенова и его Союза казаков на Дальнем Востоке. Характерно следующее признание лидера Русской фашистской партии К.В.Родзаевского: "После образования "Маньчжоу-го" Союз казаков стал быстро заполняться, так как всем были известны дружественные отношения к атаману Семенову японцев. В дальнейшем, с 1937 года, все казаки независимо от желания обязаны были состоять в семеновском Союзе казаков..."³⁸. Непосредственно же Союз казаков на Дальнем Востоке возглавляли А.П.Бакшеев, а в конце 30-х годов — генерал-майор Оренбургского казачьего войска А.В.Зуев.

В среде русской эмиграции, в том числе и казачества, усиленно внедрялась мысль о господствующем положении Японии и ее руководящей роли в Азии по устройству "нового порядка" и

постройке "Крыши о Восьми Углах". В конце 30 — начале 40-х гг. в Маньчжурии не проходило ни одного крупного казачьего праздника или торжества, где бы не провозглашались здравицы и "Банзай" "в честь Великой Ниппонской Империи, служащей великим целям поддержания мира и порядка в Восточной Азии"³⁹.

Вторая мировая война усилила политическое размежевание среди российских эмигрантов, в том числе и в рядах оренбургских казаков. Еще накануне войны в зарубежном казачьем движении сформировалось два течения: "оборончество" (выступало за оборону, защиту СССР в случае нападения агрессора — Германии, Японии) и "пораженчество" (выступало за поражение СССР в новой войне, чтобы тем самым уничтожить сталинский, коммунистический режим и создать независимое казачье государство на территории России — Казакию).

После нападения фашистской Германии на Советский Союз часть оренбургских казаков решительно поддержала СССР в этой войне, активно участвовала в антифашистском движении Сопротивления. Так, оренбургский казак полковник Федор Евдокимович Махин являлся одним из руководителей отдела пропаганды Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) и начальником его исторического отдела. Умер Ф.Е.Махин в июне 1945 года в звании генерал-лейтенанта НОАЮ.

Часть казаков-эмигрантов воевала в 1943 — 1945 гг. в составе вермахта против Красной армии, они подчинялись Главному управлению казачьих войск во главе с П.Н.Красновым. Для решения вопросов, связанных с жизнью казаков на территории Германии и оккупированных ею стран, гитлеровское руководство создало при министерстве по восточным делам "Казакен Лейтештелле". Оренбургский казак есаул Ивановский возглавлял редакцию журнала "Казачьи ведомости" ("Козакен нахрихтен")⁴⁰.

В Маньчжурии многие оренбургские казаки-эмигранты в конце 30-х годов в принудительном порядке были мобилизованы японскими оккупационными властями в специальные военизированные отряды. В Хайларе, например, был сформирован отдельный казачий отряд во главе с полковником И.А.Пешковым. Призыв состоял примерно из 250 новобранцев, преимущественно из Трехречья, Хайлара и других районов по западной ветке КВЖД. Кроме того, в Западной Маньчжурии из нескольких сот казаков был создан Захинганский корпус во главе с генералом П.А.Бакшеевым.

И все же вытравить патриотические чувства из казаков-эмигрантов и заставить их воевать против СССР японцам не

удалось. Не случайно в августе 1945 г. за отказ поднять оружие против советских войск японцами был расстрелян из пулеметов Хайларский отряд казаков, а два других отряда разоружены и расформированы⁴¹. Несмотря на отсутствие у казаков-эмигрантов особой симпатии к политической системе и власти коммунистов СССР, они в своей основной массе в годы Великой Отечественной войны остались убежденными патриотами своей Родины.

Вторая мировая война имела трагические последствия для казачьей, да и всей русской эмиграции — исчезли центры русской эмиграции на Дальнем Востоке, в Чехословакии, Югославии, Болгарии и других странах. Многие оренбургские казаки-эмигранты устремились в Австралию, Канаду, США, Аргентину и другие страны Латинской Америки, где до сих пор существуют казачьи организации.

Оренбургское казачество, как и представители других казачьих войск России, оставило яркий след в истории русского зарубежья. Изучение общественно-политической деятельности оренбургских казаков-эмигрантов, их литературного и публицистического наследия позволяет полнее и глубже осмыслить историю и традиции русской эмиграции.

Примечания

¹ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д, 1992. С.39.

² См.: История казачества Урала. Оренбург — Челябинск, 1992. С.224 — 227; Долгих А.И. Казачья эмиграция 1920 — 1930-х гг. // Казаки России (Проблемы истории казачества). М., 1993. С.172 — 234; Априлков А.В., Попов Л.А. Оренбургские казаки в эмиграции // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. Челябинск, 1994. С.131 — 142.

³ См.: Камский. Русские белогвардейцы в Китае. М., 1923; Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917 — 1920. Шанхай, 1937. С.156 — 158.

⁴ См.: Донской М. Оренбургские казаки на Востоке // Казачьи думы. (София). 1923. № 7. С.14.

⁵ ГАРФ. Ф.6473. Оп.1. Д.40. Л.3.

⁶ См.: Оренбургское казачье войско: Исторические очерки. С.137 — 138.

⁷ См.: Акулинин И.Г. Указ.соч. С.23

⁸ ГАРФ. Ф.6679. Оп.1. Д.45. Л.237 — 239 об.

⁹ ГАРФ. Ф.6679. Оп.1. Д.13. Л.17 — 17 об.

- ¹⁰ ГАРФ. Ф.6679. Оп.1. Д.11. Л.54 — 55.
¹¹ ГАРФ. Ф.6679. Оп.1. Д.18. Л.5.
¹² ГАРФ. Ф.6679. Оп.1. Д.18. Л.2.
¹³ Там же. Д.19. Л.14.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Там же. Л.31.
¹⁶ См.: Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т.2. В эмиграции (1920 — 1924). Тяньцзинь, 1940. С.181 — 183.
¹⁷ См.: Балакшин П. Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т.1. Сан-Франциско — Париж — Нью-Йорк, 1958. С.325 — 419.
¹⁸ Балакшин П. Указ.соч. С.337.
¹⁹ ГАРФ. Ф.6679. Оп.1. Д.18. Л.9 об.
²⁰ ГАРФ. Ф.6679. Оп.1. Д.10. Л.2.
²¹ ГАРФ. Ф.6679. Оп.1. Д.36. Л.1 об.
²² Там же. Д.11. Л.28.
²³ Там же. Л.59.
²⁴ См.: Мельников Н.Н. Краткая история расселения казачества и его деятельность за рубежом // Кубанец. Журнал Кубанского казачьего союза (США). Нью-Джерси — Москва, 1993. № 4. С.80.
²⁵ ГАРФ. Ф.6679. Оп.1. Д.115. Л.4 — 6.
²⁶ Там же. Л.23 об.
²⁷ Казаки России С.213.
²⁸ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С.71 — 72.
²⁹ ГАРФ. Ф.6679. Оп.1. Д.33. Л.9.
³⁰ Там же. Л.3.
³¹ Там же. Л.5.
³² Там же. Л.10.
³³ Вольное казачество. Прага. № 73. 1931. 25 янв. С.4.
³⁴ См.: Енборисов Г.В. От Урала до Харбина (Памятка о пережитом). Шанхай, 1932; Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917 — 1920. Зуев А.В. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом. 1918 — 1922 гг.: Очерки. Харбин, 1937.
³⁵ См.: Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. С.36 — 66, 83, 144 — 146.
³⁶ См.: Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. С.13 — 16.
³⁷ См.: Балакшин П. Финал в Китае. Т.1. С.181.
³⁸ Кентавр. 1993. № 4. С.103.
³⁹ Луч Азии. Харбин. 1939. № 64 (12). С.42.

⁴⁰ См.: Ленивов А.К. Под казачьим знаменем в 1943 — 1945 гг. Мюнхен, 1970.

⁴¹ См.: Оренбургское казачье войско: Исторические очерки. С.141; Кайгородов А.М. Маньчжурия: август 1945 (Воспоминания) // Станица: Газета Союза Казачьих Войск России. 1992. № 7. С.5.

Н.С.Шибанов

КАЗАЧЬЯ ЗАСТУПНИЦА И ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА: ТАБЫНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Еще в детстве, проживая у деда — казака, узнал, что наши предки — казаки Полтавского поселка — были переселены сюда из Табынской станицы. Бабушка часто вспоминала знаменитую в прошлом икону Табынской Божией Матери и часто просила мою сестру, проживавшую в тех местах, привезти ей бутылочку водицы из святого родника. А потом эта бутылочка с водицей месяцами стояла на божнице. В святые дни: Рождество, Пасха, Троица — кропила ею углы избы и домашнюю мебель. Лишь позже, в 60-е годы, мне удалось побывать в Табынске и у святого родника, омыть лицо и тело водой источника, послушать молебен верующих у святой березы.

В 142 километрах южнее Уфы, на берегу быстрой речки Усолки, раскинулись белые корпуса крупного курорта Башкирии “Красноусольский”. Целебную воду и грязь для лечебницы дают соленые родники, бьющие на усыпанных галькой и местами заболоченных берегах горной речки. Родников с холодной горной водой здесь около 20, а самый мощный из них, с ледяной и терпко-соленой водой, раньше назывался святым.

Соленые ключи открыты еще при Иване Грозном. После покорения Казанского ханства Башкирия добровольно присоединилась к Российскому государству. Для охраны башкир от набегов киргиз-кайсаков и защиты русских поселенцев от набегов коренного населения в краю построили несколько городков-крепостей, в числе первых из них оказались Уфа, Бирск, Мензелинск и Табынск. В 1574 году, во время закладки воеводой Иваном Нагим Уфимского городка, его казачий отряд, спустившись по реке Белой, на одном из ее притоков открыл

многочисленные соленые родники и отстроил на этом месте городок. Немного погодя на соленых ключах устроили небольшой завод, соленые варницы, а сам городок стали называть "солеваренным городком".

В первые годы "солеваренный городок" считался лишь маленьким укреплением, выполнявшим роль охраны соленых варниц, размещенных на берегу речки Усолки. В те времена здесь вываривали десятки пудов соли и отправляли по реке Белой в Уфу, Бирск и другие города Урала.

В средневековой Руси для скорейшего и успешного освоения новых земель и покорения коренного народа бытовало правило: "Где зимовье ясащенное — там крест, где городок — там и управление воеводское, огнестрельный снаряд и монастырь, кроме церкви"¹.

Это прочно укоренившееся правило древнерусской колонизации применили и в период освоения "солеварного городка", сделав одно лишь исключение: управление воеводское осталось за Уфой, а вот монастырь рядом с городком возвели. Монастырь, или, как называли его в средневековье, Вознесенская пустынь, расположился в живописном месте, среди березовых и дубовых деревьев, на поляне пологого склона большой горы. От него к реке вел широкий, около десяти метров пологий спуск: плотно утрамбованный и расчищенный. Вознесенскую пустынь заселили мужчинами-иноками. И эта отдаленная святая обитель начала свою миссионерскую деятельность в глухом краю губернии. Монастырь числился за Казанской епархией, созданной в 1555 году после покорения Казанского ханства².

Первое упоминание о солеваренном городке и отстроенном рядом Вознесенском монастыре-пустыне исследователи нашли в жалованной грамоте царя Федора Иоановича, повелевшего тамошним людям переписать монастырское имущество, которое сохранилось после пожара и разгрома башкирами святой обители:

"А того ради царь и великий князь Федор Иоаннович всея руссии самодержец указал тебе старцу Ионе, не могшав (немедля) ехать в Уфимский уезд в Вознесенскую пустынь, ногайской дороги, что башкирами сожжена, а братья разсеяна, о чем Великому Государю царю и великому князю Феодору Иоанновичу всея руссии бил челом тоя Вознесенския пустыни с Уфимского уезда строитель черный поп Иларион, а того ради тебе старцу Ионе, будучи в той пустыне Вознесенской, всякое церковное имущество, утварь, какая если осталась или разграблена башкирами, равно колокола все то переписать, а также какое есть строение, кельи и

службы также переписать, а и где были тому монастырю нами Великим Государем жалованы, а на те земли Вознесенской пустыни наши грамоты утеряны, те земли переписать же со тщанием и нам о всем том великому Государю царю и великому князю Федору Иоанновичу всея руссии самодержцу сказку за твоим и строителя черного попа Илариона подписом подать на москве в патриарш приказ"³.

Федор Иоаннович, сын Ивана Грозного, царствовал с 1584 по 1598 годы, следовательно, где-то в эти годы было нападение на пустынь, а соленый городок к 1584 году уже отстроили. Царь, таким образом, пожаловал монастырю 40 десятин земли; судя по малому наделу, святая обитель была небольшая и в ней проживало десять или чуть более монахов.

Второе упоминание о Вознесенском монастыре встречается в жалованной грамоте царя Алексея Михайловича от 20 июля 1657 года, в ней он на имя Уфимского воеводы и в ответ на челобитное письмо "черного попа", иеромонаха Захария, с братией о закреплении за монастырем земельных угодий, пожалованных им царями Федором Иоанновичем и Михаилом Федоровичем, утвердил право монастыря на эту землю, находящуюся "около солеваренного городка по реке и выше речки Коренной, называемой Усолкою и до бора березовика и до горы березовой"⁴.

Монахи просили эту землю для того, чтобы они смогли "пашни пахать и сено косить". Как видим, основным способом добычи средств к существованию монахов было хлебопашество и скотоводство. Кроме того, они занимались также и рыболовством: в мелководной, но чистой и холодной горной речке во множестве водилась рыба — гальяны, ельцы и хариусы. Но хотя монастырь был небогатым и небольшим, его неоднократно разрушали и сжигали башкиры. Окончательное разорение и уничтожение Вознесенского монастыря произошло в 1676 году, в период Сеитовского восстания. И на пологом лесистом склоне горы сейчас возвышается небольшой, около трех метров высотой, бугор с кучами камня, щебня. По краю бугра можно заметить неглубокую канаву с остатками каменного фундамента, протяженностью около 600 метров, рядом с ним просматриваются остатки углублений, видимо, бывшие кельи.

Вместе с монастырем неоднократно разорялся и разрушался "солеваренный городок". Учитывая, что монастырь основан незадолго до первого бунта башкир в 1584 году, а окончательно уничтожен в 1676 году, можно сделать вывод о недолгом, всего лишь столетнем его существовании. А значит, этот монастырь не смог до конца исполнить свою просветительскую,

духовно-миссионерскую задачу, но зато после него осталась святая икона Табынской Божией Матери, сыгравшая громадную роль в религиозно-нравственном воспитании людей Южного Урала.

Если монастырь башкирам удалось в конце концов стереть с лица земли, то солеваренный городок, несмотря на неоднократные набеги и разрушения, в короткие сроки восстанавливался, продолжал существовать и сохранился до наших дней, но уже под другим названием и в другом месте. Солеваренный городок, как и соленые варницы, принадлежал богатым купцам нашего края, братьям Осокиным. Они вместе с компаньоном Утятниковым приняли самое активное участие в обустройстве и укреплении городка.

Еще в 1663 году в Уфимском уезде, на речке Усолке, в Табынском городке, велено было "для воинского бережения устроить острог тутюшными жилищными людьми и поместить в него конных и пеших стрельцов"⁵. Его сильно укрепили, но это не спасло от очередного разгрома. Незадолго до прибытия статского советника Кирилова в Уфу, где-то к началу 1735 года, солеваренный городок снова разорили, сожгли и церковь. Его снова отстроили и укрепили, но уже в другом месте. В своем письме тайный советник Кирилов, адресуясь к полковнику Тевкелеву, пишет 16 октября 1735 года, что "он заходил в Табынск, который хорошо укрепился и здесь узнал, что башкиры делали на него (т.е. на Табынск. — Н.Ш.) нападение, причем десять нарочитых воров переловлено, а несколько десятков побито"⁶.

Он одобрил деятельность Осокина и Утятникова, прибавил к гарнизону солдат. Происхождение названия "Табынский", сменившего "солеваренный городок", объясняют по-разному. Одно из распространенных: "Табынск" переводится на русский язык как "вот удобное место". Но скорее всего объясняется проще: крепость названа так по волости, в которой она была расположена. Существовало несколько волостей с подобным названием: Дуван-Табынская, Юрман-Табынская, Кара-Табынская и другие⁷.

Кирилов, выполняя Указ императрицы Анны Иоанновны о создании и укреплении Табынской крепости, 14 июля 1736 года заложил земляной городок о пяти бастионах и церковь. Он приказал заселить крепость служивыми мещеряками, казаками и ссыльными людьми, всего 300 человек. Сюда же подсадили две сотни солдат, наделенных землей. Эта крепость была заложена, как уже отмечалось, в 12 километрах от бывшего солеваренного городка, на берегу реки Белой, где и сейчас находится большое село Табынское. Отметим, что в Табынске не было до этого

храма, вероятно, после очередного набега "бунтовливых" башкир храм был разрушен, а правитель крепости Утятников вместе с Осокиным впали в раскол, а потому не торопились строить церковь. И табынцы удовлетворяли свои религиозные чувства, отправляли обряды лишь с помощью одной иконы Табынской Божией Матери, помещенной в часовне или в доме казака. Во вновь отстроенном храме для знаменитой иконы пристроили специальный придел, куда и поместили ее.

Вначале икону называли Казанской. Двойное название святыни, вначале Казанская Божия Матерь, а затем "Табынская", объясняется тем, что при постройке Вознесенского монастыря сюда привезли копию иконы Казанской Богоматери, обретенной в 1579 году, и ее по традиции называли "Казанской", много позже ее переименовали по месту нового пребывания в "Табынскую". Икона по цвету была темной, желто-коричневой, размером 100 на 75 сантиметров и толщиной, примерно, 4 сантиметра. Края ее были неровные, в середине трещина — следы удара топором.

В многовековой истории Казанской и Табынской Богоматери отмечается несколько случаев ее исчезновений и явлений или обретений. Периодические ее исчезновения связаны, по всей вероятности, с набегами башкир на городок-крепость и монастырь и их разорением. Монахи и жители крепости рассеивались по лесам и горам, а святую икону — прятали. А по прошествии определенного времени она вновь появлялась или обреталась церковными или монастырскими служителями.

Первое обретение иконы произошло где-то в середине XVII века. Дьякон Вознесенского монастыря, возвращавшийся с покоса, услышал вдруг слова: "Да потщится правоверующая братия богоспасаемого монастыря принять Меня в храм Господа Моего". Он вначале испугался, не внял голосу, но при повторном следовании по тому же месту услышал вторично эти же слова. Вернулся к горе и увидел рядом с ключом, на камнях, стоящую икону. Осторожно взял ее и принес в монастырь. С тех пор эти камни стали называться святыми⁸.

Вторая легенда гласит, что икону нашли после Пасхи мужики, схавшие за дровами, возле одного из ключей. Ее отвезли в Табынскую церковь. Ночью икона исчезла, ее нашли и принесли. И так происходило до тех пор, пока не организовали крестный ход от Табынска до святого источника. И Богородица смирилась и осталась в церкви.

Третье предание приурочено к окончательному уничтожению Вознесенского монастыря башкирами и относится к первой половине XVIII века, когда была отстроена новая церковь. Икону

нашли неверные башкиры (в другом варианте — один башкир). Они начали рубить ее топором, раскололи и бросили в источник. Но произошло чудо: половинки в воде сошлись и срослись. Башкиры удивились и вытащили икону, тут же они заметили, как из глаз Богородицы потекли слезы, а в трещине, появившейся в середине, выступила кровь. Потрясенные башкиры тут же ослепли. Долго бродили они слепыми в лесу, пока один из них не раскаялся и не получил прощения от Святой Матери. Прозрев, он вместе с товарищами встал на колени и начал истово молиться. Святая Божия Мать услышала их молитвы и раскаяние и даровала им всем прозрение. И первый прозревший башкир принял христианство. Табынцы узнали от него о месте нахождения иконы и принесли ее в храм. Вот это третье явление (обретение) святой иконы совершилось в девятую пятницу после Пасхи. В честь последнего обретения святыни жители поселка Табынского установили ежегодное празднование: явление святой Табынской Божией Матери в девятую пятницу по Пасхе⁹.

Этот праздник канонизировали, учли в православном календаре и отмечали не только в Табынске, но и по всему Южному Уралу и даже в России. А в следующее после праздничной пятницы воскресенье проводили торжественный многолюдный крестный ход со святой иконой на святой ключ и служили здесь прекрасный молебен.

Праздник святой иконы в девятую пятницу связан у казаков станицы Табынской еще с одним важным событием: казаки в этот день, проведя торжественный молебен, выступили против мятежного отряда башкир и наголову их разбили, именно на том самом месте, у ключа, где явилась святая икона. Как уже сказано выше, места, где являлась или пребывала святая икона, были также признаны святыми и чрезвычайно почитались православными: здесь проводились молебны, омовения, исцеления больных и другие ритуалы.

До последних дней почитаются святой источник, святые камни и святая береза, расположенные недалеко от реки, рядом с которой в конце XIX века возвели часовню. Святой источник и камни сохранились, а вот святая береза сгнила, упала и истлела. Удалось также установить следы проведения молебнов на обширной поляне, что на правом берегу Усолки: около толстого, чуть не в два обхвата, дуба была размечена концентрическими полукругами площадка протяженностью до 50 метров и такой же примерно ширины. Полукружья отмечались ровной вырытыми канавами. На дубе обнаружены были и гвозди, на которые вешали иконы и другие священные предметы.

По письменным источникам и воспоминаниям старожилов известно, что на молебны в святые праздники — дни девятой пятницы — на протяжении XIX века и вплоть до 20-х годов нашего столетия собиралось двадцать и более тысяч верующих из Челябинской, Оренбургской, Самарской и Тобольской губерний, из Башкирии, Тургайской и Уральской областей.

Икону под охраной казаков, крестным ходом, торжественно и с песнопениями приносили из Вознесенской церкви, что в поселке Табынском, к святому источнику. Многотысячные молебны проходили на просторных полянах: у часовни, у дуба и рядом со святой березой. Многие приезжавшие сюда из дальних мест казаки и казачки, крестьяне и крестьянки, купцы и мещане набирали после молебнов святую воду (в бидоны и ведра) и увозили с собою. И ею, как священным даром, кропили в домах углы и всех членов семьи.

Святой прозрачной водой из святого ключа верующие паломники и простой люд, больные и ослабевшие христиане омывали тело, лицо, купались в источнике и — исцеляли свои язвы и болячки, обезноженные и калеки — вставали, слабые — крепили, слепые — прозревали. И дело не только в целебных свойствах соленой и холодной воды, но и в неистовой вере тысяч людей: воистину — вера двигает горы...

В исторических монографиях и исследованиях отмечены многие случаи чудес и необычного воздействия иконы Божией Матери и святого источника. Генерал-майор В. Чернов в своих воспоминаниях-записках, опубликованных до революции в трудах Оренбургской ученой архивной комиссии, поведал о чудесном исцелении одной казачки. Во время пребывания в Оренбурге святой иконы она, будучи слепа на один глаз и плохо видя другим, истово молилась, смотрела на икону и просила исцеления. И вдруг почувствовала, что зрение у нее восстановилось, а на душе стало тепло и радостно. С тихой радостью и благостью она самостоятельно ушла домой¹⁰.

О втором чуде поведал благочинный протоиерей храма Богоявленского завода (теперь Красноусольского) Базилевский. Когда он забрал святую икону Божией Матери из Табынска в заводской храм, то на другой день у него онемела и отнялась рука. Он созвал притч и сказал: "Неудобно Божией Матери мое распоряжение..." После раскаяния и водворения иконы на прежнее место священник Базилевский излечился и поправился¹¹. С той поры никто не пытался святую икону куда-либо перенести или перевезти на постоянное хранение.

Табынская Божия Матерь оказывала исключительно сильное и действенное влияние на всех людей, соприкасающихся с ней. Укрепляла их веру в Бога, настраивала души на высоко нравственный лад, порождала патриотические чувства народа и помогала соблюдать верность царю и Отечеству. Достаточно сказать, что во время пугачевского бунта большинство табынских казаков оказались верными присяге и не поддержали Пугачева. Лишь отдельные отщепенцы-табынцы, вроде Кузнецова Ивана (стал атаманом повстанцев), Красильникова Тимофея, Ражаева Михаила и других, примкнули к повстанцам¹².

После отступления из-под Уфы один из предводителей повстанцев, казак Чика-Зарубин, пытался скрыться в Табынске, но казаки выдали его полковнику царского отряда И.И. Михельсону. Именно Табынскую крепость рекомендовал генерал-майор Фрейман приказчикам и рабочему люду Авзяно-Петровского завода как надежное место для укрытия и спасения от пугачевских войск и предлагал им в тихой обстановке переждать смутное время. Поэтому можно сделать вывод, что в Табынской крепости казаки не поддались на агитацию и посулы пугачевцев, не боялись их наскоков и чувствовали себя надежно защищенными. За эту верность царю и Отечеству башкиры невзлюбили табынцев, в июле 1774 года сожгли предместье поселения и отогнали скот¹³.

Позже, в первой половине XIX века, табынские казаки были выселены на новую линию и поселились в степном поселке, названном Полтавским, часть казаков переселили в Кундравы и Соколовку.

Свое благотворное влияние святая икона оказывала и на жителей отдаленных губерний. Дело в том, что с середины XIX века крестные ходы с молебнами стали проводить не только на святые места у речки Усолки, но и по уезду, а затем по губернии и по всему Южному Уралу. Большой бедой для российского народа в те времена были широко распространявшиеся по губерниям эпидемии холеры и тифа. В 1848 году в Оренбуржье разразилась эпидемия холеры. Жители Стерлитамака, в чей уезд входил поселок Табынский, решили привезти к себе чудотворную икону Богоматери, испросив на это специальное разрешение. После прибытия иконы и крестного хода по городу и его окрестностям холера притихла. Месячного пребывания святыни в городе оказалось достаточным, чтобы эпидемия совсем прекратилась, а народ окреп духом и повеселел. С той поры стерлитамакцы ежегодно, ко дню девятой пятницы, стали приносить в город святую икону.

В губернский город Оренбург икона святой Богоматери впервые была принесена в 1854 году также для пресечения эпидемии холеры. И опять же целебное воздействие иконы оказалось очень благотворным и сильным, поэтому с 1856 года ее пребывание в Оренбурге и его окрестностях стало традиционным ежегодным. Согласно Высочайшего Императорского Величества соизволению икона Табынской Божией Матери должна прибывать в Оренбург в сентябре, а в Стерлитамак — в девятую пятницу после Пасхи. Срок определялся месячный: с 8 сентября по 8 октября.

В Оренбург святая икона прибывала 7 сентября, накануне престольного праздника (8 сентября — день рождения Божией Матери), к этому времени в губернский город приходили и приезжали тысячи верующих из соседних уездов и губерний. Составлялось строгое расписание, указывались места и время пребывания иконы. Святую икону чествовали всенародно, Навстречу, за город, выходили городское и губернское начальство, духовенство, воинские подразделения с чинами и простой люд. Процессию встречал колокольный перезвон, музыка военных оркестров и пение архиерейского хора. Икону помещали в кафедральный собор и на следующий день, 8 сентября, проводили торжественный молебен и крестный ход с иконой на реку Урал и вокруг города.

Если Пасха наступала в ранние сроки, то икону успевали привезти не только в ближайшие города — Верхнеуральск, Орск, Троицк, но и доставляли в отдаленные места — в Челябинск, Кустанай, Уральск и даже в Самарскую губернию. Икону, таким образом, вывозили с конца июня или начала июля и до весны будущего года, когда ее снова водворяли в Вознесенскую церковь Табынского поселка. И там она оставалась до следующего праздника девятой пятницы. Икону выносили и вывозили под казачьим конвоем, а дни ее пребывания в поселках Оренбургской и других губерний строго учитывались и соблюдались.

И всюду ее встречал ликующий простой народ: крестьяне и казаки, рабочие и мещане, купцы и священники — все они воздавали большие почести святыне, уповая на ее милость и заступничество. Испытывая истинное ликование и душевный подъем, верующие люди стремились увековечить память о ее пребывании. Например, жители Верхнеуральска были так воодушевлены и обрадованы прибытием в город образа Богоматери, что для увековечения этого события соорудили на месте встречи святыни, на горе Извоз, памятник в виде простого четырехугольного кирпичного столба с четырьмя нишами для икон. Верх стелы-столба прикрывался четырехскатной крышей с гребешком¹⁴.

Нельзя без волнения читать рассказ о пребывании святой иконы в городе Уральске, опубликованный в Оренбургских епархиальных ведомостях за 1873 год: "Тысячи святоусердствующего народа, духовная процессия встречали святую икону версты за три от города и, перейдя мост у рыбной заставы, остановились для крестного молебствия и приложения к чудотворному лику. Настала невозмутимая тишина — все как будто оцепенели кругом... Православные, единоверцы и раскольники всех толков и сект забыли рознь и молились вкуче. Заступница усердная всех умирала, всем оказалась тихим пристанищем и благим матерным покровом. Образ Великой заступницы пробыл в Уральске и окрестностях 42 дня"¹⁵.

После этого начиналось шествие в поселках области: Теплый, Красный, Каменный, Новоозерный и другие. Всего за восемь-девять месяцев Табынская Богоматерь проходила несколько губерний и областей, или громадный, в 4000 верст, путь. Указанный крестный ход в честь Табынской Богоматери был самым длинным в России. Подобного многомиллионного поклонения и прославления святыни в империи не было, хотя в дореволюционной России было немало канонизировано икон с ликом Божией Матери: уже упомянутая Казанская, Донская, Смоленская и другие. Донская, к примеру, икона Божией Матери была известна со времен Куликовской битвы, и ее покровительство отряду казаков да и всем полкам русичей помогло наголову разбить полчища Мамай.

Все эти святыни на протяжении столетий играли громадную роль в деле патриотического и духовного воспитания народа и в особенности казачества. Ведь "по своей сущности, — как правильно отметил историк Н.Чернавский, — казачество представляло из себя род религиозного братства, которое, устроив свою жизнь на строго религиозных началах, крепко берегло свободу и неприкосновенность своей веры". И далее религиозный мыслитель и историк отмечал: "Русские шли на рать не только в защиту себя по чувству самосохранения, но и для охраны своей веры, будучи воодушевляемы, между прочим, религиозными мотивами и придавая самой борьбе священный характер"¹⁶.

Вот почему в период первой мировой войны, начиная с 1914 года, Табынская Богоматерь, как покровительница и заступница оренбургских казаков, находилась в действующей армии. Полковые и армейские священники с иконой в руках благословляли казаков на ратные подвиги, посещали госпитали и, как могли, облегчали их страдания.

Авторитет иконы Табынской Божией Матери был настолько высоким, что по ее образу и мотивам создавались другие иконы, которые также хорошо служили укреплению боевого духа и веры российских воинов. Одну из таких икон, уже в наше время, удалось разыскать и приобрести казакам Челябинского городского общества. Икона размером примерно 60 на 50 сантиметров хорошо сохранилась и называлась "Явление Божией Матери Оренбургским казакам в 1914 году". На ней хорошо просматривались несколько оренбургских казаков, застывших в окопах в святом восторге, созерцая спускавшийся к ним из облаков образ святой заступницы Богоматери.

В период гражданской войны атаман Оренбургского казачьего войска А.И.Дутов эффективно использовал авторитет и святость иконы для привлечения рядовых казаков в свою армию. Именно приверженность его самого и атамано-офицерских кругов к старой вере и ее традициям, уважение и почитание казачьей святыни привели в стан белоказачьей армии десятки тысяч простых казаков. После поражения армии Дутова икону увезли за кордон казаки-эмигранты, и она снова служила изгнанникам родины, укрепляла их дух и утешала слабых. Но до сих пор не удалось отыскать место ее нахождения. Скорее всего она находится у потомков оренбургских казаков, проживающих в Австралии или США.

... Прошли годы и десятилетия, выросли новые поколения, и лишь немногие оставшиеся в живых старожилы Табынска и Красноусольска (ранее Богоявленск) помнили былые всенародные праздники — многотысячные торжественные крестные ходы и молебны, посвященные святой Богоматери, у святых мест. Рядом с целебными источниками высятся белые корпуса курорта "Красноусольский". Верующим запретили не только служить у святого источника, но и не стали близко подпускать к нему. И все же верующие, старики и старушки, девушки и парни, шли и шли к святым камням, к ключу и святой березе, чтобы молча постоять и послушать молитвы, омыть лицо святой водицей и часть ее взять с собой.

Вспоминается лето 1962 года, отдых у старшей сестры, работавшей медсестрой в санатории "Красноусольский". Наступила девятая пятница — праздник святой иконы. С утра около источника, за рекой, собралась кучка пришлых людей. В основном старушки, среди них выделялся строгий, сухощавый, прилично одетый мужчина. Когда собралось человек 15 верующих, пошли медленно по тропе вверх, по лесистому склону горы. Потянулся вслед за ними: уж очень хотелось присутствовать на

молебне. Вокруг нас стояли молодые дубки, минут через 15 достигли плотно утоптанной просторной площадки: кругом тихо, видны крутые скаты лесистых гор. Посредине стояла толстая столетняя корявая береза, та самая, святая: с большим дуплом у основания и вся обгоревшая и оплавленная воском. Мужчина снял шляпу, расплел косичку, расчесался и превратился в молодого степенного священника. И началось почти часовое священнодействие: читались молитвы, пелись псалмы, бились низкие поклоны. Прозвучал и тропарь, посвященный иконе Божией Матери:

“Заступнице Усердная, Мати Господа Вышняго, за всех молиши Сына Твоего, Христа Бога нашего, и всем твориши спастися в Державный Твой покров прибегающим; всех нас заступи, о Госпоже Царице и Владычице, иже в напастех и в скорбех и в болезнях, обремененных грехи многими, предстоящих и молящихся Тебе умиленною душею и сокрушенным сердцем пред пречистым Твоим образом со слезами, и невозвратно надежду имущих на Тя избавления всех зол, всем полезная даруй и вся спаси, Богородице Дево, Ты бо еси Божественный покров рабом твоим”¹⁷.

И тихо льются голоса старушек, их баском обрамляет голос священника. И мягко шелестят листья молодых дубков. Здесь чисто, прохладно и — уютно. После молебна все также медленно спускаемся к речке, священник облачается в гражданскую форму и прощается с нами.

Недаром маскировался святой отец. К этому времени из Уфы прибыл наряд в количестве шести милиционеров. Оцепив территорию вокруг источников, пресек все попытки верующих достигнуть святого родника. И тихо стало кругом, людей как ветром сдуло. Возвращаясь в дом, недалеко от мостика через речку, заметил в кустах репейника пожилую женщину. Она протянула ко мне с мольбой руки и попросила:

- Сыночек, помоги набрать святой воды из ключа. Три дня добиралась из Оренбурга, два ведра яиц продала — все на билеты копила. А вот до источника не могу добраться. Принеси бутылочку...

- Хорошо, — обещаю, — принесу... Беру пол-литровую бутылку, иду к роднику. Набираю прозрачную, пузырящуюся воду. Прохожу обратно через мостик. Из-под тени дубочка встал милиционер-сержант и перегородил дорогу, с сильным акцентом проговорил:

- Молодой щеловек, вылейте воду!..

- Почему, — возражаю, — я студент, взял воду на анализ...

- Ай, нехорошо — обманываешь... Предрассудок поддерживаешь. Нельзя здесь ходить — санитарная зона-курорт... Уходи...

Так и не разрешил вынести воду из источника: пришлось опростать бутылку, и уехала оренбургская казачка без святой водички...

Столь крутые меры в борьбе с немощными старухами — верующими людьми — привели к полному произволу, варварству и запущению: часовня, стоявшая на берегу речки Усолки рядом с родником, была снесена, святой источник взорван, а упавшая береза — расщеплена и сожжена. И остались от мощного родника лишь размытый и заболоченный берег с десятком мелких, бьющих из-под земли ручейков-родничков. И как этот исцеляющий тела и души людские источник, оказалась размытой и вера наших современников, казаков и крестьян, рабочих и мещан, их традиции и нравственные устои. И канули в прошлое великие праздники людских душ и духовности.

Прошло еще два десятилетия. Ослаб идеологический пресс и диктат неистовых блостителей марксизма-ленинизма. Реформы 90-х годов пробудили потомков оренбургского казачества, и началось возрождение его традиций и веры.

...Воскресенье, 21 июня 1992 года. С утра на правом берегу Усолкилюдно и шумно. Впервые, после 70 лет, здесь открыто отмечают большой христианский праздник: девятую пятницу явления иконы Табынской Божией Матери. Из поселка Табынского традиционно-торжественно, как в старые достославные времена, пришли с иконами к святому источнику сотни верующих людей. Колонну крестного хода возглавляли группа священников с епископом Уфимским и Стерлитамакским Никоном и несколько десятков казаков Табынского отдела под командованием атамана В.И.Прудникова. Верующие держали в руках иконы, хоругви и горящие свечи. В руках казаков поблескивали полуобнаженные клинки. Верующие стояли рядом с остатками снесенной часовенки, установили на камни свечи и иконы — и начался торжественный молебен. И снова звучали тропарь и кондак в честь Божией Матери. Пелись псалмы и лились слезы у верующих. И поклялись табынские казаки, как прежде, охранять и свято беречь свою святыню. Обещали облагородить родник, восстановить часовню и вернуть былую славу Табынской Божией Матери.

Прошлое, святое и доброе не уходит бесследно. И, думается, мы общими усилиями вернем святую икону во вновь отстроенный Вознесенский храм. И она вновь будет по-новому, по-доб-

рому служить народу в святом и праведном деле — возрождении казачества, его былой веры, традиций и устоев.

Примечания

¹ Модестов Н.Н. Табынская икона Божией Матери. Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXXI. Оренбург, 1914. С.6, а также: Наука и религия. 1972. № 3.

² Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Оренбург, 1900. С.109.

³ Модестов Н.Н. Табынская икона Божией Матери. С.7.

⁴ Там же.

⁵ Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургская губерния в прошлом ее составе до 1758 года. Т.1. Казань, 1897. С.384.

⁶ Модестов Н.Н. Табынская икона Божией Матери. С.12.

⁷ Там же. С.15.

⁸ Там же. С.17.

⁹ Наука и религия. 1972. № 2, а также: Модестов Н.Н. Табынская икона Божией Матери. С.29.

¹⁰ Чернов И.В. Записки генерал-майора. Труды ОУАК. Вып. XVIII. Оренбург, 1907. С.154.

¹¹ Модестов Н.Н. Табынская икона Божией Матери. С.19.

¹² Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., 1975. С.482, 495.

¹³ Модестов Н.Н. Табынская икона Божией Матери. С.26.

¹⁴ Там же. С.42.

¹⁵ Оренбургские епархиальные ведомости. 1873. № 7.

¹⁶ Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. С.99.

¹⁷ Модестов Н.Н. Табынская икона Божией Матери. С.74.

Н.С.Шибанов

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КАЗАЧЬЕЙ СЕКЦИИ ОРЕНБУРГСКОГО ГУБЕРНСКОГО СОВЕТА

В Полном собрании сочинений В.И.Ленина опубликован текст разговора Владимира Ильича по прямому проводу с председателем Самарского совдепа В.В.Куйбышевым, состоявшегося в

начале апреля 1918 г.: “Тов. Ленин, в Оренбурге снова подняла голову дутовщина: получено донесение, что за 20 верст от Оренбурга наступают казачьи отряды. Илецк окружен казаками, казаки мобилизуют все станицы, чинят страшные зверства, убиты три члена исполкома, председатель казачьей секции Совета Захаров...”¹

Далее сообщается о трагической гибели правительственного комиссара, председателя Оренбургского губисполкома С.М.Цвиллинга, посланного с рабочим отрядом в Соль-Илецк для умирения восставших.

В большинстве документов и сборников, посвященных гражданской войне на Южном Урале, в сносках о Захарове также говорится о его гибели. Например, в именном указателе сборника документов “Гражданская война в Оренбуржье”, где опубликована телеграмма Куйбышева к Ленину, сказано, что “Захаров Ф. — председатель казачьей секции, убит белобандитами в 1918 году”. Однако Ф.Захаров работал наборщиком в газете “Известия” Оренбургского губисполкома Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов и не состоял в казачьем сословии. Вместе с редактором этой газеты С.С.Гринбергом он погиб во время захвата Оренбурга. В “Известиях” за 10 — 23 апреля 1918 г. были напечатаны некролог и стихи “На могилу наборщика Ф.Захарова”, судя по содержанию их, он много лет трудился в типографии и был кадровым рабочим.

А председателем казачьей секции Оренбургского губисполкома и комиссаром трудового казачества весной 1918 г. избирался казак Уйской станицы Никифор Парфенович Захаров. В губернской газете “Голос трудового казачества” от 27 апреля 1919 г. было напечатано “Открытое письмо к трудовому казачеству 1-го Оренбургского округа”, подписанное комиссаром по казачьим делам Оренбургского казачьего войска Н.Захаровым. В фондах государственного архива Оренбургской области хранится анкетный лист комиссара Н.П.Захарова, заполненный им в 1919 г. Но почему его посчитали убитым? Ведь Захаров, получив во время набега дутовцев на Оренбург две раны, остался живым и умер на родине лишь в 1961 г.!

Сам Никифор Парфенович объяснял в воспоминаниях ошибку чисто случайными обстоятельствами: “Освобожденный из плена, член казачьего исполкома Лыков стал разыскивать меня, найдя мою шинель с опознавательным номером в крови, предположил, что я погиб, и сообщил о моей гибели в газету “Коммунар”. Это сообщение было перепечатано газетами “Волжская коммуна” Самары и “Набат” г.Троицка”.

Все это убеждает в том, что в трудном 1918 г., после ухода Дутова из Оренбурга, наш земляк Никифор Парфенович Захаров возглавил Оренбургское казачье войско; стал первым губернским комиссаром оренбургских казаков. Вместе со своими соратниками, работниками волисполкома, много сделал для перевода казачества на сторону Советов.

...Детские годы и юность Н.П.Захарова прошли в поселке Никольском Уйской станицы Троицкого уезда. В многодетной семье из 14 детей он рос старшим. В 9 лет поступил в начальную школу. В казачьих школах дети проходили хорошую общеобразовательную и физическую подготовку, изучали и военное дело. За прилежание и успехи в учебе его наградили похвальной грамотой. У соседнего казака от квартиранта, горного инженера, осталась большая библиотека. В ней любознательный подросток нашел много художественных и научно-популярных книг по естествознанию, астрономии и истории. Как-то поспорил юноша с поселковым наставником (так называли у старообрядцев священника) о происхождении жизни и человека на земле. Мол, человек-то от обезьяны произошел, а земля вокруг солнца вертится... Его батюшка со службы-то и прогнал, не стал больше в церковь пускать. Немало неудобств и попреков испытал он с той поры от отца и поселочников за непотребные богохульные речи.

Потому и поторопились женить его: едва минуло Никифору 17 лет — подыскали невесту. Но жена вскоре умерла вместе с детьми от тифа, а Никифору подошло время идти на царскую службу. За отличную выправку, внушительную внешность и высокий рост определили в лейб-гвардии Сводный казачий полк. И стал он служить в Петрограде.

Началась первая мировая война. 8 августа 1914 г. лейб-гвардейцев отправили на передовую. В составе полка Никифор воевал на Северном, Западном и Юго-Западном фронтах, участвовал в Брусиловском прорыве. Военные неудачи 1915 г. и длительная позиционная война породили недовольство и брожение в войсках. В 11-й армии, в составе которой воевал полк, революционную пропаганду вел известный всему Юго-Западному фронту прапорщик-большевик, первый советский Верховный главнокомандующий Н.В.Крыленко.

В лейб-гвардии Казачьем полку казаки стали проклинать жестокую войну. После февральской революции, в марте-апреле 1917 г. в армейских частях появляются полковые комитеты. У лейбгвардейцев в полковой комитет вошли Н.П.Захаров, А.Е.Карташев, Д.А.Тарасенков, А.Ф.Пасынкеев, А.П.Гиричев и

другие. Вскоре Никифора Парфеновича избрали председателем полкового комитета².

Казачий комитет имел большое влияние на рядовое казачество: контролировал работу штаба и офицеров, следил за назначением и увольнением фронтовиков, при необходимости отменял распоряжения и приказы командиров, тем самым способствовал разрушению российской армии. Комитет отменил приказ комполка Бородина об отправке казаков полка на Дон, где накапливались силы белогвардейцев. Среди фронтовиков упал авторитет офицеров. Вторая Оренбургская сотня, где служили Захаров, Карташев и Пасынкеев, отказалась от присвоения очередного чина отличившимся казакам и офицерам. Немного погодя полковой комитет вынес резолюцию о недоверии 23 реакционным офицерам, 2 чиновникам, священнику и врачу... В протоколе комитета, сохранившемся в Российском военно-историческом архиве, записано: "...предложить офицерам и чиновникам, которым выражено недоверие, немедленно оставить полк"³. В рапорте на имя комиссара 11-й армии командир полка Бородин сообщил об этом решении и просил перевести его в другую часть.

В июне 1917 г. Н.П.Захаров обучается на курсах в Луцке. Он начинает сочувствовать большевикам. В тот период полковой комитет возглавил его боевой друг А.Е.Карташев. Благодаря усилиям Н.П.Захарова и А.Е.Карташева полковой комитет предотвращает попытку офицеров штаба направить лейбгвардейцев в Петроград на подавление Октябрьской революции.

20 октября 1917 г. в Киеве открылся съезд фронтового казачества. Октябрьская революция вынудила казачьи верхи перенести его работу подальше от революционных центров, из Киева в Новочеркасск с делегатами выехал и Н.П.Захаров.

По замыслу руководящей верхушки Союза казачьих войск этот съезд должен был сплотить казаков и двинуть их на подавление революции. Вопреки противодействию фронтовиков, казачьим лидерам и офицерам удалось провести резолюцию, в которой осуждалась Октябрьская революция, а все казачьи войска призывались "к оружию на защиту Родины и свободы"⁴.

Для консервативных лидеров армии очень важно было сохранить казачество как политическую и военную силу. В Ставке Н.Н.Духонина разработали план сведения мелких казачьих подразделений в крупные соединения, с последующим направлением их в казачьи области для борьбы с выступлениями рабочих и крестьян. Для чего и принималась указанная резолюция. Но узнав о данной резолюции, новый Верховный главнокомандующий республики Н.В.Крыленко в телеграмме, направленной на съезд,

потребовал признания Совнаркома и отказа от планов, разработанных Духониным.

Твердость, проявленная большевистским правительством и Главным командованием, повлияла на многих делегатов и заставила их изменить позицию. Об этом упоминал в своих воспоминаниях Н.П.Захаров: "...Нам удалось отколоть трудовое казачество от офицеров и через три-четыре дня мы приняли резолюцию признания власти большевиков во главе с Лениным". А в январе 1918 г. полковой комитет послал к Н.В.Крыленко представителей с ходатайством об отправке полка на борьбу с Дутовым. Верховный главнокомандующий хорошо знал о революционных настроениях лейбгвардейцев еще по службе в 11-й армии и дал согласие на выезд в Оренбург в полном вооружении.

В конце января полк прибыл в город. 5 февраля казаки на собрании приняли резолюцию о поддержке Оренбургского ревкома и заявили о желании вместе с трудящимися "отстаивать свои завоевания и проводить в жизнь святыи идеи социализма"⁵.

Казаки лейб-гвардии полка обратились в ревком с просьбой направить их на борьбу против белоказаков. Но оренбургские большевики не доверяли казакам-гвардейцам и вскоре полк разоружили и разогнали.

Никифору Парфеновичу не удалось возвратиться домой вместе с полком. После роспуска делегатов фронтового съезда, так и не закончившего свою работу, он тяжело заболел. В родной поселок приехал лишь 15 февраля 1918 г. После революции пос.Никольский приписали к станице Соколовской. В январе того же года здесь создали станичный Совет. Организатором Совета и первым его председателем стал бывший фронтовик, рабочий-большевик Белоречского завода Александр Павлович Коковин. Он хорошо принял Захарова, попросил рассказать о деятельности полкового комитета. Убедился, что его земляк — верный ленинец, и вскоре Захарова направили делегатом от казаков станицы на 1-й съезд Советов Оренбургской губернии, состоявшийся 12 — 25 марта 1918 г. в Оренбурге. Из 1200 делегатов почти 1000 оказались большевиками. В период работы съезда Н.П.Захаров стал большевиком.

Этот съезд во многом стал учредительным. На нем избрали постоянно действующие органы Советской власти, подвели итоги борьбы с Дутовым. Большое внимание съезд уделил земельному и продовольственному вопросам, принял основополагающие решения о судопроизводстве, народном образовании и здравоохранении. Съезд одобрил внутреннюю и внешнюю

политику советского государства, и для защиты завоеваний революции призвал трудящихся создавать красногвардейские отряды.

Особое внимание было уделено казачьему вопросу; обсуждение сопровождалось острыми спорами и конфликтами. Да иначе и быть не могло: в глазах большинства делегатов-большевиков казачество становилось ударной силой в борьбе против советской власти. По сравнению с рабочими и крестьянами казаков на съезде было немного, чуть более 120 человек, но и они в числе других делегатов создали свою, отдельную фракцию. 13 марта состоялось заседание фракции. После обмена мнениями решили издавать свою газету, избрали организационную комиссию в составе Ершова, Захарова и Федорина.

Затем приступили к решению вопроса о политической платформе казаков. Следовало принимать линию большевиков или атамано-офицерских представителей на съезде. Голосовать за Советскую власть и сотрудничать с ней или вступить в конфронтацию и бороться с ней.

Лидерам казачьих делегатов Н.Ф.Турчанинову и А.Е.Бочкареву удалось отстоять и принять на фракции свою общеказачью резолюцию: "...Ввиду того, что Оренбургское казачество в целом своем не принадлежит ни к одной из политических партий, казачьей фракцией, в ее целом, не примыкать на съезде ни к одной из политических партий, а оставаться на платформе трудового казачества"⁶.

Казачьим лидерам резко ответил С.М.Цвиллинг, осудивший занятую казаками позицию нейтралитета и принятую казачьей фракцией резолюцию. Он огульно обвинил в целом все казачество в реакционности, монархизме и контрреволюционности: "Триста лет казачья нагайка гуляла по русской земле и забивала все живое, теперь мы освободились от спутывающих нас цепей самодержавия. Мы забыли все ваши избиения в Киеве, Москве, Томске, мы простили все это вам, потому что вы не знали, что делали. Чем же вы отвечаете нам на наше предложение идти рука об руку с трудовым крестьянством? Вы отвечаете нам "нет" или соблюдаете нейтралитет. Так знайте же, кто не с нами, тот — против нас..."⁷

Н.Ф.Турчанинов и А.Е.Бочкарев, отвечая С.М.Цвиллингу, справедливо утверждали, что объединение казачества с крестьянством по-большевистски выльется в расказачивание, что большевики предъявили казакам ультиматум: если казачество не сменит позицию, то всем станицам будет объявлена война. Они говорили об особом пути в революцию и о самоуправлении каза-

чества. И последующие события в губернии подтвердили их опасения и предостережения.

Но в казачьей фракции произошел раскол. От казаков, стоявших на большевистской платформе, с заявлением выступил член президиума съезда Н.П.Захаров. Он зачитал резолюцию, в которой говорилось о полной поддержке казачеством политики новой власти, осуждался нейтралитет отколовшегося большинства казачества, а выступление его лидеров неверно оценивалось как контрреволюционный выпад. Эта резолюция на съезде и была принята. Около 100 делегатов-казаков в знак протеста покинули съезд. Из 75 мест в губисполкоме казакам предоставили 23, но из-за нехватки делегатов в губисполком вошли 9 казаков. Они создали казачью секцию при губисполкоме в составе: Галин Александр, Лызлов Кузьма, Захаров Никифор, Абузяров Хабир, Шереметьев Александр, Кутелев Василий, Лыков Григорий, Журавлев Иван, Пименов Андрей⁸. На другой день после съезда состоялось первое заседание исполкома. Председателем губисполкома утвердили С.М.Цвиллинга, заместителями А.А.Коростелева и И.Д.Мартынова. Назначили комиссаров по отделам, в том числе "Комиссаром по ликвидации Оренбургского войска — Н.П.Захаров"⁹. Такое первоначальное название казачьего представителя в губисполкоме оказалось ошибочным и по форме и по существу. Оно неправильно определяло цель и задачи секции и комиссариата и ориентировало новых правителей губернии на продолжение политики расказачивания и упразднения войска. Но вскоре ошибка была исправлена и Н.П.Захарова стали называть комиссаром Оренбургского трудового казачества. И при губисполкоме был создан комиссариат Оренбургского войска или войисполком. Члены комиссариата решили прежде всего определить главное направление в своей деятельности, нацелить комиссаров на определенные задачи. За подписью Захарова и Галина приняли "Временную инструкцию для руководства комиссаров войска Оренбургского", где указывалось:

"Высшим исполнительным органом в войске является временный войсковой комиссариат войска Оренбургского, избранный до созыва следующего войскового съезда..." Комиссариат обязан:

1. Приступить к немедленному созыву войскового съезда трудового казачества.
2. Немедленно приступить к реорганизации штата служащих в войсковом управлении и штаба войска.
3. Лиц, несоответствующих своему назначению, увольнять.

4. Замеченных в контрреволюции предавать суду военного трибунала.

5. Приступить к организации на местах Советской власти и проведено в жизнь всех проектов, утвержденных губернским съездом..."¹⁰

В краткой инструкции также предписывалось обратить внимание на организационно-хозяйственную и финансовую работу. В объеме этих задач и установок и началась деятельность комиссариата. Войсковое хозяйство находилось в упадке. Требовалось проверить деятельность военных чиновников. Как оказалось, во главе отделов стояли сторонники Дутова — высшие офицерские чины. Однажды к Никифору Парфеновичу пришел начальник страхового отдела с указанием от самого Дутова: выдать погорельцам из станицы Кизильской деньги.

Вероятно, в обстановке войскового "двоевластия", атаман А.И.Дутов хотел как-то наладить сотрудничество с войсковым комиссариатом в деле укрепления войска и оказания помощи жертвам гражданской войны и террора. Но большевик Н.П.Захаров был настроен к атаману непримиримо-враждебно и пресек его робкую попытку к сотрудничеству: доложил заместителю председателя губисполкома А.А.Коростелеву о связях офицеров штаба и управления с Дутовым. В войсковое управление вместе с казачьим комиссаром пришли чекисты и арестовали 14 чиновников. Никифор Парфенович издал приказ по управлению о запрещении служебной переписки без ведома и санкции комиссара (Захаров...).

Н.П.Захарову и его товарищам приходилось много заниматься вопросами укрепления органов советской власти в станицах. Оказывать помощь беднякам-казакам в приобретении обмундирования. Брать на учет семьи фронтовиков, помогать им материально, выплачивать пособия за погибших на фронте лошадей. Члены комиссариата были загружены до предела. Захаров и Шереметьев ходатайствовали перед С.М.Цвиллингом о сохранении казачьего Совета 1-го округа. Цвиллинг с пониманием отнесся к их просьбе и сохранил исполком Оренбургского округа. Бывший председатель А.Е.Бочкарев сбежал, вместо него избрали И.Ф.Киселева. Выполняя решение съезда Советов, приступили к формированию Первого Оренбургского казачьего полка. Комиссары постоянно бывали в станицах, разъясняли казакам и крестьянам политическую линию власти Советов. Однако широко распространить свое влияние среди казачества ни они, ни в целом губисполком не смогли. О причинах этого рассказал в воспоминаниях член Оренбургского ревкома А.З.Здобнов:

“...Ошибка заключалась в том, что когда в первый раз в январе 1918 года, мы взяли Оренбург, мы не развили и не углубили нашего революционного наступления на казаков, а исключительно закрепились в стенах Оренбурга. Белоказачьи банды под руководством Дутова находились в нескольких километрах от города и фактически получали возможность создавать новые отряды. А потому была поставлена задача (не пробиваясь через это сложившееся кольцо) накопления вооруженных сил в самом Оренбурге, обращения Оренбургского губисполкома к революционными отрядам, находящимся по ту сторону, в сфере влияния Дутова, чтобы они стягивались к Оренбургу”¹¹.

Здесь мы видим оторванность и изолированность новой власти от широких казачьих масс. Бывший член губревкома говорит не о разъяснительной и пропагандистской работе среди казачества, способствующей привлечению казаков к власти Советов, он сожалеет о слабом “революционном наступлении” на казаков, другими словами, “белогвардейским бандам” должны были объявить беспощадную войну и террор. Вот тогда бы победа новой власти была обеспечена...

Между тем, сторонники Дутова и ушедшие со съезда казачьи делегаты свободно разъезжали по округу, агитировали станичников вступать в войско Дутова. Они распространяли горькую правду о советской власти, говорили о расказачивании, лишении наделов и выселении казаков с войсковых земель. На сходах напоминали станичникам об артиллерийских обстрелах и сожженных во время боев станицах Донецкой, Солодянской, Кичигинской и других.

Уповая на религиозные чувства казачества, говорили о разрушенных большевиками церквях, сброшенных на пол иконах и расстрелянных священниках. Белая пропаганда и острая критика съезда Советов его участниками сыграла большую роль в разжигании гражданской войны. Все больше станиц и поселков стали открыто выступать против мероприятий новой власти, саботировать решения губернского съезда. Белоказачьи отряды смещали в селах представителей новой власти, расправлялись с активистами, коммунистами и казаками, поддерживающими Советы.

Первые очаги восстания вспыхнули в станицах Изобильной и Буранной, расположенных в районе Илецкой Защиты, что недалеко от Оренбурга. Посланный туда отряд из 17 красногвардейцев был изрублен казаками в станице Ветлянской. При этом погиб председатель Совета Илецкой Защиты Персиянов. В Оренбурге спешно сформировали рабочий отряд и под командованием

С.М.Цвиллинга направили в Илецкую Защиту. 2 апреля отряд подошел к станице Изобильной и, попав в засаду, был разгромлен. Погиб и С.М.Цвиллинг. Спаслись удалось единицам, они и поведали о жестокой драме. Чрезвычайный комиссар Средней Азии П.А.Кобозев направил в Москву В.И.Ленину телеграмму:

“Погибли, будучи изрублены, взятые в плен, товарищ Цвиллинг, губернский комиссар Оренбурга и товарищ Персиянов, уездный комиссар города Илецкой Защиты, с ним вместе такою же мученической смертью погибло 250 человек, попавших в плен”¹².

Вскоре сторонники Дутова решили захватить Оренбург. Заговор против Оренбургского Совета готовился тщательно и в большом секрете.

Операцию возглавили полковник Корчаков и войсковой старшина Лукин. Наступление на Оренбург планировалось начать в ночь с 3-го на 4 апреля с флангов, со стороны вокзала и Форштадта (пригородная станица Оренбурга), этим обеспечить последующий удар в центр города¹³.

Оружие и боеприпасы в город удалось доставить на подводах с кизяком, сеном и хлебом. Накануне губком партии обратился к казакам с призывом помочь голодающим центральных губерний отправить хлеб. В Оренбург прибыло до полутора тысяч подвод с зерном, отдельные из них сопровождалась переодетыми офицерами и были начинены оружием¹⁴.

В случае удачи белоказачи намеревались разгромить отряд красноармейцев, расположенный в здании бывшего юнкерского училища, захватить и уничтожить работников губисполкома и ревкома, поджечь и разрушить главные ремонтные мастерские, базу формирования Красной Гвардии. Особо стремились освободить заложников из числа городской интеллигенции, членов бакинского правительства и белогвардейских офицеров. Затем захватить власть в городе и по всей губернии¹⁵.

Белоказачьи атамано-старшинские лидеры видели и понимали, что, несмотря на отдельные ошибки местных властей, многие казаки из числа фронтовиков и бедноты, хотя с трудом, но начинают разбираться в политике новой власти, перестают верить атаманам, офицерам и священникам, сопротивляются дутовской мобилизации. Эта довольно многочисленная прослойка казачества настойчиво стремилась найти общий язык с рабочими и крестьянами, “замириться” с новой властью и идти одним путем.

Но не все окружающие Оренбург станицы пошли за дутовскими командирами, хотя организаторы наступления не

жалели ни слов, ни сил, ни средств. В операции участвовало 1500 белых казаков, башкир и часть примкнувших к ним юнкеров и гимназистов. Каждому казаку перед боем выдали по бутылке водки, а на рукав навязали белую повязку.

Около 12 часов ночи в городе раздалась оружейная стрельба. Развернулось наступление белоказаков. Тревожно загудели гудки главных железнодорожных мастерских, призывая рабочих к оружию. Воспользовавшись тем, что со стороны вокзала белоказачий отряд не прибыл вовремя и не наступал, большевистские командиры и лидеры отступили из центра на вокзал и, сгруппировав силы, мощным, дружным ударом отряда красноармейцев под руководством заместителя председателя губисполкома Коростелева выбили белых из привокзального поселка. В рядах красных сражался и Н.П.Захаров. Во время боя его контузило взрывом гранаты. Посчитав, что наступление белых в основном отбито, главный штаб приказал казачьим комиссарам покинуть боевые ряды и утром выехать в окружные станции, чтобы на местах провести сходы, разъяснить обстановку и погасить разраставшееся восстание¹⁶.

В два часа ночи Никифор Парфенович и его боевые друзья прибыли в общежитие, расположенное в бывшей квартире атамана Дутова. Опаленные пороховым огнем и сильно уставшие, крепко уснули комиссары под звуки нечастой стрельбы затухающего боя (Захаров...).

А в это время со стороны Форштадта белоказаки и башкиры бесшумно сняли заставы, разгромили поселковый Совет, расстреляли председателя М.Г.Потехина. Без выстрелов ворвались в здание бывшего юнкерского училища, в котором размещался крупный отряд красногвардейцев и несколько женщин, детей и стариков, приехавших к ним в гости. Белоказаки никого не пощадили. Уничтожив отряд красногвардейцев и захватив два орудия, они развили наступление в направлении Главного штаба. Захватили дом Панкратова, где размещался ревком, расправились с матросами, которые находились там на излечении. Белоказакам удалось освободить заложников, в том числе членов Башкирского правительства З.Валидова, И.Салихова, С.Мрясова, И.Мутина, А.Адигамова и др.¹⁷.

К пяти часам утра Дутовцы заняли большую часть города и подошли к Главному штабу. Там размещался взвод охраны, состоявший из мадьяр. Осажденные мадьяры установили на балкон пулеметы и начали поливать казаков свинцом, не давая им продвигаться дальше. Белые залегли, подтянули орудия и пуле-

меты, стали бить из оружия по зданию. Но смельчаки держались до подхода красных частей¹⁸.

О новом прорыве белоказаков красные комиссары не знали. Они продолжали спать. Во дворе дома, где они находились, во флигеле жил казак-сторож. Он оказался дутовцем и привел казаков в дом. В половине пятого утра красные казачьи комиссары проснулись от громкого удара в дверь. К ним ворвались вооруженные дутовцы. В ход пошли приклады и плети. Никифор Парфенович вспомнил, что в туалете, за умывальником, спрятана его винтовка. Решил: "Доберусь до винтовки, живым не дамся — все равно убьют..." — обратился к молодому сотнику:

— Разрешите умыться — хочу смерть чистым принять...

— Это можно, может, побелесешь перед смертью, — усмехнулся офицер.

Широким шагом в туалет, рукой за умывальник... Ничего нет — взяли.

Пленных повели в штаб отряда. По дороге комиссаров встретила толпа белоказаков, с криками набросилась на пленных и начала их избивать нагайками и прикладами. Рядом с Никифором Парфеновичем упал с простреленной головой комиссар Овчинников. К Захарову подскочил разъяренный казак и с разбегу всадил штык в спину. Горячее жало, пробив тело, вышло у левой ключицы. Раненый взмахнул руками, пошатнулся — устоял. Тяжело пошел вперед, винтовка тихо качалась у него за спиной. Второй казак ударил его прикладом, но вместо головы попал в плечо. С глухим стоном упал комиссар на холодную землю. Коротко взмахнув, казак всадил штык в левый бок павшего.

На перекрестке двух дорог, около водоразборной башни, остались лежать на холодной земле убитый Овчинников и раненый Захаров. Утром пришедшие за водой женщины услышали стон раненого, доставили его на перевязочный пункт. Врач осмотрел Захарова, промыл и перевязал раны. После очистки города от белоказаков и башкир Н.П.Захарова положили в губернскую больницу (Захаров...).

Около трех недель пролежал Никифор Парфенович в больнице. Едва оправившись от ран, он снова приступил к работе. Еще в больнице он вместе со своими соратниками по комиссариату пишет и публикует в газетах обращение к "Фронтовому и рядовому казачеству, призывает их на борьбу против белоказак: "Нам нужно взяться за оружие и убрать с нашей дороги виновников нашей вражды и розни, и это мы должны сделать сейчас же, иначе будет поздно"¹⁹.

Для поправки здоровья ему предоставили отпуск до 15 мая. Но перед отъездом в родные места он снова пишет "Открытое письмо к трудовому казачеству 1-го Оренбургского округа". Захаров критикует в нем дутовских "башибузуков", которые ради своих узких сословных целей, во главе с "Чудой Дутовым" готовы потопить дело революции в море крови трудового народа. Он призвал казачество "организоваться и взять бразды правления в свои руки"²⁰.

Немного окрепнув, Захаров уехал в родную станицу. А события развивались неблагоприятно для власти Советов. 27 мая белочехи захватили Челябинск, 28 мая пытались свергнуть власть в Златоусте, 29 мая произошел переворот в Миассе, и комендант города поручик Обухов призвал казачество к борьбе с Советами. В Кундравинской станице, что недалеко от Соколовки, офицеры и атаманы стали формировать добровольческие белые полки. Вокруг Уйской и Соколовской станиц замыкалось белоказачье кольцо. В поселках стало тревожно и смутно.

3 июня в Соколовке состоялся большой сход. В пожарном сарае и рядом с ним стояли и сидели казаки и крестьяне, богатые и бедняки, рядовые фронтовики и офицеры. Вел собрание председатель Соколовского станисполкома А.П.Коковин. Перед всеми стоял главный вопрос — с кем идти? Сомнения некоторых станичников развеяло выступление Н.П.Захарова. Он горячо поддержал председателя Совета, рассказал о революционной борьбе трудящихся Оренбурга против дутовцев, о стремлении атамана и его окружения поссорить казаков с крестьянами и рабочими и свергнуть советскую власть.

В станице произошел раскол. Около 50 казаков и крестьян во главе с М.А.Слинкиным и К.А.Богатыревым оседлали коней и походным порядком отправились в красноказачий полк, который формировался в Троицке. Но 227 казаков-соколовцев пошли в дутовскую армию²¹.

Белоказачи с помощью восставших чехословаков развернули наступление и распространили свое влияние от Миасса до Уйской станицы. Они захватили Троицк, пошли наступать на Верхнеуральск. На подступах к Верхнеуральску около 2500 красногвардейцев и красных казаков, вступивших в отряд братьев Кашириных, дрались против белогвардейских сил.

В разгар ожесточенной борьбы и приехал в город Захаров. Несколько дней спустя в Верхнеуральск прибыл Троицкий отряд во главе с Н.Д.Томиным. В составе отряда был и казачий полк имени Степана Разина под командованием бывшего боевого друга Захарова, сменившего его на посту председателя полкового

комитета лейбгвардейского полка, А.Е.Карташева. Сотни возглавляли однополчане по германской войне Д.А.Тарасенков, А.Ф.Пасынкеев и другие²².

Троицкий и Верхнеуральский отряды объединились, создали единый штаб во главе с И.Д.Кашириным. На совещании командиров решили наступать в направлении Троицка и Верхнеуральска. Вскоре Н.П.Захарова назначили командиром 1-й сотни кавполка имени Степана Разина.

Боевое крещение в качестве командира сотни Никифор Парфенович принял в бою под Сухтелями... расположенном недалеко от Верхнеуральска. Отряд А.Е.Карташева, в составе которого шла сотня Захарова, вместе с конным отрядом Ф.Г.Пичугина атаковали поселок с северо-запада. В авангарде шла сотня Захарова. С близкого расстояния по наступающим ударили пулеметы противника. С флангов били орудия. Сотня попала в трудное положение. Атакующие повернули назад и с помощью товарищей из других сотен отступили на исходные позиции.

Комполка перегруппировал силы, подтянул артиллерию. Беглым огнем обстрелял позиции неприятеля на горе. В лобовую атаку на противника, засевшего на горе Шелудивой, пошли батальон интернационалистов и коммунистическая дружина. Подпустив на близкое расстояние, враг снова открыл огонь. Пушки наступающих замолчали: кончились снаряды. Пехотинцы отступили, залегли, зарылись в землю. Левее наступающих слышалась сильная стрельба и разрывы снарядов. Это сражался у реки Куросан с преградившим путь противником отряд Томина. Послали за снарядами. Загрохотали две пушки красных. С криком "ура" поднялась пехота. Снова повел в атаку конников Никифор Парфенович. Среди всадников разорвался снаряд. Второй снаряд грохнул в центре лавы. Захаров крикнул: "Марш-марш, полный ход!" И понеслись наметом конники, поблескивая клинками. Белые не выдержали удара и сняли с позиции пушки. У самого села левый фланг сотни попал под сильный ружейно-пулеметный огонь. Атакующие замедлили ход, перейдя на рысь. Командир поспекал на левый фланг.

Увидел недалеко, за оврагом, коноводов противника. Приказал первому взводу спешиться и ударить из винтовок по коням. Несколько коней подбили, другие разбежались. Увидев бегущих коноводов с лошадьми, неприятель прекратил огонь и через овраг отступил (Захаров...). Тяжелый бой с переменным успехом длился до глубокой ночи. С помощью подошедшего отряда Н.Д.Томина через два дня разгромили противника и заняли поселок. Ночью получили приказ главкома об отступле-

нии на Верхнеуральск. Все красноармейские отряды стягивались к городу. Следом подступил противник. 7 июля партизаны-каширинцы оставили город и двинулись на Белорецк. Через несколько дней сюда подошли белоказачьи части и с двух сторон обрушились на партизан. Прорвали оборону на участке Троицкого отряда.

В бой брошены рабочие дружины и последний резерв. В критические минуты комполка Карташев направил две сотни под командованием Н.П.Захарова в обход неприятеля, в сторону деревни Ломовки. В густом тумане, скрытно, логом вышли на Верхнеуральский тракт и внезапно обрушились на тыл белых. Сильный удар с тыла и огонь двух пулеметов заставили противника прекратить обстрел города и убрать батарею с позиций. Не выдержав натиска с двух сторон, белоказачи отступили. В схватке отличились бойцы-соколовцы Первой сотни К.А.Бога-тырев, Г.В.Маклецов, Г.П.Губин. Они взяли в плен 8 казаков и отвели в штаб полка²³.

Немало ратных дел числилось за разинцами за время рейда красных партизан под руководством В.К.Блюхера и братьев Кашириных через горный Урал на соединение с частями Красной Армии. В числе других командиров умело вел свою сотню и Н.П.Захаров. В районе рек Белая — Зелым — Сим белые части решили устроить для партизан ловушку. На решающих участках у сел Зелым, Ирныкши и Бердина Поляна разгорелось ожесточенное сражение. Кавполк имени Степана Разина в составе Троицкого отряда занимал деревню Ирныкши. Для организации переправы всего блюхеровского отряда через реку Сим требовалось выиграть время и сдержать натиск противника. Переправившись в ночь на 19 августа на правый берег реки Белой, белогвардейцы силой до 700 штыков и при двух орудиях повели наступление на Ирныкши²⁴. В густом дыму, под разрывами снарядов, бойцы батальона 17-го полка и интернационального батальона окопались на окраине села и плотным огнем встретили нападающих. Весь день шел бой. Кавалеристы-разинцы ударили во фланг врагу, дружной контратакой отбили натиск и отогнали белых к реке²⁵.

20 августа разинцы получили приказ вести разведку вдоль реки Белой, так как неприятель находился вблизи, подтягивал силы и намеревался ударить в тыл партизанам. Первая сотня шла впереди, продвинулась выше деревни Ирныкши, преодолела реку Сим и подошла к селу Охлябино, расположенному у реки Белой. Захаров выслал на берег к пристани разведку в составе Дубкова, Печеркина, Мальцева — всего шести казаков. Рядом с

рекой — лес, ниже — лог, а у самого берега — небольшое взгорье. Скрытно, лесом, подошли к берегу, вынеслись на конях на поляну, а впереди — цепь белых. Поворачивать назад поздно — расстреляют из винтовок. Командир взвода Дубков выхватил клинок и с криком "ура!" наметом понесся на противника. За ним через лог, на взгорье, цепочкой вымахивают на горячих конях остальные разведчики.

Белые солдаты ударились в панику, им показалось, что выскочил авангард красных казаков. Передние отряды повернули назад, увлекли задних, побежали к реке, к пристани. Бросились спасаться кто куда: в воду, на паром. Перегруженный паром перевернулся. Подоспевшая сотня довершила разгром. Многие из неуспевших переправиться были порублены, другие потонули или попали в плен. Кавалеристам-разинцам достались богатые трофеи — снаряды, винтовки, патроны. Отчаянные попытки противника задержать и разбить партизан в районе трехречья окончились неудачей. Уральские партизаны успешно форсировали реку Сим и с боями прорвались сквозь вражеское кольцо²⁶.

Красные партизаны подошли к хорошо укрепленному участку железной дороги Самара — Златоуст. Предстояло прорвать оборону и пересечь важную для белогвардейцев магистраль у станции Иглино. Главный удар по станции должен был наносить Верхнеуральский отряд И.Д.Капирина. Ему предписывалось также развивать действия на левом фланге, в направлении станции Шакша. Но враг оказал сильное сопротивление. На левый фланг Каширин смог выделить только две сотни кавалерии под командованием Ф.А.Вандышцева. Они заняли деревню Касимово²⁷. 29 августа каширинцы мощной атакой выбили белых из Иглино. Но противник решил взять реванш и подтянул силы для флангового удара. Для прикрытия левого фланга Иван Дмитриевич попросил у Блюхера дополнительные силы. Главком приказал Троицкому отряду выделить подкрепление. В прикрытии Н.Д.Томин направил Захарова, дав ему батальон пехоты с двумя орудиями и сотню кавалерии.

Прибыв на левый фланг и убедившись в опасном положении дел, Захаров написал Томину донесение от 30 августа, где указал: "...Деревня Касимово занята противником, там было две сотни каширинского отряда. Они отошли на Яхонтову-Михайловку и из Михайловки отходят на восток, задерживаются в полверсте. Я дал из имеющегося у меня батальона одну роту в поддержку каширинским сотням²⁸. Противник нажимал, Захаров просил дополнительной помощи или разрешения на отход. Комполка Карташев направил ему еще один батальон и обра-

тился за помощью к Блохеру. После подхода свежих сил Никифор Парфенович прочно закрыл левый фланг каширинцев. Противник был остановлен, его действия парализованы.

Более месяца шли "по долинам и по взгорьям" красные партизаны, оббываясь от нападающего противника и внося панику и дезорганизацию в их тылы. Наконец, 12 сентября в районе села Аскино передовые части отряда соединились с красноармейцами.

Бойцов одели, обули и после кратковременного отдыха в Кунгуре отправили на позиции, где они воевали в составе 4-й дивизии, позже переименованной в 30-ю стрелковую. Тяжелые бои вела дивизия в районе станции Шамара Пермской железной дороги. В конце октября белые сгруппировались, подтянули артиллерию и начали наступление в этом районе. Части Красной Армии отступили. Противник снова занял станцию Шамару. 1-я и 4-я сотни полка имени Степана Разина отошли к поселку Усть-Крюки. Лесистая, пересеченная местность позволила неприятелю скрытно подойти к поселку и неожиданно ударить с тыла.

Командир 4-й сотни И.М.Чуриков выехал проверять посты у моста через реку Сытва. На окраине села, в огородах, увидел залегшую цепь. Подумал — красные, крикнул: "Не стреляйте — свой!". По нему залпом в упор. Смертельно раненый Чуриков увидел скачущего помощника комполка С.И.Ловчикова, собрал последние силы, приподнял голову, крикнул: "Белые!"

Ловчиков услышал, остановился, заметил засаду, выставленные дула винтовок. Резко повернул коня, ударил его плетью, взвился на дыбы чубарый мерин и мигом перемахнул забор. Полным карьером поскакал прочь, запоздавшие залпы не задели краскома. Прискакал Семен Илларионович в первую сотню, бледный как полотно, приказал:

— Принимай, Захаров, командование на участке! Чуриков — убит. Впереди — засада!.. — и помчался в штаб полка.

Две сотни красных казаков и рота пехоты отступили на удобные позиции, заняли круговую оборону. Под руководством Захарова почти два дня отбивались от нападающего противника. Не отступили ни на шаг до подхода главных сил, что позволило вскоре снова выбить белых со станции Шамара²⁹. После этого боя С.И.Ловчиков заболел, лечился в Кунгурской больнице. Помощником командира кавполка с 20 октября временно назначили Н.П.Захарова. Он переходит работать в штаб, ему оказывается высокая честь: в ноябре 1918 г. он избирается от Троицкой бригады делегатом на 6-й Всероссийский съезд Советов³⁰. В этот период в кавполку имени Степана Разина оживляется партийно-

политическая работа. Еще во время рейда по тылам белых в полку организовалось партийное ядро и политическую работу среди разинцев вели коммунисты А.Е.Карташев, Н.П.Захаров, Д.А.Тарасенков, А.Б.Вдовин, П.Н.Золотов и В.Е.Морозов. Партийная организация насчитывала в своих рядах 60 человек. Председателем полкового бюро был избран Н.П.Захаров, в его бытность парторганизация выросла в три раза³¹.

О морально-политическом подъеме казаков полка говорит важный документ, сохранившийся в делах Российского Государственного Военного архива. Штаб 3-й армии обратился к комбригу Н.Д.Томину с запросом о представлении к награде орденом особо отличившихся кавалеристов полка. Николай Дмитриевич сделал в свою очередь запрос в полк. И вот что ему ответили разинцы:

"1-й Оренбургский казачий социалистический Степана Разина полк борется с контрреволюцией не за награды, а за светлое будущее всего человечества и от сделанных Вами предложений категорически отказываемся. За командира полка — Н.Захаров, адъютант — Шнек"³².

Никифору Парфеновичу не пришлось освобождать родные места. В начале 1919 г. белых выбили из Оренбурга. Для оперативной помощи местным властям и организации советско-партийной работы среди казачьих масс нужны были опытные и авторитетные работники. В феврале 1919 г. Реввоенсовет республики отозвал Н.П.Захарова в Москву и откомандировал его в распоряжение Оренбургского губисполкома. На совместном заседании казачьего окружного и войскового исполкомов его вводят в состав войскового исполкома и назначают на должность военного комиссара³³.

Весной 1919 г. создалась очень тяжелая обстановка для трудящихся города. Оренбуржцы не успели оправиться от разрухи, явившейся результатом гражданской войны, как уже снова нависла угроза окружения и захвата города белыми. Колчак предпринял наступление на Восточном фронте, обстановка под Оренбургом осложнилась. С 6 апреля в городе объявили осадное положение. Началась более чем 100-дневная оборона города.

В это тяжелое для советской власти время Никифор Парфенович вместе с другими членами казачьего войскового исполкома подписывает "Обращение к казакам линейных станиц". В нем они призывают трудовых казаков встать под знамена революции. С работниками казачьего комиссариата он ездит по станицам, вникает в нужды казаков, агитирует их за вступление в

красные полки. Под их влиянием многие казаки отказывались воевать, переходили линию фронта и сдавались в плен. В апреле 1919 г. в Оренбурге числилось уже около 2 тысяч перебежчиков. Их отправляли в Самару и Сызрань для формирования красных полков.

8 июня 1919 г. в соответствии с указанием ВЦИК, казачий исполком сливается с губисполкомом. Н.П.Захаров начинает работать в губвоенкомате, его назначают помощником губвоенкома³⁴.

В это время в Оренбурге создается укрепрайон. С 30 августа на должность коменданта укрепрайона переводится авторитетный лидер казачьих масс, заслуженный командир 30-й стрелковой дивизии Н.Д.Каширин. 5 октября 1919 г. на совместном заседании губкома партии и военсовета принимается решение о создании при укрепрайоне казачьего отдела. В состав этого органа вводят Н.П.Захарова, И.Еюкина и Е.Башилова³⁵. Работники отдела вели учет перебежчиков и военнопленных, проводили усиленную агитацию среди них и вербовали в Красную Армию. В итоге 10 тысяч военнопленных изъявили желание сражаться на фронтах республики. Из числа их стали формировать красные казачьи полки. Всех кавалеристов требовалось обеспечить справой и вооружить. Н.П.Захарову вместе с помощниками приходилось доставать обмундирование, седла, у состоятельных казаков конфисковывать лошадей.

В Оренбург наехало много беженцев из станиц, занятых дутовцами: Их следовало обеспечить квартирами и продовольствием. Всеми этими и многими другими вопросами занимались "отдельцы". Осенью 1919 г. оренбургские казаки, восставшие на стороне белой армии, в массовом порядке прекратили борьбу с Советами и тысячи из них перешли на сторону Красной Армии, из них также формировали красноказачьи полки и посылали воевать против Деникина, а затем против Врангеля и панской Польши.

После завоевания Красной Армией Урала Н.П.Захаров взял отпуск и в ноябре 1919 г. выехал на родину. Дорогой заразился тифом, заболел, пролежал в больнице до начала 1920 г. Отпуск просрочил, для оформления документов и разрешения выезда обратился в Челябинский губком партии (в сентябре 1919 г. образовалась Челябинская губерния). В губкоме, основательно познакомившись с ним и созвонившись с Оренбургским губкомом, направили работать в Миасский горуездный исполком. В Миассе он деятельно трудился около двух лет: вначале заведующим общим отделом, затем заместителем и председателем

горуездного исполкома и вырос до ответственного секретаря укома РКП(б). Его ближайшими помощниками были коммунисты Н.В.Кузьмин, Г.Г.Максимов, Б.М.Эгле, В.А.Чернов (Захаров...).

Работать приходилось в трудных условиях. В Миасском уезде, как и по всей губернии, свирепствовала эпидемия тифа и холеры, в большом масштабе разразился голод. Уездный исполком принимал меры для ликвидации эпидемии, помощи голодающим и преодоления разрухи. Никифор Парфенович часто выезжал в станицы и поселки, встречался с казаками, разъяснял им политику советской власти, выступал в местной печати по хозяйственно-экономическим вопросам. При его содействии открылся Ильменский государственный заповедник.

В этот период деятельности Н.П.Захаров имел постоянную поддержку партийных верхов и шел, как говорят, в фарватере жесткой партийной линии, проводимой большевиками на селе. На одном из партийных уездных форумов он горячо ратовал за милитаризацию партии. По докладу Н.П.Захарова Миасский уком РКП(б) 16 марта 1920 г. принял постановление: "Признать организацию концентрационного лагеря желательной и необходимой. Поручить тов. Максиму (председатель уездного исполкома. -- Н.Ш.) поставить вопрос на ближайшем заседании исполкома и представить в губком мотивировочные соображения"³⁶. Подобные концлагеря во исполнение решения губернских властей были созданы в Верхнеуральском и других уездах. Он также немало сделал для претворения в жизнь политики военного коммунизма, распространения продовольственной разверстки на казачьи станицы и свертывания в уезде торговли продовольствием, сведения на нет рыночных отношений. Все это привело как к хозяйственно-экономическому, так и к тяжелому политическому кризису в уезде. Первые шаги новой власти встретили яростное сопротивление со стороны казачества и крестьянства. В лесах и горах, в окрестностях Уйской, Кундравинской станиц и города Миасса скопилось более 500 дезертиров. При поддержке местного населения они начинают формировать отряды и оказывать сопротивление продотрядам и коммунистическим частям особого назначения, не позволяя им выребать зерно у казаков и репрессировать хлебобобов. В уезде бывший учитель из поселка Фоминского Я.Г.Луконин и дезертир из поселка Выдринского С.А.Выдрин сформировали крупный, около 200 сабель, отряд и начали боевые действия в уезде и в кантонах Башкирии. Повстанцы действовали решительно: занимали поселки, разгоняли Советы, избирали атаманов, расправлялись по приговорам сходов с коммунистами, продотрядниками и активистами. Так,

после занятия Уйской станицы 24 сентября 1920 г. они расстреляли 9 коммунистов и комсомольцев. 26 сентября в станицу прибыл во главе крупного отряда председатель Миасского горuezдного исполкома С.А.Новиков-Лебедев и, после похорон погибших коммунаров, арестовал 150 заложников из числа мирных жителей станицы, которые частью были расстреляны, а остальные посажены в тюрьму³⁷. Миасский исполком совместно с губвоенкомом формирует особый эскадрон из бывших красных партизан и во главе с краскомом К.А.Богатыревым бросает его на борьбу с повстанцами. 7 октября 1920 г. сводным отрядом, состоявшим из Верхнеуральского отряда Н.Н.Фролова, Белорецкого — И.И.Волкова, Троицкого — Колесова, Уйского — К.А.Богатырева и других, крупный отряд повстанцев в Веселовке был разгромлен.

В 1920 г. Н.П.Захаров участвовал от Челябинской губернии в 8-м Всероссийском съезде Советов, в последний раз слушал выступление В.И.Ленина³⁸. Но вскоре бывшему казачьему комиссару стало не по пути с уездными партийцами. И он, после отчета на пленуме укома РКП(б) в декабре 1921 г., вместе с группой ответственных работников уезда подает в отставку. В том же месяце его мобилизуют в действующую армию, направляют в 1-й кавполк 1-й Сибирской дивизии Белорусского военного округа и ставят парторгом полка. Но чем-то снова не угодили партийцам Захаров и в 1922 г. его исключают за оппозицию из партии и понижают до командира взвода (Захаров...).

После расформирования дивизии Никифора Парфеновича увольняют из партии и он благополучно возвращается в родные места. Во второй половине 20-х годов он трудится в Миасском и Златоустовском кооперативных союзах, избирается заведующим Лебяжевской конторой союза и членом президиума Лебяжевского райисполкома (ныне Курганской области), а затем председателем Варненского райисполкома. В 1927 г. его восстанавливают в рядах партии.

В 1928 г. Реввоенсовет республики за большие заслуги в гражданской войне награждает Н.П.Захарова Почетной грамотой.

В 30-х годах работает начальником строительства Иртышского пароходства, но вскоре его понижают. В 1941 г. его снова исключают из партии (Захаров...). Он тяжело заболевает и перебивается на низкооплачиваемых должностях. В последние предпенсионные и послепенсионные годы он коротает дни и годы в качестве кладовщика склада, кочегара школьной котельни. В 1951 г., проживая в родном поселке Уйском, уходит на заслуженный отдых, получает мизерную пенсию и никак не может

добиться ее повышения и присвоения статуса персонального пенсионера. Но через несколько лет хождения по кабинетам начальников и после многочисленных обращений в вышестоящие органы его признают заслуживающим назначения персональной пенсии. Он возглавляет районный совет ветеранов, выступает перед школьниками и молодежью района. Принимает участие в слетах и торжествах ветеранов на горе Извоз, что рядом с Верхнеуральском, в г.Троицке и других местах. За год до смерти его восстанавливают в партии.

Нелегкая жизнь в борьбе и лишениях, тяжелые раны в прошлом сказались в пожилом возрасте. В 1961 г. он заболевает раком пищевода и желудка и на 70-м году жизни умирает. Ветеран войны и труда, первый комиссар трудовых казаков, персональный пенсионер Н.П.Захаров был похоронен в родном селе с большими почестями.

Примечания

- ¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.50. С.55.
- ² Захаров Н.П. Воспоминания: Фонд автора. В дальнейшем ссылки на воспоминания Н.П.Захарова даются в тексте: (Захаров...).
- ³ РГВИА Ф.2007. Оп.1. Д.88/2/. Л.98,99,269.
- ⁴ Там же. Л.171.
- ⁵ Известия Оренбургского военно-революционного комитета. 1918. 21 февр.
- ⁶ Казачья правда. 1918. 20 марта.
- ⁷ 5 Известия Оренбургского военно-революционного комитета. 1918. 27 марта.
- ⁸ ГАОО. Ф.25. Оп.1. Д.2. Л.3; Ф.1. Оп.1. Д.10. Л.43/об.; Голос трудового казачества. 1918. 30 марта.
- ⁹ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д.3. Л.3.
- ¹⁰ Казачья правда. 1918. 30 марта.
- ¹¹ Оренбургский областной краеведческий музей. История гражданской войны в Оренбургском крае в 1917 — 1919 гг.: Сборник стенограмм. Т.1. С.234,236.
- ¹² Живые строки. Челябинск, 1970. С.166.
- ¹³ Оренбургский областной краеведческий музей. История гражданской войны в Оренбургском крае в 1917 — 1919 гг.: Сборник стенограмм. Т.1. С.238.
- ¹⁴ Там же. С.239.
- ¹⁵ Там же. С.238.
- ¹⁶ Там же. С.238-240.

¹⁷ См.: Кульшарипов М.М. З.Валидов и образование Башкирской автономной советской республики. 1917 — 1920 гг. Уфа, 1992. С.44.

¹⁸ Оренбургский областной краеведческий музей. История гражданской войны в Оренбургском крае в 1917 — 1919 гг.: Сборник стенограмм. Т.1. С.196.

¹⁹ Известия Челябинского уездного Совета. 1918. 26 апр.

²⁰ Голос трудового казачества. 1918. 27 апр.

²¹ ГА ЧО. Ф.885-Р. Оп.1. Д.2. Л.28,36.

²² См.: Карташев А.Е. Борьба за Советскую власть // Слово красноармейца. 1924. 10 мая.

²³ там же. 30 июня.

²⁴ См.: Душенькин В.В. Уральский рейд. М., 1975. С.74.

²⁵ Там же. С.74,75.

²⁶ Г.И.Печеркин. Воспоминания: Фонд автора.

²⁷ РГВА. Ф.7141. Оп.1. Д.92. Л.77.

²⁸ Там же. Л.89,97.

²⁹ ЦДНИ ЧО. Ф.596. Оп.1. Д.234. Л.320.

³⁰ ЦГАОР. Ф.1235. Оп.5. Д.33. Л.173.

³¹ РГВА. Ф.8473. Оп.1. Д.2. Л.3 — 6.

³² РГВА. Ф.1350. Оп.1. Д.7. Л.77 об.

³³ См.: За счастье народное. Челябинск, 1969. С.93.

³⁴ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д.22. Л.24,36,43,46/об/

³⁵ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д.2. Л.3.

³⁶ ЦДНИ ЧО. Ф.324. Оп.1. Д.3. Л.115.

³⁷ См.: Знамя коммунизма. 1957. 31 окт.

³⁸ ЦГАОР. Ф.1235. Оп.7. Д.53. Л.220.

Содержание

Абрамовский А.А., Абрамовский А.П. Управление станичными и поселковыми школами в Оренбургском казачьем войске в XIX веке	3
Апрелков А.В., Попов Л.А. Судьба казачьего полковника Г.В.Енборисова	15
Баканов В.П. Есаул Афанасий Григорьевич Нагаев	30
Баканов В.П. Казак судьбы необъикновенной --- Тимофей Иванович Седельников	54
Волков Е.В. Страницы жизни генерала М.В.Ханжина	74
Кобзов В.С. Воинская повинность оренбургских казаков во второй половине XIX — начале XX века	94
Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в годы первой русской революции	121
Махрова Т.К. Торгово-предпринимательская деятельность оренбургских казаков (вторая половина XIX — начало XX века)	137
Худобородов А.Л. Общественная и политическая деятельность оренбургских казаков в эмиграции (1920-е — середина 1940-х годов)	152
Шибанов Н.С. Казачья заступница и покровительница: Табынская икона Божией Матери.....	169
Шибанов Н.С. Председатель казачьей секции Оренбургского губернского совета	182

Оренбургское казачье войско
Воинская служба и общественная жизнь

Сборник научных трудов

Редакторы: Е.А.Иванова, Л.Л.Шигорина
Технический редактор Э.Я.Юзеев

Сдано в набор 15.01.97. Подписано в печать 11.03.97.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л.13,1.
Тираж 200 экз. Заказ 219. Цена договорная.

Челябинский государственный университет.
454136 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

Полиграфический участок Издательского центра Чел ГУ.
454136 Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57^б.